

ЗАПИСКИ

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

КНИЖКА XXX. Июльско-Сентябрьской

сборки и Третьей Сибирской конференции

ЗАПИСКИ

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

01051362 кр

КНИЖКА XXX.

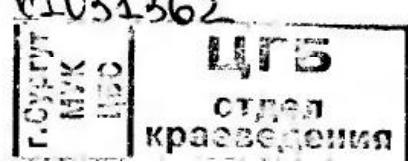

9000021875

11. Записки,

1

ОМСКЪ.
Типогр. Окр. Штаба,
1903.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	^{Стран.}
I. Очеркъ поездки по горной системѣ Алтая. Географический очеркъ (путевые замѣтки) В. Л. Попова	1—28
I. Путь отъ Бокпектовъ до Уланъ-Даба	1
II. Путь вдоль хребта Сайлюгемъ	8
III. Путь по рѣкѣ Чуи до Бійска	14
IV. Профиль пройденнаго пути	17
V. Объ общей конфигураціи горной системы Алтая.	19
VI. О хребтѣ Сайлюгемъ	23
VII. Нѣсколько словъ о нашей торговлѣ по Чуйскому тракту съ С.-З. Монголіей	24
 II. Повѣрья и обычаи Сургутского края. Этнографический очеркъ И. Я. Неклепаева	29—230
Предисловіе	29
I. Демонологическая представленія сургутянъ	35
II. Взгляды сургутянъ на различные церковные праздники и періоды и сопровождающіе ихъ мѣстные обычай и обряды .	62
III. Суевѣрія и предразсудки относительно осяковъ, а равно и позаимствованные отъ нихъ	68
IV. Обычай и обряды при рожденіи и крещеніи и относящіяся сюда суевѣрія и примѣты	78
V. Дѣтскія игры и увеселенія взрослой молодежи	86
VI. Гаданья и присухи	128
VII. Свадебные обычай и обряды	143
VIII. Обычай и обряды при различныхъ случаяхъ обыденной жизни и разныя суевѣрія и примѣты	178
IX. Народная медицина	202
X. Погребальные обряды и суевѣрія о мертвыхъ	225

III. Слѣды христіанства въ надмогильныхъ киргизскихъ мятникахъ по р. Кокшалу въ Кашгаріи. Н. Н. Пантусова.

IV. Наблюденія Омской метеорологич. станціи за 1902 г. П. Соловьевъ

Таблица I-я—ежемѣсячныхъ наблюденій

Таблица II-я—Общій сводъ этихъ наблюденій

V. Списокъ высотъ въ долинѣ Иркута К. П. Линда

Приложени¤:

A. Къ статью В. Л. Попова: 1) Таблица высотъ, опытныхъ во время поѣздки.—2) Схема горной системы Алтая.—3) Вертикального разрѣза горной системы Алтая.—4) Профиль.—5) Маршрутъ пути вдоль по хребту Сайлюгемъ.

B. Къ статью Н. Н. Пантусова: Надмогильные киргизские мятники и изображенія на нихъ, а также—на некоторыхъ киргизскихъ сооруженіяхъ.

III. Слѣды христіанства въ надмогильныхъ киргизскихъ памятникахъ по р. Кокшалу въ Кашгаріи. Н. Н. Пантусова.	231—23
IV. Наблюденія Омской метеорологич. станції за 1902 г. П. Соломнина:	
Таблица I-я—ежемѣсячныхъ наблюденій	23
Таблица II-я—Общій сводъ этихъ наблюденій	24
V. Списокъ высотъ въ долинѣ Иркута К. П. Линда	24

Приложениј:

A. Къ статьѣ В. Л. Попова: 1) Таблица высотъ, опредѣленныхъ во время поѣздки.—2) Схема горной системы Алтая.—3) Схема вертикального разрѣза горной системы Алтая.—4) Профиль пути.—5) Маршрутъ пути вдоль по хребту Сайлюгемъ.

B. Къ статьѣ Н. Н. Пантусова: Надмогильные киргизские памятники и изображенія на нихъ, а также—на вѣкоторыхъ другихъ киргизскихъ сооруженіяхъ.

Неклюев И.Я.

ПОВЪРЬЯ И ОБЫЧАИ СУРГУТСКАГО КРАЯ.

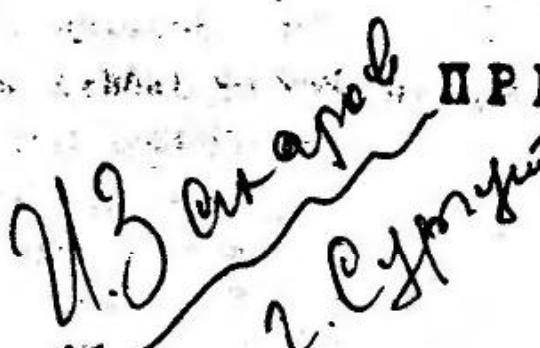
Летские игры и увеселения взрослой молодежи	стр, 86
Гадания и присухи	стр. 129
Свадебные обычаи и обряды	стр. 143
Обычаи и обряды при различных случаях обыденной жизни и разные суеверия и приметы	стр. 179
Народная медицина	стр. 202
Погребальные обряды и суеверия о мертвых	стр. 225

С Т А В Л Е Н И Е

Предисловие	стр. 29
Лемонологические представления сургутян	стр. 35
Взгляды сургутян на различные церковные праздники и периоды и сопровождающие их местные обычай и обряды	стр. 62
Суеверия и предрассудки относительно осятков, а равно и позаимствованные от них	стр. 69
Обычаи и обряды при рождении и крещении и относящиеся сюда суеверия и приметы	стр. 79
Летские игры и увеселения взрослой молодежи	стр. 96
Гадания и присухи	стр. 129
Свадебные обычай и обряды	стр. 143
Обычаи и обряды при различных случаях обыденной жизни и разные суеверия и приметы	стр. 179
Народная медицина	стр. 202
Погребальные обряды и суеверия о мертвых	стр. 225

ПОВЪРЬЯ И ОБЫЧАИ СУРГУТСКАГО КРАЯ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Если ты странствуешь, путникъ,
Съ цѣлью благой и высокой,
То посѣти, между прочимъ,
Край тотъ далекой...

Омургский.

Сургутскій край, это—Сургутскій округъ (нынѣ уѣздъ) Тобольской губ., расположенный по среднему течѣнію р. Оби и по ея притокамъ, на границѣ Тобольской и Томской губерній.

Трудно представить себѣ мѣстность болѣе пустынную, захолустную и дикую. Даже въ навигаціонное время, продолжающееся, однако, здѣсь весьма не долго, не больше какихъ-нибудь 4 мѣсяцевъ, этотъ край слишкомъ мало оживляется Обью, хотя по ней развилось теперь довольно значительное судоходство и пароходы съ баржами, въ теченіе лѣта, почти каждый день снуютъ по ней изъ Томска въ Тобольскъ и обратно. Это столь слабое вліяніе судоходной рѣки на оживленіе края объясняется, конечно, тѣмъ, что Сургутскій край является только проходнымъ путемъ и то на короткое лѣтнее время, при чемъ любопытно замѣтить, что на весь этотъ громадный округъ, который простирается по Оби около 600 верстъ, здѣсь существуетъ только одна пристань (для всѣхъ болѣе крупныхъ и пассажирскихъ пароходовъ, мелкіе товарные заходятъ иногда и въ другія мѣста), это—Бѣлоярская пристань, верстахъ въ 10-ти отъ г. Сургута—административнаго центра всего края.

Но если невелико оживленіе, вносимое лѣтомъ, одной пристанью, то зимой этотъ край становится еще диче и глупше. Тогда, кроме почты, которая ходитъ разъ въ двѣ недѣли изъ Тобольска до Сургута и обратно, да нѣсколькихъ десятковъ обозовъ съ кладью мѣстныхъ купцовъ, отправляющихся въ Тобольскъ и на Ирбитъ,

скую ярмарку, не бываетъ почти никакихъ спошений съ другими окружами. Если къ этому прибавить, что въ теченіе осеннихъ и весеннихъ распутницъ, продолжающихся здѣсь обыкновенно по полугода, по два мѣсяца каждая, Сургутскій край бываетъ совершенно отрѣзанъ отъ всего остального міра, то читатель сумѣетъ по достоинству оцѣнить всю захолустность и глупь этой мѣстности.

Русское населеніе края, очень немногосчисленное и сосредоточивающееся исключительно въ окружномъ городѣ Сургутѣ, да въ немногихъ, 7 или 9, чисто русскихъ поселеніяхъ округа, состоять частью изъ потомковъ давно уже поселенныхъ здѣсь казаковъ, теперь обращенныхъ въ мѣщанъ, частью изъ позднѣе появившихся крестьянъ и мѣщанъ. Нужно замѣтить, что т. летворное влияние уголовной ссылки почти совсѣмъ не коснулось этого края, куда и раньше, повидимому, мало ссылали уголовныхъ, а въ послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ и вовсе перестали ихъ ссылать, представивъ эти дебри однимъ только политическимъ ссылочнымъ.

Что же касается инородцевъ-остяковъ, то въ сѧмомъ городѣ ить почти нѣть, кроме какого-нибудь десятка служащихъ въ работникахъ у мѣстныхъ купцовъ. Но за то въ округѣ, какъ мы уже замѣтили выше, можно насчитать не болѣе 7—9 деревень и сель съ чисто русскимъ крестьянскимъ населеніемъ. А затѣмъ, во всѣ стороны по берегамъ Оби и ея многочисленныхъ притоковъ, тянутся остатки юрты и поселки, общее населеніе которыхъ во много разъ превосходитъ число русскихъ жителей края.

Хлѣбопашествомъ здѣсь не занимаются. Правда, тѣль 40 тому назадъ, въ Сургутскомъ округѣ, какъ въ окрестностяхъ города, такъ и въ одномъ изъ ближайшихъ селъ пробовали производить опыты хлѣбопашства и опыты эти дали, повидимому, благопріятные результаты, но хлѣбопашество всетаки почему-то здѣсь не прижилось⁴), можетъ быть, впрочемъ, и потому, что въ то время, быть дѣлались эти опыты, въ хлѣбопашствѣ здѣсь и не нуждалось, такъ какъ и промыслы тогда довольно хорошо обеспечивали жителей. Какъ бы то ни было, но теперь оно прекращается да-

⁴ Въ „Очеркѣ Сургутскаго края“ („Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О-ва“, кн. X) С. П. Шаховъ упоминаетъ, повидимому, о тѣль же опытахъ, при чёмъ сообщаетъ, что они были безуспешны и объясняетъ это неблагопріятными естественными условіями мѣстности.

леко оть Сургута и, если мы не ошибаемся, съверигье с. Рѣполова (верстахъ въ 30) оть Тобольска по Иртышу уже не встрѣчается.

Главное занятіе жителей края—промыслы. При этомъ у осятковъ преобладаетъ звѣроловство (рыболовные пески они большою частью сдаются въ аренду русскимъ купцамъ, а сами рыболовствомъ промышляютъ, главнымъ образомъ, лишь для собственнаго потребленія), у крестьянъ—рыболовство и, въ меньшей степени, извозъ, а у жителей города—надь тѣми, другими и третьими, по доходности и по количеству занятыхъ рукъ, доминируетъ зимняя доставка пароходскихъ дровъ на Бѣлоярскую пристань (вывозка изъ лѣсу и рубка¹). Но и этотъ промыселъ, какъ и всѣ прочіе, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе падаетъ и населеніе края,—какъ русское, такъ и инородческое,—вслѣдствіе уменьшенія звѣря и рыбы и вырубки лѣса (блізъ выше названной пристани), несомнѣнно, стоять на пути къ обнищанію, хотя, впрочемъ, и въ описываемое нами время оно не могло похвастаться особой зажиточностью. Среди общей бѣдноты горожанъ и крестьянъ выдѣляется лишь небольшая кучка мѣстныхъ купцовъ, разбогатѣвшихъ, главнымъ образомъ, на торговлѣ съ инородцами-остяками и прѣѣжающими сюда на ярмарку самоѣдами. Что представляеть изъ себя эта торговля, это хорошо всѣмъ известно по безчисленнымъ описаніямъ въ сибирской прессѣ²), какъ не менѣе известно также и то, что, къ вышеперечисленнымъ причинамъ обнищанія инородцевъ, слѣдуетъ присоединить и торговую эксплоатацию ихъ русскими купцами...

Что же касается казаковъ-горожанъ, то рапные иѣкоторымъ подспорьемъ для нихъ служилъ казенный паекъ (состоявший изъ муки и крупы); но, съ обращеніемъ ихъ въ мѣщанъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, у нихъ отобрали этотъ паекъ и, кроме

¹) Эта доставка въ описываемое нами время, 1891 г., давала возможность одному рабочему съ ломгалью заработать въ недѣлю рубля 3—4, чо такъ какъ съ каждымъ разомъ за дровами приходитсяѣздить все дальше и дальше отъ пристани и, значитъ, вырабатывать все менѣе, то и заработокъ этотъ начинаетъ сокращаться, хотя цѣны въ среднемъ (за доставку куб. сажени) остаются тѣ же (4 р. 50 к.—5 р.)

²) О сургутской торговлѣ см. нашу ст. „Самоѣдская ярмарка въ Сургутѣ“—„Сибир. Листокъ“, 1893 г., №№ 4—5, а также ст. г. Швецова—„Очерки Сургутскаго края“—„Записки Зап.-Сибир. Отдѣла Имп. Русс. Географическаго Общества“ кн. X, 1889 г.

того, ихъ начали облагать разными „попечными“, „подомовыми“ и „поажельными“, которыхъ они раньше не знали. И это до та-
кой степени огорчаетъ бывшихъ казаковъ, что, кажется, не про-
ѣжалъ мимо Сургута ни одинъ генераль, какого бы онъ ни былъ въ
вѣдомства, къ которому бы сургутине не обращались съ просьба-
ми и ходатайствами о возвращеніи ихъ опять въ казачество, ри-
сующееся имъ, какъ какой-то золотой вѣкъ...

Эти-то горожане-казаки и составляютъ собственно главный
объектъ нашихъ этнографическихъ наблюденій.

Хотя Сургутъ считается окружнымъ (теперь уѣзднымъ) горо-
домъ, но, въ сущности, онъ ничѣмъ, кроме величины и присут-
ствія въ немъ окружного начальства, не отличается отъ всѣхъ
прочихъ русскихъ поселеній округа. Заброшенный на громадное
расстояніе отъ губернскаго и въ то же время ближайшаго города—
Тобольска (864 версты), Сургутъ даже по виѣшнему виду напо-
минаетъ скорѣе село—и то изъ небольшихъ и бѣдныхъ, чѣмъ ка-
кой бы то ни было городъ. Всѣ городскіе атрибуты въ немъ све-
дены къ минимуму и въ описываемое нами время ограничи-
вались: полицейскимъ управлениемъ, почтовой конторой и неиз-
вестно для чего существовавшей воинской командой. Здѣсь не
было тогда ни казначейства, ни суда, ни даже тюрьмы.]

Невелики преимущества Сургута и въ культурномъ отношеніи
передъ округомъ. Въ началѣ 1890 годовъ, къ какому времени
относятся наши наблюденія, на весь городъ съ 2000-мъ насле-
ніемъ было только двѣ школы, это—приходское училище для
мальчиковъ и небольшая школа грамотности для девочекъ, ко-
нечно, далеко не вмѣшивавшія въ себѣ всѣхъ желающихъ учиться
дѣтей. Въ это же время появилась первая и единственная школа
въ уѣзде—въ одной изъ ближайшихъ къ Сургуту русскихъ дѣ-
ревень. Этимъ и исчерпываются здѣсь всѣ мѣры къ развитію на-
роднаго образованія какъ въ городѣ, такъ и въ окрестѣ. Но не
нужно забывать, что эти три школы—продуктъ самыхъ послѣд-
нихъ лѣтъ, а раньше, до конца 1870-хъ годовъ, когда здѣсь по-
явилось приходское училище, ни въ городѣ, ни въ окрестѣ не бы-
ло ни одной школы.

Въ такомъ же неудовлетворительномъ состояніи, впрочемъ,
какъ и повсюду въ Сибири, находится въ Сургутѣ и медицин-

ская помощь, что дает возможность местной народной медицины, о которой у насъ будетъ рѣчь ниже, расцвѣсти здѣсь самымъ пышнымъ цвѣтомъ.

Естественно, что при этой заброшенности, некультурности и дикости края, въ жизни сургутянъ должно было сохраниться, въ болѣе или менѣе чистомъ и нетронутомъ видѣ, не мало любопытныхъ обычаевъ и обрядовъ, носящихъ на себѣ отпечатокъ несомнѣнной сѣдой старины и занесенныхъ сюда съ незапамятныхъ временъ, быть можетъ, еще съ первыми засельщиками края. Эти арханческія черты не трудно подмѣтить какъ въ здѣшнихъ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ, такъ и во многихъ вечерочныхъ играхъ и въ цѣломъ рядѣ разнообразныхъ предразсудковъ и суевѣй. Что не сохранилось въ обрядѣ, о томъ поетъ пѣсня, которая переживаетъ обрядъ, или говорить какое-нибудь темное, глухое повѣрье.

Сургутяне, какъ и вообще всякая темная, непросвѣщенная масса, за еще принужденная жить въ условіяхъ крайней изоляированности отъ остальныхъ русскихъ и, наоборотъ, въ ближайшемъ соприкосновеніи и сосѣдствѣ съ полудикими туземцами-остяками и сахарадами,—естественно, замкнули свою жизнь въ кругу различныхъ унаследованныхъ формъ и ритуаловъ, освященныхъ обычаевъ и практикою дѣдовъ. Всѣ болѣе важные моменты жизни, начиная съ рожденія, продолжая бракомъ и кончая смертью, здѣсь отмѣчены особыми обрядами, во всей своей неприкословенности переходящими отъ одного поколѣнія къ другому и строго соблюдающимися каждымъ.

Впрочемъ, въ послѣднее время врывающіяся и сюда волны городской „цивилизациі“ начинаютъ мало-по-малу пробивать брешь во всей этой первобытной обрядности и молодое поколѣніе, обычный зосатель этихъ мутныхъ волнъ, относится къ стариинѣ уже не tanto почтительно, стараясь внести свои новшества въ стариинный укладъ сургутской жизни. Къ сожалѣнію, однако, всѣ эти новшества пока еще не идутъ далѣе замѣны на вечоркахъ осмыслившихъ и глубоко поучительныхъ стариинныхъ игръ и пѣсень неизѣльными европейскими таацами, да разными пошлими трактирными пѣснями. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ алѣшняя молодежь столь же дика, суевѣрна и невѣжественна, какъ и

самыя старыя старухи. Вліяніе школы совершенно ничтожно, да оно и не можетъ быть инымъ. Трудно, научая только читать и писать, искоренить всю ту сѣть предразсудковъ и суевѣрій, которая опутываетъ жизнь сургутянина буквально отъ колыбели до могилы. Врядъ-ли даже школа и претендуетъ на это и въ резуль-татѣ получается совсѣмъ нежелательное явленіе: суевѣріе и пред-разсудки остаются, а та чудная первобытная поэзія, которой окра-шены многие изъ сургутскихъ обрядовъ и игръ, тѣ прелестныя стариныя пѣсни, которая блещутъ такими дивными красотами образнаго и яркаго великорусскаго языка,— все это исчезаетъ, не замѣняясь пока ничѣмъ лучшимъ. И жизнь становится болѣе прозаической, сѣрой и скучной...

Предлагаемые вниманію читателя очерки сургутскихъ повѣрій и обычаевъ составлены на основаніи личныхъ наблюдепій и рас-просовъ автора, въ теченіе его шестилѣтнаго пребыванія въ Сур-гутѣ въ 1885—91 гг., и хотя эти наблюданія пріурочены, главнымъ образомъ, къ городской жизни, но въ своеемъ мѣстѣ будуть отмѣ-чены и кой-какія деревенскія особенности.

Нечего, конечно, и говорить, что настоящіе очерки далеко не исчерпываютъ того богатѣйшаго этнографическаго матеріала, какої можетъ дать этотъ край, совершиенно неизученный въ эти-нографическомъ отношеніи. Мы имѣемъ въ виду здѣсь русское на-селеніе Сургутскаго края, такъ какъ о населяющихъ его инород-цахъ-остякахъ писалось не мало (хотя, впрочемъ, главнымъ обра-зомъ иностранными исследователями и на иностранныхъ языкахъ); что же касается русскихъ, то, если не считать случайныхъ кор-респонденцій и мелкихъ замѣтокъ въ сибирской прессѣ, да мимо-летныхъ упоминаний и характеристикъ въ трудахъ иностранныхъ путешесвениковъ (Кастрана, Финна и Брема, Сомье и др.), то мы можемъ указать только одну статью, посвященную русскому на-селенію этого края, это ст. г. Швецова: „Очерки Сургускаго края“ въ „Запискахъ Зап.-Сибир. Отдѣла И. Р. Геогр. Общества“, кн. X, за 1889 г. Но и эта статья, давая обстоятельное изобра-женіе (хотя, впрочемъ, не безъ цѣнныхъ промаховъ) матеріаль-ной стороны и экономическихъ условій жизни сургутянъ, почти совершиенно не касается ихъ военныхъ, зврований, обычаевъ, по-

зей, т. е. всего того, что относится къ области духовной культуры и представляеть особый интересъ для этнографіи. Этой-то сторонѣ жизни русскихъ Сургутскаго края и посвящены наши очерки.

I.

Демонологическая представлени¤ сургутянъ.

Понятія о нечистой силѣ и обѣ ея разнообразныхъ проявленіяхъ составляютъ, безспорно, тотъ общій фонъ, на которомъ, главнымъ образомъ, покоятся наибольшая масса существующихъ у сургутянъ предразсудковъ и суевѣрій. Все, что болѣе или менѣе загадочно и что въ то же время является въ томъ или другомъ отношеніи вреднымъ для человѣка, сургутяне обыкновенно приписываютъ дѣйствію какого-нибудь нечистаго духа, если въ некоторыхъ случаяхъ и нельзя указать точно, какого именно духа (такъ какъ всѣ они имѣютъ здѣсь свои специальныя функции или, вѣрею сказать, специальные районы своихъ дѣйствій!), то все-таки это не уничтожаетъ общей вѣры сургутянина, что, во всякомъ случаѣ, это дѣло „нечистаго“.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы нечистой силѣ сургутяне всегда приписывали только вредныя для людей проявленія, причиненіе людямъ зла. Хотя всѣ нечистые духи, по понятіямъ сургутянъ, сами по себѣ дѣйствительно являются существами злыми, но иногда они относятся покровительственно къ тѣмъ или другимъ „пригляднувшимся“ имъ людямъ и оказываютъ своимъ любимицамъ различные услуги въ ихъ материальной жизни. Мы не говоримъ уже о томъ, что есть цѣлый разрядъ лицъ, которые являются какъ бы посредниками между людьми и нечистыми духами и у которыхъ эти послѣдніе играютъ почти служебную роль, исполняя ихъ всевозможныя желанія и прихоти, направленныя, однако, большей частью, ко вреду другихъ людей. Но, кроме этихъ лицъ, находящихся въ постоянномъ общеніи съ нечистой силой, по понятіямъ сургутянъ, и всякому вообще человѣку предоставлены возможность задобрить или умилостивить разгневаннаго почему-либо нечистаго духа, или заранѣе предотвратить этотъ гнѣвъ. Для этого здѣсь существуютъ известные правила и обря-

ды, которые можно назвать въ иѣкоторомъ родѣ сургутскимъ демонологическимъ культомъ.

Съ этими обрядами мы познакомимся ниже, при детальномъ выясненіи воззрѣній сургутянъ на нечистую силу, теперь же слѣдуетъ указать, что демонологическая вѣрованія у сургутянъ разработаны довольно подробно и даже могутъ быть сведены въ иѣкоторую стройную систему.

По понятіямъ сургутянъ, происхожденіе нечистой силы заключается въ слѣдующемъ: въ началѣ былъ Богъ и только добрые ангелы. Но одинъ изъ нихъ, по прозванью Сатана, вдругъ преисполнился зависти къ Богу, къ его всемогуществу, всевѣдѣнію и пр. и самъ захотѣлъ быть таковыми. Возгорѣлась борьба между нимъ и Богомъ, и окончилась тѣмъ, что Богъ, во гнѣвѣ своемъ, низвергъ Сатану въ иль (болото), отчего Сатана съ тѣхъ поръ и стала называться Сатанайлъ. А его приспѣшники попадали съ неба, кто куда пришелся, и тѣ, что унали въ лѣсъ, сдѣлались лѣшими, кто упалъ въ воду, стать водянымъ, а упавшіе въ людскія жилища превратились въ домовыхъ. Сатанайлъ же поселился въ самой присподней, въ илу, въ болотѣ, и оттуда, повидимому, руководить злыми дѣйствіями всѣхъ этихъ болѣе мелкихъ нечистыхъ духовъ — лѣшихъ, водяныхъ, домовыхъ.

Время отъ времени эта борьба нечистыхъ духовъ съ Богомъ проявляется и теперь. Богъ сердится, гремитъ громомъ и посыпаетъ съ неба громовыя стрѣлы. Ихъ особенно боятся нечистые духи и при всякой грозѣ стараются спрятаться за человѣка. Вотъ почему, когда громомъ убиваетъ кого-нибудь, то, по мнѣнію сургутянъ, это значитъ, что за этимъ человѣкомъ спрятался какой-нибудь нечистый духъ (тотъ, въ районѣ которого случилось происшествіе), на которого собственно и была направлена „божья стрѣла“.

Такимъ образомъ, нечистые духи завладѣли нѣзвѣстными районами, въ сферѣ которыхъ и стараются всячески накостить людямъ. Больше всего ихъ прітилось въ жилыхъ человѣческихъ избахъ или по близости отъ нихъ — въ баяхъ и скотскихъ „загородяхъ“ (хлѣвахъ). И такъ какъ съ ними приходится чаще сталкиваться въ обыденной жизни, то естественно, что у сургутянъ имѣются о нихъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, чѣмъ о духахъ, поселившихся въ водѣ и лѣсахъ.

Ниже мы представимъ возрѣнія сургутянъ сначала на домашнихъ духовъ, такъ называемыхъ здѣсь „сусѣдокъ“, потомъ на духовъ, населяющихъ рѣки, лѣса и озера, и, наконецъ, на разныхъ посредниковъ между людьми и нечистой силой—„вѣшиль“, волшебницъ, чернокнижниковъ и пр.

Домашние духи—„сусѣдки“.

Сургутяне не объясняютъ, какого пола были тѣ злые ангелы, которыхъ Богъ низвергъ съ неба вмѣсть съ Сатаной въ домъ: но тѣ изъ нихъ, что пріютились около человѣка—въ избахъ, загородахъ и банихъ, у сургутянъ известны подъ именемъ „сусѣдокъ”—существъ, несомнѣнно, женского пола. Это видно какъ изъ самаго названія—„сусѣдка“ и обращеній къ нимъ сургутянъ съ словами: „матушка-сусѣдка“, о чёмъ у насъ рѣчь будетъ ниже, такъ и изъ того обстоятельства, что въ разговорахъ сургутяне никогда не приравниваютъ „мужиковъ“ (мужчинъ) къ сусѣдкамъ, но обыкновенно сравниваютъ съ ними только бабъ и вообще женщинъ.

Смотря по мѣстонахожденію, сусѣдки бываютъ трехъ родовъ и называются: „избна сусѣдка“ (иногда называемая также „земляная сусѣдка“), „скотска сусѣдка“ и „банна сусѣдка“¹⁾.

Избная сусѣдка завѣдуетъ жилой избой, гдѣ является тайной, но верховной хоziйкой какъ надъ людьми, обитающими въ домѣ, такъ и надъ всѣмъ домашнимъ распорядкомъ и, между прочимъ, надъ животными, которая временно помѣщаются въ избѣ, напр., надъ телятами, надъ курами и пр.

Однихъ жильцовъ эта сусѣдка любить, другихъ нѣть. Первыхъ всюду сопровождаетъ удача и успѣхъ—во всѣхъ домашніхъ дѣ-

¹⁾ Но при разговорѣ сургутскихъ кумушекъ нерѣдко можно услышать такие выражения: „будь она проклята, такъ странна—настояща земляная сусѣдка“,—говорятъ про какую-нибудь женщину, или: „ну, и выгадилась же ты, словно земляная сусѣдка“ и т. п. Эти выражения, повидимому, указываютъ на то, что у сургутянъ существуетъ или, вѣриже, существовала вѣра въ особыхъ еще земляныхъ сусѣдокъ (быть можетъ, обитающихъ въ огородахъ), потому что вышеупомянутыи сусѣдки (избна, скотскія и банна), хотя и „страшны“ на видъ, но не живутъ въ землѣ, а имѣютъ другія мѣстообитанія, и, кроме того, ни одну изъ нихъ (при разспросахъ) сургутяне не называютъ „земляной“. Но подробнѣе выяснить этотъ вопросъ не удалось и, кроме приводимыхъ выше разговорныхъ выражений, мы не могли собрать никакихъ свѣдѣній о земляныхъ сусѣдкахъ.

лахъ, въ промыслахъ, въ торговыхъ операціяхъ,—вторымъ же вездѣ „незадача“. Тѣмъ, кого избная сусѣдка любить, она, въ знакъ своего расположенія къ нимъ, заплетаетъ по ночамъ косы. Эти косы тщательно сохраняются ихъ счастливыми обладателями и ни подъ какимъ видомъ не расчесываются и не обстригаются. Въ Сургутѣ указываютъ нѣсколькихъ такихъ лицъ обоего пола, которыхъ мы имѣли случай сами видѣть; съ густыми косичками за ушами, не заплетенными, а просто сбитыми, какъ войлокъ. Этими косичками обладатели ихъ, повидимому, очень гордятся, хотя, къ сожалѣнію, мы не можемъ подтвердить, чтобы они были изъ особенно счастливыхъ и зажиточныхъ обитателей Сургута. И даже сами сургутяне въ послѣднее время, когда заходить рѣчь объ этихъ „счастливцахъ“, меланхолически замѣ чаютъ: „вотъ, поди же ты, и сусѣдка ихъ любить, и косы имъ плететь, а живутъ какъ бѣдно“...

Если же эти косы, заплете ми сусѣдкой, обрѣзать, то тогда сразу пропадетъ вся дружба и любовь сусѣдки, и при этомъ послѣдняя еще чѣмъ-нибудь отмстить за такое пренебреженіе ея расположениемъ: или самъ этотъ человѣкъ опасно заболѣть, или изъ его родни кто-нибудь погрѣбъ. Сургутяне рассказываютъ по этому случаю, какъ одна женщина, которой не нравились эти войлокообразныя косички, пренебрегла совѣтами стариковъ и обрѣзала ихъ... „И что же?—прибавляютъ рассказчики,—не прошло и полгода, какъ у этой самой женщины утонулъ мужъ“... И съ тѣхъ порь этотъ предостерегающій урокъ живо сохраняется въ памяти сургутянъ.

А кого сусѣдка не валюбить, тѣхъ по ночамъ она мучить—„соннаго трясеть до поту“. Иногда, впрочемъ, она „наваливается“ по ночамъ и на людей, къ которымъ не питаетъ никакой особой злобы. Въ такомъ случаѣ ей надо спросить: къ худу или къ добру она давить, и она, будто бы, всегда отвѣтить, потому что и наваливается только затѣмъ, чтобы предсказать человѣку то или другое. И если она давить къ худу, то, на предложенный ей вопросъ, она глухо продуетъ въ самое ухо три раза холоднымъ леденящимъ дыханіемъ („ажно въ голову вѣтеръ просквозить“): къ худу, къ худу, къ худу. Если же она давить „къ добру“, то тогда „теплымъ духомъ“ тоже глухо отвѣтить: къ добру, къ добру, къ

добру... Обыкновенно въ это время, по словамъ разсказчиковъ, на человѣка нападаетъ такой страхъ, что не всякий рѣшается спросить сусѣдку, къ худу или къ добру она давить. Но, однако, находились и такие смѣльчаки, что, не удовлетворяясь разспросами, схватывали сусѣдку и, какъ кошку, сбрасывали съ себя на полъ, такъ что она упадетъ и при этомъ даже „крякнетъ“. А на завтра находили въ рукѣ клокъ шерсти (съ сусѣдки) съ красными, жесткими, какъ у медвѣдя, короткими волосами... И сусѣдка обыкновенно не сердится на то, что съ ней поступили такъ безцеремонно: „сонному человѣку все простительно, это понимаетъ и сусѣдка“...

Какой же она имѣть видъ? Объ этомъ сургутяне рассказываютъ разно. Ее мало кто видѣлъ, да, по словамъ сургутянъ, „и не дай Богъ никому видѣть“. Она всегда является въ томъ или другомъ обликѣ только къ неблагополучию: или самому заболѣть и даже умереть, или изъ близкихъ родныхъ кто умретъ. И со всеми, кому удавалось ее видѣть, всегда приключались потомъ какія нибудь подобныя несчастія. По однимъ разсказамъ, она круглая, какъ клубокъ, съ человѣческимъ лицемъ, мохнатая, съ красной, жесткой, короткой шерстью, безъ рукъ и безъ ногъ. Одни ее видѣли въ подпольѣ, другие—въ загороди, и при этомъ она быстро укатывалась куда-то, какъ шаръ, и исчезала. Это—по разсказамъ тѣхъ, кто видѣлъ ее днѣмъ или вечеромъ, въ бодрственномъ состояніи. А кто видѣлъ ее ночью, когда она наваливалась на сонного, тѣ говорили, что она тоже мохнатая и маленькая, какъ ребенокъ, съ такими же маленькими дѣтскими рученками, но очень тяжелая, пуда въ три вѣсомъ. Ни хвоста, ни роговъ ни тѣ, ни другие при ней не замѣчали.

Вообще сургутяне боятся сусѣдки и, во избѣженіе съ ея стороны какихъ-либо напастей, стараются ее заранѣе задобрить. Это въ особенности можно наблюдать при постройкѣ нового дома и при переходѣ изъ старого дома въ новый.

Такъ, при „окладкѣ“ (закладкѣ) нового дома, когда положать первыя продольныя бревна, то въ „гнѣздяхъ“, вырубленныхъ въ этиѣ бревнахъ для наложенія на нихъ поперечныхъ бревенъ, дѣлаютъ небольшія углубленія во всѣхъ углахъ и въ нихъ кладутъ—въ каждое углубленіе—по кусочку хлѣба, по маленькому камню и сколько нибудь денегъ (кто сколько можетъ: богатые кладутъ

серебряные монеты, бѣдные—мѣдные). Это дань сусѣдкѣ, чтобы она благоволила къ хозяевамъ. Затѣмъ, въ переднемъ углу ставятъ маленькую цѣльную, съ корнемъ, кедринку и приговариваютъ: „вотъ тебѣ, мать-сусѣдушка, теплый домъ и мохнатый кедръ“... Потомъ приглашаютъ священника и служить молебенъ. По окончаніи молебна поперечная бревна вкладываютъ въ свои гнѣзды и на вѣки закрываютъ углубленія съ хлѣбомъ, камнями и деньгами, а кедринка остается въ переднемъ углу и ни подъ какимъ видомъ не выбрасывается вонъ. Потомъ кладутъ слѣдующій вѣнецъ, за нимъ третій, на него кладутъ балки и настилаютъ полъ, и кедринка такимъ образомъ пристраивается въ переднемъ углу подполья, гдѣ ее и можно видѣть въ любомъ сургутскомъ домѣ. Эта кедринка, повидимому, и служить главнымъ мѣстопребывающимъ домовой сусѣдки. По крайней мѣрѣ, тѣ, кому случалось ее видѣть въ подпольѣ, обыкновенно видѣли ее вблизи этой кедринки.

Точно также, переходя изъ старого дома въ новый, хозяева выводятъ съ собой и старую домовую сусѣдку, приглашая ее словами: „матушка-сусѣдушка, пожалуй съ нами въ новый домъ“, гдѣ ей отводится обычное мѣсто—въ переднемъ углу подполья.

Въ случаѣ нерасположенія къ хозяевамъ, сусѣдка вредить всегда также и тѣмъ животнымъ, которыхъ временно помѣщаются въ избѣ. Въ особенности достается отъ нея курамъ, которыхъ сургутяне по зимамъ держать въ подпольѣ. Если ихъ не валюбить сусѣдка, то она мучить ихъ не менѣе людей. Это замѣчаютъ не тому, что куры вдругъ, ни съ того, ни съ сего, большою частью ночью, когда имъ слѣдовало бы спать, поднимутъ подъ печкой возно, начнутъ неистово махать крыльями, биться и летать. Это ужъ непремѣнно ихъ „вертитъ“ сусѣдка. А когда ихъ вынутъ изъ-подъ печи, то они оказываются еле живыми и страшно измученными, уставшими. Послѣ этого куры обыкновенно начинаютъ храпѣть и потому вскорости дохнуть. И вотъ, чтобы умилостивить сусѣдку и заставить ее полюбить куръ, сургутяне некутъ маленькие кругленькие караваешки хлѣба, втыкаютъ ихъ на лучину и запекаютъ эту лучину за матку подъ печкой такъ, чтобы ни кошка, ни куры не могли достать этого хлѣба. Потомъ, черезъ некоторое время, смотрятъ: если хлѣба нѣть, значитъ, его съѣла сусѣдка, и теперь уже она не будетъ болѣе трепать куръ. Если

же хлебъ еще лежить, то, значитъ, сусѣдка имъ брезгуетъ и требуетъ иного, и тогда черный хлебъ замѣняютъ белымъ. Если же и это не помогаетъ, и сусѣдка по прежнему продолжаетъ трепать курь, тогда принимаются уже другія мѣры, носящія, такъ сказать, оборонительный характеръ. Именно, къ ногамъ курь привязываютъ по клочку „карсучьей“ шерсти¹⁾, на манеръ овечьей „ногавки“ (такъ называютъ сургутяне клочки разной матеріи, которые привязываютъ лѣтомъ къ ногамъ овецъ, чтобы отличать ихъ въ стадѣ одну отъ другой). Карсучью шерсть сусѣдка почему-то особенно не любить и даже чуть-ли не боится ея,—по крайней мѣрѣ, по словамъ сургутянъ, никогда не трогаетъ тѣхъ курь, у которыхъ привязаны „ногавки“ изъ карсучьей шерсти.

Если же карсучьей шерсти нѣть въ домѣ, то бросаютъ въ курятникъ ножикъ, чтобы сусѣдка обрѣзала себѣ лапы, или употребляютъ такие приемы: садять курицу (которую „вертить“ сусѣдка) на заслонку и тихонько стегають ее помеломъ (или же просто только трясутъ помеломъ надъ курицей). Затѣмъ отъ этого помела щиплютъ „елочки“ вѣника и отрѣзываютъ лоскутокъ привязи, которой помело завязано, и все это кладутъ въ ковшикъ съ „жаромъ“ (угольями) и этимъ дымомъ подкуриваютъ верченую курицу. Обкуриваютъ также верченыхъ курь въ первомъ дыму, когда только что затопится печь, держа ихъ на рукахъ на шесткѣ. А чтобы вообще сусѣдка не портила здоровыхъ курь, то обыкновенно въ Спиридоновъ день (12 декабря) садять ихъ подъ кадку, послѣ чего, по словамъ сургутянъ, сусѣдка ужъ не тронетъ ихъ до слѣдующаго Спиридонова дня.

Теперь мы перейдемъ къ воззрѣніямъ сургутянъ на скотскую сусѣдку.

Эта сусѣдка живеть въ „загородяхъ“ и также является верхней хозяйкой надъ всей находящейся тамъ скотиной. Точно также и здесь однѣхъ лошадей или коровъ она любить, другіе—нѣть. Въ первомъ случаѣ скотина бываетъ (благодаря заботамъ сусѣдки) сытая, здоровая, сильная, во второмъ—она начинаетъ болѣть, хирѣть, не пить и не есть. Если сусѣдка полюбитъ какую скотину, то даже таскаетъ изъ чужихъ загородей сено для

¹⁾ Кажется, барсучьей шерсти, но рассказчики всегда произносятъ „карсучье“

ней, отчего скотина эта и бывает такая сытая. Въ знакъ своего расположения скотская сусѣдка (подобно избной) заплетаетъ у лошадей въ гривахъ „косы“—тоже скомканныя въ видѣ воѣлока пряди волосъ. Эти „косы“ хозяиномъ лошади тщательно хранятся и никогда не распутываются, чтобы не прогнѣвить сусѣдки. А какихъ лошадей сусѣдка не валюбить, тѣхъ по ночамъ она мучить, ъздить на нихъ по загороди, и утромъ хозяинъ находить ихъ въ мылѣ и поту, крайне утомленными и измученными. Это значитъ—ночью ъздила сусѣдка. Тогда, чтобы умилиостивить ее, пекутъ круглый маленький хлѣбецъ, посыпаютъ его солью и кладутъ въ загороди подъ матку, притоваривая: „матушка-сусѣдушка, вотъ тебѣ хлѣбъ да соль—полюби нашу скотинушку“. Если и послѣ этого сусѣдка не перестанеть обѣжжать лошадей, то пришиваютъ къ узамъ у лошадей карсучью шерсть.

Но, кромѣ того, во избѣжаніе вообще немилости со стороны скотской сусѣдки, сургутяне ежегодно, въ великий четвергъ, приносять, такъ сказать, жертву этой сусѣдкѣ. Именемъ, въ этотъ день пекутъ маленькие кругленькие хлѣбцы и относять ихъ въ загороди, подъ матку. При этомъ обыкновенно положенныхъ въ предыдущій годъ караваешковъ хлѣба уже не находять на старомъ мѣстѣ, хотя всегда кладутъ ихъ такъ, чтобы скотина не могла ихъ достать. Это означаетъ, по словамъ сургутянъ, что хлѣбцы эти съѣдастъ сусѣдка.

Такіе же хлѣбцы кладутъ и въ новыя загороди, когда изъ старыхъ переводятъ туда скотъ, съ тѣмъ же обычнымъ причетомъ: „вотъ тебѣ, матушка-сусѣдушка, хлѣбъ да соль, а ты полюби, пой и корми нашу скотинушку“...

Банная сусѣдка представляется сургутянамъ существомъ болѣе злымъ и страшнымъ, чѣмъ избная и скотская. Повидимому, въ противоположность этимъ послѣднимъ, которая хотя и причиняетъ иногда непрѣятности, но могутъ также дѣлать людямъ и добро, банная сусѣдка не способна къ добру и всегда причиняетъ людямъ только зло. Поэтому сургутяне боятся ее гораздо болѣе, чѣмъ первыхъ двухъ, и точно также стараются ее при случайнѣ задобрить, какъ и тѣхъ. Для этого, когда топится баня, всѣ вымываютъ, послѣднему, кто мылся, на подъ какимъ ви-

домъ не позволяетъ выливать на себя совершенно всю воду, а нужно хоть и немного ея оставить въ кадкѣ. Эта вода и предназначается для банный сусѣдки и оставляется она съ обычнымъ причетомъ: „вотъ тебѣ, мать-сусѣдка, водица, мойся и парься въ теплой банкѣ“...

Если-же воды не оставить, то сусѣдка разсердится и въ слѣдующій разъ, когда будуть топить баню, можетъ до смерти запарить хозяина ея (или, вѣрище, хозяинку, такъ какъ здѣсь обыкновенно баню топятъ бабы). Точно также банныя сусѣдка не любить, если въ баню ходять въ „третій паръ“, т. е. въ третью сѣну. Этотъ третій паръ—худой паръ, и если пойти одному въ этотъ разъ въ баню, то можетъ явиться сусѣдка и запарить до смерти. Обыкновенно она является въ образѣ какого-нибудь знакомаго или родственника, который тоже якобы приходитъ въ баню помыться. И когда тотъ, кто мылся, обращается къ этому пришедшему съ просьбой окатить его или потерѣть спину, то банныя сусѣдка, принявшая видъ человѣка, начинаетъ окачивать горячимъ кипяткомъ, и, по словамъ сургутянъ, бывали случаи, что обваривала людей до смерти.

О такихъ продѣлкахъ банный сусѣдки здѣсь ходить не мало рассказовъ. Такъ, однажды въ с. Локосовомъ (въ 100 verst. отъ Сургута, по Оби вверхъ) мылись три человѣка въ банѣ—двое сургутскихъ казаковъ и третій мѣстный (локосовскій) попъ. Казаки вымылись раньше и вышли изъ бани въ передбанинкъ, цоиль же остался. Вдругъ они слышать дикіе стоны и мычанье попа, вѣгаютъ въ баню и видятъ, что на попѣ верхомъ сидить кто-то мохнатый (попъ же лежитъ растянувшись на полу). Одинъ изъ казаковъ отъ страха пустился бѣжать, а другой не оробѣлъ и догадался, что надо сдѣлать: скинувшись съ себя шейный крестъ, окунули его въ воду, зачерпнувъ предварительно ковшикъ воды, и этой водой изъ ковшика брызнуль на мохнатаго... Тогда въ банѣ поднялся страшный „трескотокъ“ и мохнатый (это былъ банный) моментально куда-то исчезъ, а попа подняли еле живого, въ безчувствіи. Когда съ попомъ „отводились“, то онъ рассказалъ, что въ то время, какъ онъ сѣль мыться, изъ-за печки выскочилъ этотъ мохнатый, навалился на него и началъ душить, тогда-то онъ и застоналъ... Но были-ли у этого мохнатаго хвостъ и рога

и вообще, какой былъ его виѣшній видъ—участники этого проиществія отъ страха не могли разсмотрѣть.

Другой случай былъ въ одной изъ низовскихъ деревень. Мылись разъ въ банѣ мужикъ и баба (такое совмѣстное мытье мужа съ женой здѣсь является общимъ обычаемъ). Мужикъ вымылся раньше, вышелъ въ передбанникъ и черезъ нѣкоторое время кличть свою бабу: „скоро-ли ты тамъ?“—„Сейчасъ выйду“ отвѣчаетъ баба. Онъ немного подождалъ и опять зоветъ ее, та кричать: „сейчасъ, сейчасъ“, а сама не идетъ. Это показалось мужику страннымъ, что жена такъ долго замѣшкѣлась и когда онъ, отворивши дверь въ баню, въ третій разъ вскрикнулъ: „да скоро же ты, наконецъ?“—то увидѣлъ, что жена его лежитъ на раскаленной каменкѣ безъ движенія и безъ звука... Мужикъ выбѣжалъ изъ бани и крикнулъ народъ, а самъ тутъ же упалъ безъ чувствъ. Когда на крикъ сбѣжался народъ, то бабу нашли уже мертвой, съ совершенно испеченнымъ тѣломъ. Голосъ же, выходившій изъ бани, оказывается, принадлежалъ бенному духу, который въ это время „запаривалъ“ бабу и отвѣчалъ за нее мужику.

Быть такой случай и въ Сургутѣ, когда банный явился разъ къ одной женщинѣ, мывшейся въ банѣ, въ образѣ ея матери, и началъ обливать ее кипяткомъ, пока, наконецъ, эта женщина не выбѣжала голой изъ бани.

Эта боязнь банной сусѣдки служить причиной того, что баня здѣсь является самымъ страшнымъ мѣстомъ, куда не только ночью, но даже и днемъ сургутяне ни за что не пойдутъ въ одиночку, а топить бани или моются тамъ всегда компаніями. Въ банияхъ же происходятъ самые „страшныя“ святочные гаданья, о чемъ намъ придется говорить ниже.

~~~~~ Духи, населяющіе рѣки, лѣса и озера.

По мнѣнію сургутянъ, въ рѣкахъ и озерахъ (но не въ болотахъ, которые являются специальной резиденціей лѣшаго) живеть особый водяной духъ, тѣ, кому доводилось его видѣть, замѣчали у него собачьи ноги и „туловѣ“ (туловище), покрытое шерстью, какъ у выдры, нѣкоторые видѣли также хвостъ и рога. Ютился этотъ духъ попреимуществу въ глубокихъ мѣстахъ, куда и утаинѣть время отъ времени людей и скотину. Если тонетъ че-

ловъкъ или лошадь, это значитъ: ихъ тащить къ себѣ водяной. Но человѣка онъ можетъ утащить только тогда, когда на шеѣ у него нѣтъ креста, съ крестомъ же человѣкъ, по мнѣнію сургутянъ, никогда не утонетъ. А если бывали случаи, что тонули люди и съ крестомъ на шеѣ, то это поражало всѣхъ и объяснялось обыкновенно тѣмъ, что или утонувшій былъ большой нечестивецъ, которому не помогъ и крестъ, или же онъ наскочилъ на слишкомъ дерзкаго водяного, который, давно уже соскучившись по людямъ, съ жадностью накинулся на человѣка и второпяхъ не разобралъ креста.

Водяной въ особенности любить таскать къ себѣ людей въ полночь, „въ худы часы“, какъ говорятъ сургутяне. Вотъ почему сургутяне никогда не купаются ночью, особенно около полуночи, боясь, чтобы водяной не утащилъ ихъ въ воду. Кроме того, водяной почему-то особенно любить „парное тѣло“ и всегда „зарится“ на него. Поэтому никогда не совѣтуютъ купаться тотчасъ по выходѣ изъ бани, „на парное тѣло“, такъ какъ было много случаевъ, что какъ только кто изъ бани станетъ купаться, глядишь, и утонетъ. И не особенно даже давно былъ такой случай съ однимъ сургутяниномъ, который, забывши или пренебрегши наставлениями опытныхъ людей, сталь послѣ бани купаться... И только что онъ зашелъ на глубокое мѣсто, какъ сейчасъ же началъ тонуть, хотя прекрасно умѣлъ плавать. Къ счастью, его вытащили изъ воды, и когда съ нимъ „отходились“ (онъ былъ уже въ безчувствіи), то сургутянинъ этотъ разжазывалъ (и сейчасъ разжазываетъ всѣмъ, кто хочетъ его слушать), что лишь только онъ зашелъ вглубь, какъ водяной облапилъ его и первымъ дѣломъ принялъ стаскивать съ него крестъ (потому, что въ крестѣ ему не утопить человѣка), а пока онъ возился съ крестомъ и снималъ его, подоспѣла помощь, и разжазчика отбили у водяного.

Поэтому, когда кто тонеть, то, чтобы спасти его, бросаютъ въ воду крестъ и этимъ отпугиваютъ водяного, который и оставляетъ свою жертву. А если тонеть скотина, наприм., корова или лошадь при переправѣ черезъ рѣку, то нужно подѣхать къ тому мѣсту, где она нырнула и бросить въ воду ножъ,—тогда водяной выпустить свою жертву и опустится вглубь.

Повидимому, у здѣшнихъ водяныхъ есть свои излюбленныя мѣ-

ста, гдѣ они живутъ охотище, чѣмъ гдѣ-либо еще. Это обыкновенно тѣ мѣста, поблизости отъ которыхъ находились нѣкогда остатки поселенія, нынѣ или затопленныя водой, или сохранившіяся, въ такъ называемыхъ, городицахъ. Такихъ мѣстъ указываютъ иль сколько, какъ въ протекающей подъ Сургутомъ рѣчкой Бардашовкѣ, такъ и на Оби, и обыкновенно тамъ никто изъ Сургутянъ не купается и не переплавляетъ лошадей, потому что раньше, будто бы, здѣсь много гибло скотины и людей.

Не меньшее значеніе, чѣмъ водяному духу, сургутяне приписываютъ также и лѣшему или лѣсному духу, который царствуетъ въ лѣсахъ, на сорахъ, но главнымъ образомъ въ лѣсныхъ болотахъ. Тамъ онъ водить и "кружаетъ" лѣдей. Если кто заблудится въ лѣсу или на болотѣ, то сургутяне обязательно приписываютъ это тому, что его водилъ или кружатъ лѣши, а потому и совсѣмъ, если кто замѣтитъ, что заблудился, непремѣнно остановиться и сотворить молитву: "Да воскреснетъ Богъ"... Лѣши тогдѣ съ громкимъ хохотомъ и съ шумнымъ хлопаньемъ "въ ладушки" удалится въ глубь лѣса, и заблудившійся скоро отыщетъ дорогу. Иногда лѣши водить невидимымъ образомъ, иногда же принимаетъ видъ человѣка, обыкновенно какого-нибудь близкаго знакомаго или даже пріятеля, который тоже, яко-бы, очутился въ лѣсу съ тою же цѣлью, что и заблудившійся. Этотъ "пріятель" предлагаетъ вывести изъ лѣсу; ему, конечно, довѣряешься, разсказываютъ сургутяне, и онъ тогда заводитъ въ такую трущобу, что становится уже несомнѣннымъ, что имѣешь дѣло съ лѣшимъ, а вовсе не съ пріятелемъ. Тогда слѣдуетъ сотворить обычную въ этихъ случаяхъ молитву ("Да воскреснетъ Богъ"), и этотъ "пріятель" превратится въ громадного человѣка и съ хохотомъ и шумомъ исчезнетъ въ лѣсу... При этомъ, по словамъ сургутянъ, исчезая въ лѣсу, лѣши (если онъ является въ образѣ какого-нибудь знакомаго человѣка) не преминетъ еще, какъ бы, похвастаться: "ха, ха, ха,—захоочеть онъ дикимъ хохотомъ, отъ котораго морозъ подираетъ по кожѣ,—русскаго обманула, съ русскимъ шель и русскаго провелъ..."

Такъ что себя этотъ духъ, очевидно, считаетъ не русскимъ. Въ этомъ не трудно замѣтить влияніе инородческой демонологии на сургутянъ, о чѣмъ подробнѣе у насъ рѣчь будетъ ниже.

Если лѣшій присутствуетъ гдѣ нибудь невидимо, то, по словамъ сургутянъ, его можно сѣять и видимымъ. Когда, напр., ѿдешь въ лѣсу или по сору на лошади, и послѣдняя станетъ безъ всякой видимой причины шаразиться, бросаться въ стороны, „таращиться“, это значитъ, что ее не пускаетъ лѣшій, который стоитъ тутъ поперегъ дороги. Его можно прогнать обычнымъ способомъ, т. е. сотворивъ молитву, но если при этомъ желательно сѣять его видимымъ, то стоитъ только посмотреть впередъ, сквозь дугу, межъ ушей лошади, и тогда лѣшій приметъ свой настоящій видъ: страшнаго, огромнаго, выше лѣса, человѣка въ бѣломъ одѣяніи. Если потомъ прочитать молитву, то онъ съ шумомъ и грохотомъ удалится съ дороги, и лошадь побѣжитъ обычнымъ бѣгомъ.

Иногда лѣшій принимаетъ видъ собаки или зайца, и если въ такомъ видѣ перескочить черезъ дорогу, то можетъ „скрасть дорогу“, т. е. путникъ или проѣзжающій потеряетъ путь и заблудится.

Любопытно, между прочимъ, что лѣшій, по словамъ сургутянъ, не любить „матерскихъ словъ“, и когда услышитъ въ лѣсу такую ругань, то нарочно прибегаетъ изъ своихъ болотъ, чтобы водить и кружить человѣка.

Точно также, по словамъ сургутянъ, лѣшему бываетъ „тяжело“, когда по какомъ нибудь покойникъ служить сорокоустъ (или, какъ здѣсь говорятъ, „сорокоустю“ служить).

У лѣшаго есть и жена—„лѣшиха“, съ длинными волосами: во принимаетъ ли она участіе въ продѣлкахъ своего мужа и какъ именно—намъ не удалось узнать.

По какой степени сургутяне боятся лѣшаго, можно видѣть изъ того, что при входѣ въ лѣсъ, куда обыкновенно ходятъ лишь большими компаніями, напр., за грибами или за ягодами, здѣсь устраивается цѣлый ритуалъ, имѣющій въ видѣ охрану отъ лѣшаго. Именно, передъ тѣмъ какъ разсыпаться по лѣсу, „вожата“ скликаетъ всю компанію и кричитъ: „собирайтесь въ кругъ“. Когда все станутъ вокругъ, а „вожата“ по срединѣ, послѣдняя произноситъ молитву: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“ На что компанія отвѣчаетъ хоромъ: „аминь“, а вожата говоритъ: „спасибо на аминь“. И такъ до трехъ разъ. Потомъ все кричатъ „въ-голосъ“ (хоромъ): „Богъ пѣ помошь“, тоже до трети разъ, и затѣмъ уже расходятся по лѣсу...

Дѣлается это, по словамъ сургутянъ, для того, чтобы лѣшій не увелъ кого изъ „табуна“... „Долго-ли до бѣды? Безъ молитвы не долго и прикоснуться нечистой силѣ“...

Существуетъ у сургутянъ и вѣрованіе въ русалокъ, хотя въ очень смутномъ видѣ. Русалки, по ихъ мнѣнію, это—обитательницы лѣсныхъ озеръ, гдѣ они сидятъ у воды и моются, закрывши волосами,— волоса же на нихъ длинные, въ родѣ конскихъ хвостовъ.

Если, не благословясь, броситься въ такомъ озерѣ въ воду, то обязательно схватить русалка и вѣпится прямо въ „икрянку“ (икры ноги) и втянетъ внутрь. Если не оробѣешь и сотворишь молитву, то силы хватить вырваться отъ русалки, но только все-таки „мякоть“ (ноги) останется, „у ней—половину оторвать: столь она цѣпка“...

Посредники между людьми и нечистой силой.

По мнѣнію сургутянъ, есть лица, которые находятся въ сношенияхъ съ нечистой силой и, пользуясь этими связями, могутъ причинять людямъ различные непріятности. Эти лица известны здѣсь подъ именемъ „чернокнижниковъ“, „еретиковъ“ или „еретицъ“¹⁾ и „вѣщихъ“. Въ противоположность „еретикамъ“, которыми бываютъ какъ мужчины, такъ и женщины, „чернокнижники“ бываютъ обыкновенно только мужчины, а „вѣщицами“— однѣ только женщины. „Можетъ быть въ другихъ мѣстахъ,— говорятъ по этому поводу сургутяне,— гдѣ есть грамотны женщины, чернокнижницами бываютъ и бабы, но у насъ обѣ этомъ не слыхивано, чтобы бабы были чернокнижницами“...

По словамъ сургутянъ, чернокнижника можно узнать и по наружному виду: онъ никогда не стрижетъ ногтей, не чешетъ волосъ и не молится Богу.

Объектъ вліянія чернокнижниковъ, это—человѣкъ; съ нимъ они могутъ сдѣлать, что хотятъ: вылечить, испортить, причинить дру-

¹⁾ Рѣже, и лишь только въ поясненіе, называютъ ихъ еще колдунами и колдуньями, проказниками и чародѣйками, и хотя эти послѣдніе эпитеты известны къ Сургуту, но самъ сургутяне, въ своихъ рассказахъ обѣ этихъ посредникахъ, всегда называютъ ихъ общесуперъбительными въ здѣшнемъ краѣ терминами: еретики и чернокнижники.

гой какой вредъ, и все это—посредствомъ заговоровъ. Но заговоры чернокнижниковъ дѣйствительны только на одинъ годъ, и каждую Христовскую заутреню ихъ нужно подновлять. Подновление это заключается въ томъ, что чернокнижникъ во время заутрени долженъ прочесть (про себя, молча), всѣ сдѣланные имъ за годъ заговоры, и тѣ изъ нихъ, которые онъ не успѣетъ произнести, теряютъ свою чудодѣйственную силу, при чемъ въ это время онъ отнюдь не долженъ оглядываться назадъ. Если же къ нему подойти сзади, когда онъ читаетъ свои заговоры, и, толкнувъ его въ задъ, сказать: „Христосъ воскресе!“ и онъ оглянется, то тутъ же упадетъ мертвымъ. Въ лучшемъ для него случаѣ, доберется до дома, не достоявъ заутрени, и всетаки умретъ...

По мнѣнію сургутянъ, чернокнижникъ всегда умираетъ „не своей смертью“, и обыкновенно въ тотъ моментъ, когда онъ отходитъ, на крышу того дома, гдѣ онъ лежитъ, слетается множество воронья. Это воронье, которое вдругъ „ни откуда“ появляется цѣлой стаей надъ тѣмъ домомъ, гдѣ лежитъ умирающій, и начинаетъ „нешадно“ каркать, какъ надъ „пропастиной“ (падалью),— и является въ глазахъ сургутянъ самимъ вѣрнымъ признакомъ того, что это умираетъ чернокнижникъ. А послѣ его смерти, въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, долгое время „маячить“ и „чудится“, т. е. разгуливаетъ по ночамъ какое-то привидѣніе¹) въ бѣломъ одѣяніи, которое и видѣть нерѣдко въ полночь обитатели этого дома. По мнѣнію сургутянъ, это бродить тѣнь чернокнижника, и она будетъ до тѣхъ поръ пугать людей, пока на его могилѣ не вѣрнуться осиновый колъ. Послѣ этого чернокнижникъ навѣки ужъ успокоится и не станетъ болѣе своей тѣнью тревожить людей...

Кромѣ чернокнижниковъ, по словамъ сургутянъ, знаются съ нечистой силой еще „еретики“ и „еретицы“.

Отъ чернокнижниковъ они отличаются тѣмъ, что при жизни, повидимому, не дѣлаютъ никакого ала и вреда людямъ и вообще ничѣмъ не проявляютъ себя. Такъ что нѣтъ никакихъ наружныхъ и видимыхъ признаковъ, по которымъ можно было бы узнать еретика. Но сами они знаютъ о своей связи съ нечистымъ духомъ, и передъ смертью обязательно объявляютъ кому-нибудь

¹ У сургутянъ есть слово „привидѣніе“ или „призракъ“, но чаще они называютъ его „мечтой“.

изъ Слизкихъ къ нимъ лицъ, напр., женѣ или дѣтямъ, чтобы ихъ остерегались потомъ... И вотъ въ первую же ночь постъ смерти, какъ только наступить полночь, еретикъ встаетъ изъ гроба и бросается на живыхъ людей, которыхъ тутъ же и погибаетъ...

Обыкновенно, если еретикъ передъ смертью комунибудь объявится, то, когда онъ умретъ, ему связываютъ руки и ноги конскими волосами, а въ могилу вбиваются осиновый коль, постъ чего еретикъ не можетъ уже встать изъ гроба и на вѣки прекращаетъ свое людоѣдство.

Такъ какъ въ здѣшней мѣстности и всегда (какъ увидимъ ниже) покойникамъ связываютъ ниткой руки и ноги, то и еретикъ, на могилѣ котораго еще не успѣли вбить коль, по выходѣ изъ гроба не можетъ ходить или бѣгать, какъ всѣ люди, а только скакать, какъ собака, и точно также не можетъ разнять своихъ рукъ, а такъ и прыгаетъ со связанными на груди руками. Но зато у него постъ смерти появляются длинные и острые зубы, которые онъ и пускаетъ въ дѣло, пожирая людей. А когда лежитъ въ гробу, то этими зубами нещадно „скиркаетъ“ („скорчегаетъ“, скрежещетъ¹) и этимъ наводить на всѣхъ окружающихъ необыкновенный ужасъ.

Еретики, какъ и вообще всѣ люди, знающіеся съ нечистой силой, дѣйствуютъ только въ полночь, „въ не показаны часы“, а затѣмъ, когда пропоютъ первые пѣтухи, ложатся обратно въ гробъ.

Въ прежнее время, по словамъ сургутянъ, всѣхъ сомнительныхъ покойниковъ, т. е. такихъ, о которыхъ „при живности“ ходили различные подозрительные слухи обѣ ихъ сношеніяхъ съ нечистой силой, всѣхъ такихъ лицъ клади, будто бы, въ особыхъ церквяхъ, нарочито для этого предназначенныхъ, гдѣ и держали ихъ въ гробахъ известное время, не предавая землѣ, въ родѣ какъ на испытаніи. Вотъ, однажды, разсказываютъ сургутяне, такую церковь рѣшился постыдить ночью одинъ смѣлый солдатикъ. Зашелъ онъ въ нее до полуночи и залѣзъ на печку, а самъ взялъ себѣ собой на всякий случай сковородку. Какъ только часы пробили полночь, всѣ еретики, что лежали въ церкви, выскочили изъ своихъ гробовъ и принялись прыгать и скакать по церкви. Но вскорѣ

¹) Отсюда у сургутянъ существуетъ и поговорка: „онъ оскалилъ зубы, какъ еретикъ“...

они учудили свѣжій человѣчій духъ, обозрили солдата и мигомъ бросились къ печкѣ, по вѣтѣзть на печку и достать солдата имъ не удалось, потому что солдатъ усѣлся на сковородкѣ, а сковородка—извѣстное дѣло—предохраняетъ отъ всякой этой нечиости. Тогда видѣть еретики, что ничего не могутъ подѣлать съ солдатомъ, и принялись отъ злости своими долгими зубами грызть печку. Они уже совсѣмъ было подгрызли печку и солдатъ чуть было не свалился внизъ, какъ вдругъ запѣли пѣтухи, и всѣ еретики сейчасъ же разбѣжались по своимъ гробамъ. Тогда солдатъ стѣзъ съ печки и, чтобы еретики не замѣтили его стѣдовъ, куда онъ уйдетъ, вышелъ изъ церкви „въ-запятки“ (задомъ).

На слѣдующую ночь солдатъ опять пришелъ, но въ церковь не зашелъ, а затѣзъ на дерево, что стояло здѣсь у церкви надъ колодцемъ. Очень ужъ хотѣлось ему досмотрѣть, что-то теперь будутъ дѣлать еретики и найдутъ-ли его.

Какъ только наступила полночь, еретики опять съ шумомъ и съ ужаснымъ скрежетомъ зубовъ выскочили изъ своихъ гробовъ и прямо бросились къ печкѣ. Но солдата тамъ нѣть, а слѣды вѣдуть къ печкѣ, выходныхъ же стѣдовъ тоже не видно... Съ либимъ воемъ принялись они всюду разыскивать солдата и, выбѣжавъ изъ церкви, стали искать его по окрестностямъ. Здѣсь они увидѣли въ колодцѣ отраженіе въ водѣ солдата, сидящаго на деревѣ, и это отраженіе приняли за самого солдата. Обрадовались еретики, что, наконецъ-то, нашли его и стали закидывать колодецъ камнями, думая, что погребаютъ солдата... А когда пропѣли пѣтухи, еретики опять залегли въ свои гробы.

„Вѣщницы“ бываютъ только женщины, разныхъ возрастовъ, но всегда замужнія. Въ обычное время ихъ ничѣмъ не отличишь отъ другихъ женщинъ, но какъ только наступаетъ полночь, онъ сейчасъ же принимается за свое дѣло. А дѣло это состоять въ томъ, что по ночамъ онъ летаютъ въ видѣ сорокъ и вынимаютъ у беременныхъ женщинъ недопонесенныхъ дѣтей, а у коровъ таковыхъ же телятъ. И вынутыхъ недонасоковъ, энѣ потому жарятъ и ёдятъ. Ими, повидимому, онъ только и питается, безъ нихъ же не могутъ и жить.

Сургутяне, по ихъ словамъ, не разъ замѣчали, что беремен-

ная женщины, безъ всякой видимой причины, впезапно теряли свой плодъ... Женщина быта, несомнѣнно, беременна, бабка уже опускала у нея младенца, и скоро должны были наступить роды, какъ вдругъ, проснувшись въ одно утро, эта женщина съ ужасомъ замѣчала, что она ужъ „опросталась“ и у нея нѣтъ ребенка... Это не спаче, какъ ночью прильгала вѣщица и вынула его.

При этомъ, взамѣнъ вынутаго ребенка, вѣщицы кладутъ въ опорожненную утробу матери или кусокъ льда, или кусокъ хлѣба, или голикъ (худой вѣникъ). Это дѣлается въ ту же ночь, при чёмъ сама беременная женщина обыкновенно ничего не чувствуетъ въ это время, что съ ней дѣлаетъ вѣщица, такъ какъ постѣдняя напускаетъ на нее въ этомъ разъ крѣпкій и глубокій, мертвый сонъ.

Если вѣщица ничего не имѣеть противъ той женщины, у которой вынимаетъ ребенка, „не несеть противъ нея никакого зла“ (а надо сказать, что вообще вѣщицы, по словамъ сургутянъ, не несутъ противъ этихъ женщинъ никакой особой злобы, вынимая же у нихъ ребять только потому, что безъ этого вѣщицы не могутъ жить, такъ какъ недонасками онѣ только и питаются), то, вмѣсто украденного ребенка, вѣщица кладетъ въ утробу матери кусокъ хлѣба, послѣ чего мать обыкновенно не чувствуетъ никакой болѣзни и даже начинаетъ „добрѣть“.

Но если вѣщица зла на ту женщину, у которой она уносить ребенка, то взамѣнъ его она оставляетъ или кусокъ льда, или голикъ. И тогда эта женщина испытываетъ страшныя муки, которыхъ не скоро проходятъ.

Иногда же, вынувши живого ребенка, вѣщица подсовываетъ вмѣсто него мертваго — отъ какой-нибудь другой матери. Это дѣлается тоже ночью, и беременная, по обыкновенію, ничего не чувствуетъ въ это время, обманъ же обнаруживается только при родахъ, когда вдругъ появляется „не отъ чего“ мертвый ребенокъ, и при томъ обликомъ — ни въ мать, ни въ отца....

Чаше всего вѣщицы такимъ же порядкомъ портятъ беременныхъ коровъ, у которыхъ тоже вмѣсто вынутыхъ телятъ кладутъ въ нутро хлѣбъ, или ледъ, или голикъ. Все это, по словамъ сургутянъ, не разъ находили у заколотыхъ коровъ, закалывали же ить потому, что, не смотря на всѣ видимые признаки беременности,

и, между прочимъ, отсутствіе молока, эти коровы цѣлые мѣсяцы и годы не давали никакого приплода. А обыкновенно, когда вѣщица вынетъ у какой-либо женщины или коровы ихъ плодъ, то онъ ужъ больше никогда не забеременять, не „понесутъ“. И вотъ, если корова долго не телится, то догадываются, что вѣщица у ней вынула теленка, и такую корову обыкновенно сейчасъ же убиваютъ, потому что отъ нея уже не будетъ ни молока, ни телять, и держать ее станетъ безвыгоднымъ. Въ утробѣ этихъ коровъ и находятъ вмѣсто телять одинъ изъ вышеперечисленныхъ предметовъ, при чемъ заранѣе можно предсказать, что именно тамъ найдется. Такъ какъ отъ льда корова забываетъ, отъ хлѣба ее пучить, а отъ голика она сохнетъ.

По словамъ сургутянъ, вѣщицы летаютъ по почамъ въ видѣ сорокъ, но безъ хвоста, обычнымъ сорочьимъ полетомъ—то вверхъ, то внизъ, то опускаясь, то поднимаясь. При этомъ надъ головой у такихъ сорокъ бываетъ замѣтенъ небольшой синеватый огонекъ. И вотъ если въ полночь,—говорятъ сургутяне,—увидишь безхвостую сороку съ синимъ, едва замѣтнымъ, огонькомъ гадъ головой, ныряющую въ воздухъ то вверхъ, то внизъ,—это, непремѣнно, вѣщица; если же доподлинно хочешь узнать, кто же именно летаетъ подъ видомъ этой сороки, то нужно снять штаны и, обернувшись къ вѣщицѣ задомъ, посмотретьъ на нее промежъ ногъ, и тогда сорока, какъ клубокъ, упадетъ на землю и превратится въ ту или другую женщину, которая сейчасъ же бросится въ ноги къ тому человѣку, кто ее „обнаружилъ“, и станетъ всячески его упрашивать никому не сказывать объ этомъ. И эта просьба вѣщицѣ обыкновенно всегда исполняется, потому что сургутяне уверены, что если ее не исполнить и, хотя бы подъ величайшей тайной, разскажать объ этомъ кому-нибудь, то про это непремѣнно узнаетъ вѣщица, такъ какъ она „все знаетъ“, и жестоко отмстить болтуну; если это человѣкъ женатый, то можетъ испортить у него жену, а если холостой, то „напустить на него сухоту и тоску, а можетъ сдѣлать и хуже“....

Этимъ путемъ обнаружить вѣщицу могутъ только мужчины, бабы же, сколько бы ни смотрѣли на такую сороку промежъ ногъ, не увидятъ вѣщицы въ ея настоящемъ видѣ. Но есть и другие способы обнаружить вѣщицу, доступные всѣмъ, безъ различія пола.

По мнению сургутянъ, у вѣщицъ первый дымъ изъ печной трубы никогда не выходитъ спокойно и тихо¹), а всегда его вертить и кружить клубами во всѣ стороны, какая бы ни была погода. И вотъ, если раннимъ тихимъ утромъ посмотретьъ на тотъ домъ, гдѣ предполагается вѣщница, то первый дымъ, вместо того, чтобы подыматься по выходу изъ трубы ровно и спокойно вверхъ, будетъ клубиться и вертеться, какъ бы, отъ сильного вѣтра. Это ужъ несомнѣнныи признакъ того, что въ этомъ домѣ живетъ вѣщница.

Если женщина, относительно которой предполагаютъ, что она летаетъ вѣщницей, придетъ въ гости, то стоитъ только перевернуть заслонку (дужкой въ нутро) печи, находящейся въ той же комнатѣ, гдѣ сидитъ гостья, какъ эта женщина, если она действительно вѣщница, сейчасъ же уйдетъ изъ гостей. И какъ бы ее не удерживали и не упрашивали остаться, хотя бы „пирожье“ было въ самомъ разгарѣ, она не усидитъ и подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ обязательно уйдетъ изъ этого дома.

Тѣмъ же способомъ очень легко и не допустить вѣщницы въ домъ, если кто не хочетъ ее видѣть, такъ какъ вѣщница сейчасъ же узнаетъ, что въ печи перевернута заслонка, и какъ бы ей не нужно было войти въ этотъ домъ, она не войдетъ.

Но этимъ способомъ можно предохранить себя отъ посещенія вѣщницы только днемъ и когда она является въ своемъ настоящемъ видѣ, т. е. въ образѣ той или другой женщины; когда же она летить ночью подъ видомъ безхвостой сороки, то для нея не имѣть никакого значенія печная заслонка, такъ какъ она въ этомъ случаѣ входить въ нужный ей домъ всегда подъ передней уголь. Этотъ уголъ ночью вдругъ подымается, въ немъ появляется синенький огонекъ, и влетаетъ вѣщница. Здѣсь она принимаетъ человѣческій обликъ, или свой настоящій, или какой-нибудь близкой знакомой той женщины, за ребенкомъ которой она прилетѣла, но чаще всего вѣщница является въ образѣ той бабки, которая недавно „правила жизнь“ у этой женщины. И сейчасъ принимается за свое темное дѣло—вынимать ребенка у беременной.

Впрочемъ, есть средство и спастись отъ вѣщницы. Именно, если

¹⁾ По этому поводу у сургутянъ есть чрезвычайно картиное сравненіе: „дымъ изъ трубы, какъ ледянь, лѣзть“.

беременная женщина спить съ своимъ мужемъ, то стоять только постыдному положить на жену руку или ногу, какъ вѣщица уже не можетъ дотронуться до этой женщины. Если же мужа нѣтъ дома, то тогда жена на ночь всегда должна подпоясываться мужиннымъ „ошкуромъ“ или „гашникомъ“ (поясъ вокругъ штановъ), и въ такомъ случаѣ вѣщица тоже не можетъ ничего съ ней продѣлать. Повернется, повернется около нея, и увидѣвъ, что нельзя къ ней подступиться, такъ и улетитъ ни съ чѣмъ....

Что же касаетсяочныхъ похожденій вѣщицъ, то о нихъ сургутяне рассказываютъ такъ.

Вѣщицы, какъ и всѣ такія существа, стоящія въ связи съ нечистой силой, летаютъ только въ полночь. Къ этому времени женщина, которая летаетъ вѣщицей, обыкновенно крѣпко-на-крѣпко усыпляетъ (при помощи разныхъ таинственныхъ снадобій) своего мужа (если таковой у неї имѣется), а сама отправляется въ подполье. Тамъ у неї разставлено въ извѣстномъ порядкѣ 12 воткнутыхъ въ землю ножей. Она какъ-то перевертывается чрезъ эти ножи, и при этомъ половина ея туловища, начиная отъ грудей, у неї отпадаетъ, а остаются только голова и руки. Затѣмъ эти голова и руки превращаются въ сороку (безъ хвоста), при чёмъ изъ рукъ получаются крылья. Другую же часть туловища вѣщица оставляетъ въ подпольѣ и прячеть ее подъ поганое корыто. Потомъ она вылетаетъ изъ подполья и чрезъ трубу вылетаетъ на улицу.

Изъ своего дома, такимъ образомъ, вѣщица всегда вылетаетъ въ трубу. Этимъ обстоятельствомъ здѣсь пользуются, чтобы обнаружить вѣщицу. Именно, если кто нибудь изъ ея домашнихъ, напр., мужъ, заподозривъ жену въ летаніи вѣщицей, захочетъ окончательно въ этомъ убѣдиться, то ему совѣтуютъ въ верхней заслонкѣ, закрывающей печную трубу, начертить на сажѣ крестъ, и если его жена действительно вѣщица, то у нея послѣ этого въ ту же самую ночь заболѣть лобъ: при полетѣ чрезъ трубу она наткнется на крестъ и „доспѣть“ себѣ на лбу шрамъ, который потомъ будетъ болѣть у неї до самой ея смерти. Сургутяне во этомъ случаѣ рассказываютъ про одну старуху, которая летала вѣщицей и надъ которой продѣлали эту штуку, что она до самой своей смерти ходила съ завязаннымъ лбомъ....

Такимъ образомъ, если въ полночь сургутяне услышатъ щекотанье сорокъ, это значить—слетѣлись вѣщицы и готовятся отправиться на свой промыселъ, такъ какъ сургутяне увѣрены, что настоящія сороки въ это время спятъ и ни подъ какимъ видомъ не летаютъ. Вѣщицы же нерѣдко „промышляютъ табунами“, по двѣ и по три вмѣстѣ, и у нихъ даже бываетъ свое особое мѣсто, обыкновенно какая-нибудь пустая нежилая изба, стоящая гдѣ-нибудь „въ пустоплесы“, куда они слетаются каждую ночь и приносятъ сюю добычу. Здѣсь онѣ ее жарятъ и ъѣдятъ.

А передъ тѣмъ, какъ выйти на промыселъ, чтобы удобнѣе было совершать свое темное дѣло, вѣщицы „закрываютъ даже мѣсяцъ“, если бываетъ лунная ночь. Но, по мнѣнію сургутянъ, это могутъ дѣлать не всѣ вѣщицы, а только тѣ, которыхъ „дошли до всего“, и обыкновенно про такихъ вѣщицъ здѣсь говорятъ, что это—самые „дошлия“.

По словамъ сургутянъ, „вѣщици летаютъ съ города на городъ“, т. е. въ одну ночь могутъ перелетать громадныя пространства. Такъ, сургутяне увѣряютъ, что бывали случаи, какъ тобольскія вѣщицы появлялись въ Сургутѣ и вмѣстѣ съ сургутскими улетали въ Березовъ, а къ утру той же ночи всѣ онѣ уже были по своимъ мѣстамъ и, какъ ни въ чёмъ не бывало, спали около своихъ мужей.

Прилетѣвши съ промысла домой, вѣщица обычнымъ порядкомъ спускается въ подполье, гдѣ, послѣ перевертыванія черезъ ножки, принимаетъ свой настоящій обликъ, и спокойно ложится подъ мужа. Такимъ образомъ, мужья обыкновенно ничего не знаютъ о томъ, что ихъ жены летаютъ по ночамъ вѣщицами, и некоторые доживали даже до старости и умирали, не подозрѣвая ничего подобнаго за своими женами. Женщины, превращающіяся вѣщицами, какъ мы уже видѣли, въ высшей степени тщательно хранять эту тайну и до самой своей смерти никому не объявляютъ объ этомъ. Но передъ смертью онѣ, какъ и вообще всѣ существа, знающіяся съ нечистой силой, обязательно должны передать свой секретъ кому нибуль другому, иначе имъ не умреть, и нечистая сила, съ которой онѣ знались всю жизнь, будетъ ихъ мучить и томить все время, пока онѣ не передадутъ своего искусства какому нибудь другому лицу. Чаще всего онѣ передаютъ

свой секретъ дочерямъ, такъ что, по словамъ сургутянъ, вѣщицы бываютъ наследственные, и здѣсь указываютъ не одну семью, гдѣ вся женская половина, начиная съ прабабки и кончая внучкой, были вѣщицами.

По словамъ сургутянъ, всѣхъ вѣщицъ извѣстной мѣстности можно переловить въ Христовскую заутреню. Дѣлается это такъ: съ первого дня великаго поста нужно оставлять по полѣну отъ каждой утренней истопки, и дѣлать это въ теченіе всего поста, а въ Христовскую заутреню этими дровами затопить печь. Вѣщицы обязательно слетаются просить огня. Когда онъ столпится у шестка, то нужно между ними и дверью вытащить изъ полу половицу, и тогда онъ уже не могутъ выйти изъ избы, и тутъ ихъ бей хоть кнутомъ....

Но вообще вѣщицъ, по мнѣнію сургутянъ, не слѣдуетъ дразнить и беспокоить, такъ какъ за всякую причиненную имъ нешѣтность, онъ потомъ жестоко расплачиваются съ людьми. По этому поводу здѣсь разсказываютъ такой случай, бывшій, будто бы, въ старину съ однимъ изъ сургутскихъ священниковъ.

Разъ этотъ священникъ гулялъ поздно ночью по берегу Бардаковки (протока, на которомъ стоитъ Сургутъ). Вдругъ онъ замѣтилъ въ одномъ изъ опрокинутыхъ большихъ пустыхъ каюковъ какой-то огонекъ; онъ приложилъ глазъ къ щели каюка и увидѣлъ одну сургутскую старуху, которая на небольшомъ огонькѣ жарила ребенка. Ни слова не говоря, онъ отошелъ прочь и рѣшилъ наказать эту старуху, когда она придетъ къ нему на исповѣдь. И вотъ, когда подошло время исповѣди, явилась къ нему эта старуха, и рассказала всѣ свои грѣхи, по о ребенкѣ скрыла. Тогда онъ сталъ допытываться у нея, чтобы она рассказала ему еще про одинъ свой грѣхъ, о которомъ знаетъ и онъ. Но какъ онъ ни уговаривалъ ее признаться въ этомъ грѣхѣ, старуха все от惘ралась и твердила одно, что не знаетъ за собой никакихъ большихъ грѣховъ. Тогда священникъ объявилъ ей то, что видѣлъ въ каюке, и сказалъ что за это онъ не дастъ ей завтра причастія. И хѣстительно не далъ. Это, конечно, замѣтили и всѣ другие богоугодныи, бывшіе въ храмѣ, и по Сургуту пошла ходить нехорошая слава про эту женщину. Ея стали всѣ сторониться. Конечно, это огорчило старуху, и вотъ какъ-то, встрѣтившись съ по-

помъ, она заявила ему: „ну ладно, батька, будешь ты у меня помнить”...

Затѣмъ, черезъ нѣкоторое время, эта старуха померла. Немного спустя послѣ этого, является разъ въ полночь къ этому священнику его псаломщикъ и говоритъ: „батюшка,—говорить,—пора благовѣстить къ заутрени, благословите!”... Священника это поразило, что болѣно ужъ рано пришелъ псаломщикъ, но такъ какъ у него часовъ не было, то онъ и подумать, что, можетъ, и пропалъ, и, благословивъ псаломщика на благовѣсть, сказать ему: „звони, сейчасъ и я приду”. И не дожидаясь, по обычаю, звона, пошелъ въ церковь, взявъ съ собой и своего малолѣтняго сына, котораго онъ любилъ водить въ церковь. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого, когда матушка уже стала тревожиться, что это не слышно звона и въ то же время батька не идетъ изъ церкви, къ ней заявляется псаломщикъ и говоритъ: „пора ужъ звонить къ заутрени, гдѣ батюшки?..“ Та въ ужасѣ разсказала ему, что онъ же приодѣлъ за ея мужемъ, и послѣдній давно уже въ церкви... Созвали народъ, бросились въ церковь, и когда пришли туда, то въ алтарѣ нашли священника задушеннымъ. Стало искать мальчика и нашли его, еле живого отъ страха, подъ престоломъ. Когда его разспросили, то мальчикъ рассказалъ, что какъ только они вошли въ церковь, на нихъ накинулась какая-то „батушка“ съ крикомъ: „наконецъ-то, я дождалася тебя, мой другъ“, и стала отца душить; тотъ было начать отбиваться крестомъ, но ничего ие помогло, а самъ мальчикъ со страху залѣзъ подъ престолъ...

Тогда всѣ поняли, что въ образѣ псаломщика приходила недавно умершая вѣщица, которая давно уже несла зло на священника и задушила его въ церкви.

Но въ послѣднее время, заключаютъ обыкновенно свои разсказы сургутяне, вѣщицы стали какъ-то рѣже появляться, чѣмъ раньше, и уже больше портятъ коровъ, чѣмъ людей. Но коровъ онѣ портятъ часто и теперь, вотъ почему новотельными коровами, по первому теленку, агдѣ обыкновенно завязываютъ рога мужскимъ „ошкуромъ“ (поясъ отъ штановъ), „чтобы вѣщицы не утащили теленка“...

Очень близко походить на вѣщицъ, по разсказамъ сургутянъ,

такъ называемыя здѣсь „волшебницы“. Ими тоже бывають только женщины, но, повидимому, не однѣ замужнія (какъ вѣщицами), а и дѣвушки. Единственное ихъ занятіе состоять въ томъ, что по ночамъ онѣ разрываютъ на кладбищѣ свѣжія могилы и „обдираютъ“ (ѣдятъ) только что похороненныхъ покойниковъ. Ими онѣ только и питаются. Этимъ, главнымъ образомъ, и отличаются волшебницы отъ вѣщицъ, но отличаются, по понятіямъ сургутянъ, очень рѣзко. Вѣщицы никогда не „обдираютъ“ покойниковъ, какъ, въ свою очередь, и волшебницы никогда не вынимаютъ у женщинъ и коровъ недоносковъ. И ни одна вѣшица ни разу не была въ то же время и волшебницей, какъ и волшебница—вѣшицей. Но во многихъ другихъ отношеніяхъ онѣ очень походятъ другъ на друга.

Волшебницы, какъ и вѣщицы, въ обыкновенное время ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ женщинъ, и по наружности ихъ нельзя замѣтить. Но, однако, есть одинъ способъ обнаружить и продѣлки волшебницы. По этому случаю у сургутянъ существуетъ такой разсказъ. У одного мужика была жена волшебницей. Такъ же, какъ и всѣ, она летала по ночамъ на кладбище и обдирала покойниковъ. Вотъ, мужику и стали говорить про жену: „куда же ты, моль, смотришь? Жена-то твоя что дѣлаетъ?“ Сначала онъ не вѣрилъ, хотя и замѣчалъ за женой такую странность: какъ только они сядутъ обѣдать, жена все говорить: я сыта.—„Гдѣ же ты ъла?“—молчитъ. Тогда нѣкто научилъ мужика доглядѣть свою жену: „когда будешь ложиться спать съ женой, то защеми конецъ одѣяла между большими и стѣдующими пальцами ноги, и она не въ состояніи будетъ тебя усыпить. (Обыкновенно къ полуночи она усыпляла мужа и отправлялась на кладбище). А когда она пойдетъ, ты встань и посмотри въ продушицу между двухъ пальцевъ—указательного и средняго, и увидишь всѣ ея продѣлки...“ Мужикъ такъ и сдѣлалъ, и убѣдившись, что жена у него волшебница, тутъ же ее убилъ.

Вообще о волшебницахъ у сургутянъ существуетъ очень мало разсказовъ и кромѣ только что приведенного нами (какъ видѣть читатель, далеко не полнаго), чамъ ни одного не удалось записать¹⁾.

¹⁾ Когда какая-нибудь женщина надѣваетъ шубу павловоротъ (на свѣтлагъ, или чтобы попугать кого), то сургутяне говорятъ про нее: „ну, и вырядилась же ты,

Въ заключеніе слѣдуетъ разсказать еще объ оборотняхъ.

Оборотни, по мнѣнію сургутянъ, особая порода людей. Это— не чёрнокнижники и не вѣщицы. Оборотнями могутъ быть какъ мужчины, такъ и бабы, при чемъ первые превращаются чаще въ медвѣда, вторыя—въ свинью. Превращенія эти происходятъ, по-видимому, тѣмъ же путемъ какъ и у вѣщицъ, т. е. въ подпольѣ эти лица переворачиваются или перескакиваютъ черезъ 12 ножей и загѣмы превращаются въ то или другое животное. Если эти ножи украсть въ то время, когда оборотень странствуетъ, то онъ изѣкъ такъ и останется въ томъ видѣ, какой принялъ. По этому случаю у сургутянъ есть очень трогательный разсказъ про одного медвѣдя-оборотня, на которого „было жалостно глядѣть“, когда онъ скитался по лѣсамъ, не привыкшій къ условіямъ медвѣдьей жизни и не будучи въ состояніи снова сдѣлаться человѣкомъ, такъ какъ его ножи кто-то „свистнулъ“...

Оборотни могутъ превращаться также и въ налимовъ. Про это здѣсь разсказываютъ такой случай. Разъ зимою ловилъ мужикъ „самоловами“ рыбу и добылъ „матерящаго“ налима, чуть не въ чоловѣчій ростъ. Кликнулъ жену и говорить ей: „убей поско-рой налима, а то онъ, пожалуй, будетъ биться-биться и заскочить въ воду, и свари мнѣ изъ него уху“... А самъ пошелъ дальше скидывать другіе самоловы. Жена же подумала: „врядъ-ли въ такомъ морозѣ заскочить налимъ въ воду, поди, ужъ онъ давно „погибъ пѣтанкой“¹), и стоитъ-ли его бить?“ И ушла домой). А нальть тѣмъ временемъ трепетался-трепетался на льду, до-брался до луны и юркнулъ въ воду...

Осмотрѣвши самоловы, возвращается мужикъ домой и—что здѣшъ Нѣть ни ухи, ни налима... Не говоря лишняго слова, мужикъ

¹ „полудница“. Очевидно, раньше здѣсь существовало какое-то поэтическое и о-значающее, но большихъ свѣтлѣйшій намъ не удалось собрать. По этому поводу ссыпать не лишнѣй замѣтить, что узырянъ Усть-Сысольскаго уѣзда называются по-зырянски „полудничка синь“, т. е. „полудничный глазъ“. Но что такое „полудница“ (не зырянское слово) и почему этотъ изѣтокъ называется ею глазомъ,— мы не могли узнать отъ зырянъ.

² Сѣвался мерзлой рыбой. „Пѣтанка“—мерзлая рыба, которую въ Сургутѣ такъ и зовутъ, не откладывая.

³ По другимъ разсказамъ, скакалось нальть нальть и самъ его бросилъ обратно въ воду.

сейчас же задать женѣ трепку за ея „провинку“ и строго-на-строго-заказать ей впередъ ослушаться мужа, а о слушать съ не-днимомъ вскорѣ и позабыть.

Воть въ ту-ли зиму, или на другую, пришлось этому мужику прѣѣхать разъ въ городъ. Встрѣчается онъ на базарѣ съ какимъ-то купцемъ, и вдругъ оттѣ купецъ здоровается съ нимъ, какъ будто бы это былъ его старый хороший знакомый, и зоветъ къ себѣ въ гости... Мужикъ вытарашилъ глаза и съ удивленiemъ посмотрѣлъ на купца, котораго онъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни, а тотъ здоровается съ нимъ, какъ съ старымъ знакомымъ, да еще зоветъ его въ гости... Но въ гости отчего не пойти?— Пошелъ. Пришли они къ купцу, и началъ онъ угощать мужика и водкой, и чаемъ, и разными закусками. Мужикъ сидитъ и ъѣсть, отъ угощенія не отказывается, но въ тоже время думаетъ: „вотъ чудо-то, диво-то! И въ глаза не ведалъ этого купца, а какъ онъ меня угощаетъ, чтобы это значило?“ Послѣ того купецъ и говорить мужику: „отвези, братъ, пожалуйста, отъ меня своей женѣ подарочекъ, что я тебѣ дамъ“. И началъ онъ тутъ откладывать мужику разныя матеріи— „п шелковы, и атласны, и гарусны“, и разныя ожерелья, и серьги, и кольца... Тутъ мужикъ не вытерпѣлъ и спрашивавъ купца: „скажите же, пожалуйста, кто вы такой будете и за что вы дарите жену мою?“— „Вотъ за что я ее дарю,— отвѣчать купецъ: помнишь ты, какъ разъ зимой добылъ ты ма-тераго налима и приказалъ женѣ сварить изъ него уху, а она не послушалась тебя и не сварила уху, а бросила налима опять въ воду? Вотъ этотъ налимъ и былъ я, и за то твою жену дарю, что она не убила меня. Я ходилъ до-поздна въ рѣкѣ, отсталъ отъ твоихъ и наткнулся на уду, и спасибо женѣ твоей, а то бысь я и мѣ въ ухѣ, и вотъ за это ей и подарочекъ...“ Послѣ этого мужикъ спрашивавъ: „для чего же вы ходите налимомъ?“— „А помнишь ли, братецъ: мы промышляемъ на пескахъ рыбу, вотъ и сажать уанавать, гдѣ рыбы останавливаются больше, тамъ и лѣ-жать премыселъ...“ Тогда мужикъ понялъ, что передъ нимъ обе-зитъ, взялъ послорѣй подарки и—домой...

**Взгляды сургутянъ на различные церковные праздники и періоды
и сопровождающие ихъ местные обычай и обряды.**

День нового года (1 января) въ Сургутѣ ничѣмъ не отличается отъ прочихъ святочныхъ дней (о которыхъ подробнѣе мы будемъ говорить ниже). Въ настоящее время это обыкновенно самый разгаръ святочъ и святочнаго ряженья, но, по словамъ сургутянъ, радиться въ здѣшнемъ краѣ на святкахъ стали не такъ давно. Въ прежнее время, по рассказамъ стариковъ, всего какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ тому назадъ, ничего этого здѣсь не было и въ поминъ. Тогда просто ходили по вечерамъ въ теченіе всѣхъ святочъ „табунами“ подъ окна (въ своей обыкновенной одеждѣ) и, стоя у оконъ, измѣнивъ лишь немного свой голосъ, вели какіе-нибудь заинтриговывающіе разговоры съ тѣми, кто былъ въ избѣ, шутили, смеялись подъ окнами, но въ избу не заходили. Это называлось тогда „идти слушать“. Отъ этого обычая и теперь еще святочное ряжение сургутяне зовутъ „слушаньемъ“ и даже говорятъ часто про тѣхъ, кто холитъ радиться: „они ходять слушать“, или, приглашая кого-нибудь на ряжение, говорятъ: „пойдемъ слушать“. Такъ объясняютъ сами сургутяне этотъ обычай. Но теперь уже они не ходятъ подъ окна, а заходятъ переряженными въ дома; гдѣ и предаются обычнымъ святочнымъ увеселеніямъ.

И въ Сургутѣ, какъ везде по Россіи, святки, и въ особенностіи канунъ новаго года, являются временемъ гаданій молодежи о своей будущей судьбѣ, но подробнѣе обѣ этомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же разсмотримъ только главнѣшіе церковные праздники и періоды, начиная съ крещенскаго сочельника, и разскажемъ о сопровождающихъ ихъ въ Сургутѣ местныхъ обычаяхъ и обрядахъ.

Вечеръ крещенскаго сочельника сургутяне называютъ „страшный вечеромъ“ и говорятъ, что въ это время нужно особенно спасаться „нечистой силы“, которая, какъ бы, встревоженная предстоящимъ водосвятіемъ, начинаетъ повсюду метаться и бросаться. Поэтому, придя изъ церкви, все окна и двери закрещиваются углемъ или мѣломъ. А присеянной изъ церкви святой водой, окропивши домъ, непремѣнно потомъ окрошаютъ и скотину, по-

тому что, по словамъ сургутянъ, если не окропить скотину водой крещеніи и загородь, то въ эту ночь нечистый „шибко“ будетъ мучить скотъ и на завтра (въ крещеніе утромъ) его найдешь въ мыль и поту.

Вмѣстѣ съ водой приносятъ также изъ церкви и свѣчку, которую еще въ церкви опускаютъ въ воду, и такъ въ водѣ и держать все время. Эта свѣчка также имѣть большую предохранительную силу отъ нечистыхъ духовъ. Такъ, когда выпускаютъ весной въ поле скотину, то кусочекъ богоявленской свѣчи прилагаютъ къ скоту: у коровъ—между роговъ, а у коней—подъ гриву или подъ челку. И тогда эту скотину ни лѣшій въ лѣсу, ни водяной въ водѣ не посмѣть тронуть.

Въ крещенскій же сочельникъ ходятъ слушать въ загородь, какъ разговариваетъ скотина. Въ эту ночь коровы и лошади ведутъ межъ собой разговоры о разныхъ житейскихъ дѣлахъ, и при этомъ слушателямъ нерѣдко удавалось, будто бы, узнавать о такихъ вещахъ, которыхъ они даже не подозревали, напр., о предстоящей смерти кого-либо изъ близкихъ или даже самого слушающаго, о совершенной кѣмъ-либо кражѣ и т. п.

На Крещеніе, послѣ водосвятія, здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, тѣ, кто ходилъ на святкахъ ряженными, купаются въ проруби, чтобы смыть съ себя этотъ грѣхъ, такъ какъ ряженые старыми людьми считаются большимъ грѣхомъ. Но, впрочемъ, благодаря сургутскимъ холодамъ (въ это время морозы не рѣдко доходятъ до $-50^{\circ}\text{C}.$), на это рѣшаются очень немногіе, и такое купанье бываетъ не каждый годъ.

Слѣдующимъ за крещеніемъ „праздникомъ“ здѣсь является масленица, которая, какъ и вездѣ, сопровождается устройствомъ „катушки“ (ледяной горы) для молодежи и катаньемъ на лошадяхъ вокругъ города, въ послѣдніе три дня недѣли со стороны болѣе солиднаго люда. А въ „прошенній“ день (послѣдній день масленицы) ходятъ „прощаться“ къ старшимъ, а также и на мѣри къ родственникамъ. „Прощанье“ со старшими обыкновенно состоять въ томъ, что, поѣзживъ нѣкоторое время вокругъ города, „молодые супруги“ (всегда вмѣстѣ) къ вечеру заворачиваютъ къ своимъ старшимъ родственникамъ, или къ родителямъ, если живутъ отдельно, или къ крестнымъ—отцу и матери, здѣсь очень

уважаемъ, или къ дядямъ и вообще къ почтеннымъ и пожи-
дить людямъ. Постъ непродолжительного угощенія (чаемъ и вод-
кой); прибывшіе встаютъ и, кланяясь въ ноги хозяевамъ, произ-
носятъ бычную фразу, напр.: „прости ты меня, Павель Нико-
лаевичъ“. На что старшіе отвѣчаютъ: „Богъ тебя простить, я ты
меня прости“. И затѣмъ пѣютъ и уходятъ.

Послѣ этого обряда масляница считается законченной, и всѣ
должны разойтись по своимъ домамъ и, отужинавъ („заговѣши“),
жирно предаться сну; но въ действительности, конечно, молодежь
продолжаетъ частиничное веселье —езду на лошадяхъ съ пѣсня-
ми, съ играми, съ музыкой далеко за полночь.

Наступаетъ великий постъ. Изъ всѣхъ дней этого поста боль-
ше всего обращаетъ на себя вниманіе сургутянъ почему-то ве-
ликій четвергъ, который сопровождается здѣсь разными обрядами
и примѣтами, имѣющими несомнѣнную связь съ нечистой силой.

Прежде всего, наканунѣ великаго четверга заготавливаютъ такъ
называемый „четвережный огарокъ“²) и „четвережну соль“.

„Четвережный огарокъ“ заготавливается также, какъ и „vasиль-
евскій“ (заготовляемый наканунѣ нового года и имѣющій боль-
шое значеніе въ гаданьяхъ, гдѣ мы и будемъ говорить о немъ),
именуя: первый огонь вечеромъ въ великую среду добываютъ (изъ
печки) на лучину, которой потомъ и зажигаютъ свѣчку или лам-
шу. Эта обожженная лучина и есть „четвережный огарокъ“ и ему
сургутяне приписываютъ большую чудотворственную силу, глав-
нымъ образомъ, противъ водяныхъ и лѣшникъ. Такъ, когда вы-
пускаютъ скотину въ поле, то чтобы ее не тронули эти нечистые
духи, „четвережнымъ огаркомъ“ ставятъ кресты на копытахъ и
на лбу у скота и этимъ надѣются предохранить его отъ водяныхъ
и лѣшнихъ.

Четвережная же соль приготавливается такъ: завернувши ще-
ликъ соли въ тряпочку или въ узелокъ, сначала обмокнуть его
въ воду и затѣмъ вечеромъ въ среду, пока еще не „стухла“ ве-
черами заря, кладутъ эту тряпочку съ солью въ пепель, въ печку,

²⁾ Въ Сургутѣ есть обычаи на масляницѣ печь блины, хотя они употребляются
также въ другихъ случаяхъ, и на масляницѣ угощаются тѣмъ же, чѣмъ и въ дру-
гихъ дни.

„Четвережный говорить“ и „Четверговинъ“, но „Чаше—, четвережный“.

чуть позже ложить до утренней зари. Утромъ въ великий четвергъ, при зарѣ, ее вынимаютъ изъ печки и кладутъ въ продушику (въ избѣ) на три зари (на три дня), послѣ чего она пріобрѣаетъ цѣлебную силу, и вечерней зарей на третій день ее вынимаютъ изъ продушины. Употребляется же четвергъ соль такъ: въ ковшикъ наливаютъ воды и бросаютъ туда щепоть этой соли, затѣмъ ковшикъ ставятъ непремѣнно на заслонку или на шестокъ передъ печкой (а отнюдь не поставить въ какое-нибудь другое мѣсто) и къ шестку подходитъ желавшій пользоваться четвергной солью. При этомъ оставшуюся въ ковшѣ воду непремѣнно нужно выливать въ печку, въ горнъ, и при томъ „на-отмашь“ (назадъ отъ себя). Этой водой моютъ лицо отъ „призаровъ“ (прыщей) и отъ другихъ болѣзней.

Затѣмъ, въ великую среду, соблюдаются еще такой обычай. Вечеромъ, когда подоять коровъ, то пустой подойникъ выносить на вечерней зарѣ во дворъ (обыкновенно же его держать въ избѣ) и отверстіемъ ставить противъ восточной стороны. Здѣсь онъ въ такомъ положеніи долженъ пролежать двѣ зари—вечернюю и утреннюю (четверговую), послѣ чего его ставятъ на свое обычное мѣсто. Дѣлается все это, по словамъ сургутянъ, для того, чтобы на молокѣ было больше „снимку“, т. е. больше-бы получалось сметаны и сливокъ.

Въ великий четвергъ, вставши рано утромъ, послѣ умовенія и пр., слѣдуетъ соскочить съ трехъ ступенекъ крыльца, или перескочить черезъ три порога „въ-запятки“ (задомъ): будешь весь годъ легкимъ человѣкомъ, т. е. не будешь ничѣмъ хворать.

Въ этотъ же день, какъ мы уже говорили раньше, кладутъ маленький круглый караваешекъ хлѣба подъ матку для скотской сусальки, а въ д. Кушниковъ (100 в. отъ Сургута, внизъ по Оби) наблюдаютъ въ этотъ день такую примѣту: изъ четырехъ огородовъ берутъ по горсти земли и несутъ на овой, удаются огороженымъ овощамъ; а также изъ 4 загородей берутъ по клочку сѣка и складутъ на свомъ будеть скотина всегда сыта⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Можетъ быть, эти приношенія тоже имѣютъ смыслъ жертвы скотской (и земли) сусальки, но подробнѣе выяснить этотъ вопросъ пока не удалось, такъ какъ сини (кушниковцы) не объясняли этого обычая, а просто говорили, что „такъ ужъ настари ведется“, и прибавляли: „вѣрная примѣта“.

Великимъ же честолѣгъ бываетъ обыкновенно и Благословеніе (25 марта), которое считается адѣль большимъ праздникомъ. Сургутяне почитаютъ его больше Пасхи. „Разъ стали, говорятъ они, на Благовѣщеніе (совпавшее съ Пасхой) служить напередъ Христовскую службу и не могли дождаться свѣта: солнце не появлялось, сколько не служили; а когда стали Благовѣщенскую службу служить, то солнце уже было на западѣ: такъ и не пошло оно въ тотъ день свѣтить людямъ“...

Въ Благовѣщеніевъ день, по словамъ сургутянъ, „птица гнѣзда не вѣть, дѣвица косы не плететь“... Кукушка нарушила разъ это правило: стала какъ-то гнѣздо себѣ вить на Благовѣщеніе, и Богъ ее проклялъ... Съ тѣхъ поръ она и летаетъ по чужимъ гнѣздамъ, и „такъ-то ли жалостно кукуется¹⁾“...

Точно также спать съ женой на Благовѣщеніе адѣль считается большимъ грѣхомъ. Сургутяне указываютъ нѣсколько случаевъ, какъ попы накладывали эпитимью на мужа (а не на жену), если въ Рождество родился ребенокъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ адѣль думаютъ, что такой ребенокъ зачатъ на Благовѣщеніе.

1-е апрѣля—„обманчивый день“. Въ этотъ день стараются другъ друга обмануть.

Въ первый день *Пасхи*, по мнѣнію сургутянъ, солнце на восходѣ „играетъ“, — то увеличивается, то уменьшается. Многіе, будто бы, видѣли это явленіе.

Если дѣвушка проспить Христовскую заутреню, это служить примѣтой, что ей достанется плохой мужъ: бранчивый, ревнивый, шианница. Объ этой дѣвушкѣ съ укоризной говорятъ потомъ: „Христовску заутреню проспала“... То же самое относится и къ парнямъ.

Съ первого дня Пасхи и до Вознесенія Христосъ ходить подъ окнами и слушаетъ, что о немъ говорятъ. Поэтому плевать за окно или выливать туда что бы то ни было, хотя бы даже чистую воду, нельзя: можно облизть Христа.

На Вознесеніе сургутяне дѣлаютъ „тѣсенки“: пекутъ „прикуску“ (шеченье къ чаю) на манеръ маленькой лѣстницы и думаютъ, что если въ этотъ день будешь ёсть эти лѣсненки, то скорѣе взойдешь на небо (попадешь въ рай).

¹⁾ О кукушкѣ существуетъ другой рассказъ, который будетъ изложенъ ниже, въ гл. VIII.

Въ семикъ (четвергъ передъ Троицей) и на Троицу здѣсь устраиваются (молодежью) особы гаданья, о которыхъ подробнѣе мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, а о самомъ семикѣ существуетъ такая поговорка: „семикъ да масляница, да жена имениница—нѣть этихъ праздниковъ болѣ“. Но, однако, сейчасъ семикъ, кромѣ вышеупомянутыхъ гаданій, ничѣмъ особымъ не празднуется.

Точно также устраиваются гаданья и въ ночь на Ивана-Куала (въ Аграфенинъ день—23 июня); тогда же собираются здѣсь и лечебныя травы, о чёмъ у насъ будетъ рѣчь ниже.

Иванъ Постный (29 августа) считается у сургутянъ, такъ сказать, самымъ страшнымъ праздникомъ. Въ этотъ день, по ихъ словамъ, случалась такая масса несчастій (тонули, горѣли, блудили и т. п.), что сургутяне на Ивана Постного никогда не решаются предпринимать какихъ-либо далекихъ выходовъ изъ дома и обыкновенно въ этотъ день не ходятъ по ягоды, боясь заблудиться или встрѣтиться съ медвѣдемъ („звѣрь“, будто-бы, по послушотокъ держитъ при встрѣчѣ въ Ивановъ день), не юздрять за рѣчку („взимется такая погода, что свѣту божьяго не видать“) и т. д. При этомъ рассказываютъ такой случай: разъ мужикъ и баба метали въ этотъ день стога (въ Сургутѣ сѣнокосъ начинается въ первыхъ числахъ августа и оканчивается въ сентябрѣ) и, смѣтивши семь стоговъ, стали варить котель. Въ это время прилетѣла сорока. Они ее „споймали“ и „для шутки“ привязали ей къ ногѣ зажженную бересту... И что же? Она съ этой берестой облетѣла все семь стоговъ и спалила ихъ до тла... Вотъ что значитъ „шутить на Ивана Постного,—прибавляютъ рассказчики...

Въ заключеніе этого бѣлага и далеко не полнаго очерка воззрѣній сургутянъ на различные церковные праздники и періоды, скажу еще упомянуть еще объ одномъ обрядѣ, совершающемся сургутянами въ *Спиридоновъ день* (12 декабря). Съ Спиридона-Солнцеворота день начинаетъ прибывать „на куриный шагъ“. Чтобы прибывать больше, нужно, по словамъ сургутянъ, сдѣлать птицу, чтобы курица шагнула дальше, сдѣлала больший шагъ. Для этого на Спиридона здѣсь скакутъ курь, тогда онъ убѣгаешь, какъ говорятъ въ Сургутѣ, „на большихъ шагахъ“. „Если курица больше шагнѣтъ, то и для прибудетъ“.

Если куры въ этотъ день увидятъ сургутянъ, могутъ остѣпнуть; поэтому, при встречѣ курь, тщательно засыпаютъ курятинку.

Въ этотъ же день, какъ мы уже видѣли выше, прячутъ курь отъ избной сусѣдки и для этого сажаютъ ихъ въ кадку.

III.

Суевѣрія и предразсудки относительно остыковъ, а равно и независтственные отъ нихъ').

Первый, главнѣйший и наиболѣе упорный, предразсудокъ сургутянъ относительно остыковъ выражается словами: „остякъ—собака”... Съ этого пункта нельзя сбить сургутянина. Они охотно признаютъ за остыками всѣхъ хорошія качества: честность, гостепріимство, услужливость; прекрасно умѣютъ пользоваться ими; иной разъ не прочь даже, при сравненіи съ русскими, отдать предпочтеніе остыку, въ смыслѣ его большей правдивости и честности и, напр., свободно положатся на остыка въ томъ, чего не всегда довѣрятъ русскому; но и за всѣмъ тѣмъ, разъ дѣло касается общей характеристики остыковъ, она непамѣнно выражается у сургутянъ формулой: остыкъ—собака. Эта характеристика, впрочемъ, относится не къ однѣмъ остыкамъ, а и ко всѣмъ прочимъ, заѣзжающимъ сюда инородцамъ: самоѣдамъ, тунгузамъ, татарамъ. Все это не больше, какъ собаки. Поэтому, по отношенію къ инородцамъ вообще и къ остыкамъ въ частности, сургутяне позволяютъ себѣ все: ограбить, обмануть, избить и всячески обидѣть и надругаться, если, конечно, при этомъ можно изѣжать жары закона и оставаться безнаказанными. „Чего на нихъ, собакъ-то, смотрѣть, дуй ихъ въ усы и въ рыло!”—такъ иерѣдко поопиряясь старшою молодежью, когда та начинаетъ задирать проходящую мимо толпу остыковъ или проѣзжающую картию самоѣдовъ. И действительно: срѣзать у „самоѣдцевъ” съ воза какую-нибудь большую рыбку, когда тѣ привозятъ въ Сургутъ на ярмарку, или отнять у нихъ бочонекъ водки, который они возутъ къ себѣ на

⁹ Настоящая глава была уже напечатана въ „Сибирскомъ Листѣ” за 1888 г., №№ 15, 16 и 19.

„каймъ“) въ обмѣнъ за рыбу, и при этомъ еще избить самоѣда, конечно, не на глазахъ у начальства, а гдѣ нибудь за городомъ, или пріѣхать на песокъ къ осякамъ и выневодить у нихъ подъ носомъ всю рыбу и пр., и пр., и пр.—все это здѣсь считается не только не зазорнымъ а, напротивъ, актомъ молодечества и удали, заслуживающимъ похвалы и одобренія. И когда начальство, внимая жалобамъ и просьbamъ осяковъ, случайно иногда постановить рѣшеніе въ ихъ пользу и такъ или иначе накажетъ обидчика, это вызываетъ обыкновенно большое неудовольствие среди сургутянъ и они начинаютъ ворчать, что начальство заступается „за собакъ“...

Понятно, причина такого отношенія къ осякамъ коренится, главнымъ образомъ, въ непонятной для сургутянъ религіи осяковъ. Осяки, по мнѣнію сургутянъ, поклоняются чорту. „А известно, говорять они, кто чорту кланяется, развѣ хороший человѣкъ? Знамо дѣло—собака“....

Какъ известно, осяки, несмотря на давнишнее официальное принятие христіанства, и до сихъ поръ пребываютъ въ первобытномъ язычествѣ, сохраняя почитаніе всѣхъ своихъ старыхъ боговъ въ видѣ разныхъ водяныхъ, лѣсныхъ и иныхъ духовъ, которыхъ въ известное время и приносятъ соотвѣтствующія жертвы. Такъ что христіанами они считаются лишь nominalno, на бумагѣ (въ отчетахъ сургутской духовной миссії), а масса пріѣзжающихъ сюда самоѣдовъ и официально даже значится язычниками. Все это, конечно, прекрасно известно сургутянамъ, которые не разъ сами видѣли маленькихъ осяцкихъ идоловъ и нерѣдко присутствовали даже при совершенніи осяками жертвъ въ честь этихъ идоловъ или обоготворяемыхъ ими существъ. Въ известное время, напр., зимой около Рождества, а лѣтомъ въ концѣ іюня, въ Сургутѣ можно наблюдать толпы осяковъ, разгуливающихъ по городу (они пріѣжаютъ сюда въ это время для сдачи ясака) и разыскивающихъ себѣ продажныхъ жеребятъ. И сургутяне хо-

¹⁾ Такъ называется мѣсто стоянки самоѣдовъ за городомъ, откуда они каждый день пріѣзжаютъ во время ярмарки въ городъ, для обмѣна своей рыбы и пушнины на русскіе товары, и затѣмъ ежедневно вечеромъ опять уезжаютъ на свой „каймъ“ (верстать въ 10-ти отъ Сургута). Подробнѣе объ этомъ см. въ моей ст.: „Самоѣдская ярмарка въ Сургутѣ“, „Сибир. Лист.“ за 1893 г., №№ 3—4.

ромо знать, что эти жеребята осякамъ нужны на жертву, и сейчасъ, если хотите, опишутъ вамъ эти осяцкія жертвы, какъ дѣло быть хорошо знакомое.

По мнѣнію сургутянъ, осяцкіе боги не простые болванчики или идолы, а различные виды дьявола, и, какъ таковы, они могутъ при случаѣ причинить непрѣятность даже и русскому, если силь позволить себѣ нанести имъ какой-нибудь вредъ или „изгаль¹⁾“. Вѣтъ почему сургутяне боятся этихъ осяцкихъ божковъ, быть можетъ, даже не меныше, чѣмъ сами осяки. Но осяки, кроме страха предъ срѣчи богами, питаются еще и надеждой получить отъ нихъ какое-нибудь добро, напр., исцѣленіе отъ болѣзни или удачу въ промыслѣ и т. п. Сургутяне же, кроме ала, ничего не ожидаютъ отъ нихъ, почему и считаютъ ихъ представителями злого духа—дьявола.

Самымъ большимъ преступленіемъ по отношенію къ осяцкимъ богамъ здѣсь считается ограбленіе осяцкаго лабаза (иѣчто въ родѣ кумирни, гдѣ хранятся у осяковъ идолы и куда они приносятъ имъ разные „приклады“—подарки). Сургутяне указываютъ иѣсколько случаевъ жестокой мести и наказанія со стороны разгневанныхъ осяцкихъ божковъ за поруганіе этой святыни. Въ Сургутѣ и сейчасъ еще живъ одинъ старый купецъ, который въ юности вмѣстѣ съ двумя другими своими товарищами, не довольствуясь легальнымъ грабежомъ осяковъ при помолви всѣмъ известной мѣновой торговли, захотѣлъ ограбить осяцкій лабазъ и везти оттуда всѣ цѣнныя приношенія. Это имъ удалось. Но зато вскорѣ одинъ за другимъ умираютъ два его товарища, а у него самого жена сходитъ съ ума. И сургутяне разсказываютъ, что осяки при этомъ заявили, будто-бы, ему: „счастливъ твой Богъ, Ефимъ, что у тебя была тетка хорошая, которая дѣлала имъ добро (она тоже занималась торговлей съ осяками, но вели ее болѣе добросовѣстнымъ образомъ), а то бы поквитаться тебѣ своей головой, а теперь только будетъ у тебя на вѣки недорогая жена“.... И послѣдняя, дѣйствительно, до сихъ поръ ходитъ полуомѣщанная, сколько съ ней не бился и не лѣчилъ мужъ. Сургутяне безусловно увѣрены, что это осяки испортили Ефимову жену и насадили смерть на двухъ его товарищахъ, но, конечно, не

¹⁾ „Ганиться“—настыряться, изгнаться; „изгаль“—насыпка, изгнанница.

безъ помоши того самого идола, котораго ограбила компания. Оттъ поучительный урокъ живо чувствуется сургутянами и до сихъ поръ, и съ того времени никто уже изъ русскихъ не смѣливается забраться въ остяцкую кумирню.

Точно также сургутяне опасаются братъ себѣ и остяцкіе „приклады“, которые находять иногда въ лѣсу на высокихъ деревьяхъ или на камняхъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ, почему-либо считающихся у остяковъ священными, тоже изъ боязни гнѣва и наказанія со стороны того божества, которому посвящены эти приклады. А такія деревья или камни нерѣдко можно встрѣтить въ окрестностяхъ Сургута, съ верху до низу увѣшанныя разными лоскутками и лентами, а также и шкурками цѣлыхъ звѣрей. Правда, остяки, какъ бы, не довѣряя силѣ своихъ боговъ, обыкновенно обставляютъ всѣ такія мѣста, гдѣ имѣются у нихъ священные предметы, капканами и „настороженными“ луками, а конечно, направленными противъ русскихъ, такъ какъ сами остяки всегда знаютъ, гдѣ разставлены эти капканы и луки. Но сургутяне нерѣдко за свое излишнее любопытство, а иногда и просто случайно попадая въ такую мѣстность, платились тяжкими поврежденіями и увѣчьями, что, конечно, еще болѣе усиливало ту опасливость, которую здѣсь чувствуютъ русскіе по отношенію къ остяцкимъ богамъ.

Всѣдствіе этой же боязни остяцкихъ боговъ, сургутяне избѣгаютъ покупать у остяковъ лошадей, относительно которыхъ существуетъ подозрѣніе, что онъ обѣщаны остяками кому-либо изъ ихъ духовъ. Эти лошади, по мнѣнію сургутянъ, непремѣнно гибнутъ: сходять съ ума, высыхаютъ, тонуть. Это значитъ, что духъ, которому опѣ обѣщаны, обязательно возьметъ свою жертву; и если лошадь была посвящена остякомъ водяному духу, то она утонетъ, если лѣсному, то заблудится въ лѣсу и „сгинеть“ и т. д.

Естественно, что этотъ страхъ передъ остяцкими богами въ начинѣ времени съ боговъ постепенно перешелъ и на самихъ остяковъ, которыхъ сургутяне стали бояться, какъ людей, воинить болѣе или менѣе близкое знакомство съ нечистыми духами, особенно же остяцкихъ колдуновъ и ворожеевъ, которыхъ ужасъ не мало. Такъ что, по мнѣнію сургутянъ, не только остяцкие боги, но и сами остяки могутъ иногда жестоко за себѣ

мстить, насылая на русскихъ порчу, болѣзнь и даже смерть.

Въ этомъ суевѣріи русскихъ, къ слову сказать, остыки имѣютъ хотя иѣкоторую защиту отъ еще большихъ обидъ и непріятностей, которыхъ безъ этого могли бы причинять имъ русскіе. А теперь послѣдніе опасаются слишкомъ ужъ круто расправляться съ остыками, боясь, какъ бы эта расправа не дошла до остыцкѣй ворожеевъ, которые могутъ напустить на обидчиковъ такую болѣзнь, что и во вѣкъ съ ией не раздѣлаешься.

По этому поводу въ Сургутѣ ходить много рассказовъ о томъ, какъ жестоко платились русскіе за слишкомъ свирѣпую расправу съ инородцами. Мы приведемъ здѣсь одинъ изъ этихъ рассказовъ для характеристики взаимныхъ отношеній, существующихъ между остыками и русскими.

Однажды поѣхала артель сургутянъ (изъ трехъ промышленниковъ) на кедровый промыселъ верстъ за 80 отъ Сургута, внизъ по Оби. Какъ известно, кедровые острова, какъ и рыболовные пески, принадлежать остыкамъ, и за право сбора орѣховъ, какъ и невольбы на пескахъ, остыкамъ дается известный кортомъ по взаимному соглашенію между ними и артелями русскихъ. Чаще всего этотъ кортомъ выплачивается водкой. Обыкновенно даютъ остыкамъ четверть (или двѣ) водки, смотря по величинѣ артели и др. условіямъ, и затѣмъ свободно принимаются за промыселъ. Эта же артель, о которой идетъ рѣчь, не только отказалась дать остыкамъ какой-либо кортомъ, но еще ворвалась на ту „гриву“ (возвышенное мѣсто, покрытое лѣсомъ), гдѣ сами остыки сбивали себѣ кедровыя шишки. А когда остыки стали выражать неудовольствіе, сургутяне напали на нихъ и страшно забили. Только прибѣжившіе на крики остыковъ соѣдніе промышленники, работавшіе на ближайшихъ „гривахъ“, могли унять разбушевавшуюся артель. Когда побоище прекратилось, то остыки, будто-бы (по словамъ рассказчиковъ), пригрозили буяномъ: „ужо, сукинъ дѣти, будете насть помнить“... И вотъ вскорѣ послѣ этого на всѣхъ трехъ участниковъ побоища „нападаетъ безумка“: сначала они стали заговоривать, потомъ съ ними начались какіе-то эпилептические припадки съ конвульсіями, пѣной у рта и пр., и кончилось все это тѣмъ, что одного изъ этой компании увезли въ тобольскую больницу для умалищенныхъ, а двое другихъ и до сихъ

порь (1891 г.) по временамъ заговариваются и съ ними бываютъ какіе-то нервные припадки. А до этой исторіи, по словамъ сургутянъ, это все былъ здоровый и цвѣтушій народъ, не страдавший не только нервными, но и никакими другими болѣзнями.

Любопытно, между прочимъ, что, послѣ угрозы осяковъ, благомыслящіе сургутяне соѣтывали боянамъ помириться съ осяками и брали на себя роль посредниковъ. Съ другой стороны, и осяки не прочь были пойти на мировую и требовали только, чтобы имъ поставили водки и дали коня. Но тѣ заупрямились, а относительно угрозы заявили, что они ее не боятся и что съ ними осяки ничего не могутъ сдѣлать. Когда же у нихъ „доспѣлась безумка“, они сунулись было мириться, но было уже поздно. Отецъ двухъ изъ участниковъ этой исторіи (братьевъ) много разъ ъздалъ потомъ къ осякамъ, поилъ ихъ водкой и готовъ былъ пойти на всякую сдѣлку, чтобы осяки сняли болѣзнь съ его сыновей. Но осяки отказались вылечить болѣзнь и заявили (будто-бы), что теперь они ничего не могутъ подѣлать, такъ какъ ихъ „духъ“ слишкомъ сильно внѣдрился въ его сыновей и сейчасъ его оттуда не выгнать....

Такъ передаютъ эту исторію сургутяне. По ихъ словамъ, это далеко не единственный случай „порчи“ осяками русскихъ, такъ какъ послѣдніе рѣдко бываютъ въ состояніи удержаться, чтобы при малѣйшей возможности какъ-нибудь не задѣть и не обидить осяка, за что и несутъ иногда тяжкую кару въ видѣ болѣзней (чаще всего „безумки“) и даже смерти. Особенно славятся здѣсь своей волшебной силой осяки, живущіе по р. Ваху (сѣверный притокъ Оби, впадающій въ нее верстахъ въ 300 отъ Сургута) и вообще осяки болѣе глухихъ мѣсть. „Тамъ что ни осякъ, то ворожей,---говорятъ сургутяне про рѣку Вахъ,---и съ ними нужно держать ухо вострѣ... Но какъ ни стараются сургутяне „держать ухо вострѣ“ по отношенію къ ваховскимъ осякамъ, столкновенія между ними и осяками встрѣчаются и тамъ все-таки довольно часто и всегда оканчиваются для русскихъ въ высшей степени печально. Обыкновенно жертвами осяцкой „порчи“ здѣсь являются вахтера хлѣбозапасныхъ магазиновъ, расположенныхъ по р. Ваху. У сургутянъ даже сложилось повѣре, что „ни одинъ вахтеръ не выходитъ изъ Ваху даромъ, а всегда залучаетъ себѣ ка-

ку-нибудь болѣсть и даже смертность". И потому на должностіи
заковскаго вахтера, не смотря на всю прибыльность этой должностіи,
въ Сургутъ отыскивается не много охотниковъ. А если
кто и идетъ (конечно, съ единственной цѣлью возможно скорѣе
наскититься, что очень не трудно при массѣ тѣхъ плутней, кото-
рые практикуютъ вахтера при выдачѣ осякамъ хлѣба), то кон-
чаетъ обыкновенно очень дурно: или умираетъ, или возвращает-
ся въ Сургутъ больной, хотя и успѣваетъ все-таки при этомъ, за
самое короткое время, скопить себѣ значительный денежкожий.
Вотъ изъ-за этихъ-то плутней вахтера и "заливаютъ" себѣ бо-
лѣзнь, а то такъ и "смерть". Осяка надуть не хитро, для
этого существуютъ тысячи способовъ, которыхъ мы здѣсь касаться
не будемъ; но разъ осякъ замѣтилъ обманъ, онъ начинаетъ
мечтать и, первымъ дѣломъ, по словамъ сургутянъ, "пускаетъ" въ
своего обидчика "стрѣлу". Какъ онъ это дѣлаетъ, неизвѣстно, но
ужъ, конечно, "не безъ волшебства", прибавляютъ сургутянѣ. И
черезъ нѣкоторое время у того человѣка, кому осякъ "пустилъ
стрѣлу", начинаетъ по всему тѣлу ходить "то-ли гвоздь, то-ли
кость" и при этомъ происходитъ ломота въ ногахъ и вообще во
всемъ тѣлѣ. Больной начинаетъ чахнуть все болѣе и болѣе и
затѣмъ умираетъ...

Но не всегда отношенія между осяками и русскими обостря-
ются до такой степени, что первымъ приходится пребывать въ
"стрѣламъ". Въ болѣе мирные времена осяцкіе чародѣи устра-
иваютъ сургутянъ болѣе мирныхъ, хотя не менѣе дѣйствитель-
ныхъ способовъ, разными волшебными чарами, о которыхъ у сур-
гутянъ ходятъ масса рассказовъ. Напр., устраиваютъ громадный
костеръ, и ворожей заходить внутрь костра и начинаетъ тамъ
шѣтъ и плясать, при чёмъ все время онъ остается невредимымъ
дѣятъ; или прокалываетъ себѣ оленьей пикой⁴) масквоздъ, тань
что другой конецъ ея выходитъ наружу съ противоположной
сторонѣ туловища, или начнетъ "полосовать" себѣ кожемъ не
обмытной груди: ножъ входитъ до рукояти, кости трещатъ,
такъ сильнъ ворочаетъ ножъ вънутри — "сами слизнями", "приба-
зинъ" (разнасточки), — а крови идти, и чародѣй какъ-ни-
чтъ изъбѣжно поетъ свои дикия языки и барабанитъ въ бубенъ⁵ и
— въ дѣйствіе, которые потрясаютъ землю.

Сургутяне всегда съ ужасомъ рассказываютъ объ этомъ. Не особенно они боятся присутствовать при болѣніи осякахъ. По словамъ сургутянъ, когда кто изъ осяковъ заболѣвъ, то они обыкновенно приглашаютъ къ больному сына его ворожея, который и „отгѣваѣтъ“ или „отыгрываетъ“ болѣніе. „Отгѣваніе“ это состоитъ въ томъ, что ворожей переводить болѣніе съ больного на какого-нибудь другого человѣка, или даже на какое-нибудь животное. Но чаще всего онъ пользуется для этой цѣли русскими, на которыхъ онъ переводить болѣніе съ большей охотой, чѣмъ на кого-либо другого. Поэтому-то сургутяне и боятся присутствовать въ юртѣ больныхъ осяковъ, когда тамъ „отгѣваѣтъ“ больного ворожей, чтобы онъ не перенесъ на нихъ его болѣни. А въ зимнее время, когда русскіе прѣбываютъ обыкновенно къ осякамъ на коняхъ, то при „отгѣваніи“ сургутяне боятся также и за своихъ коней и стараются поскорѣе убраться изъ такихъ юртъ.

По словамъ сургутянъ, если осяки ожидаютъ смерти кого-либо изъ своихъ больныхъ, то ставятъ у дверной колоды, на порогъ юрты, два топора остріями вверхъ плюю обѣ стороны двери. Дѣлается это для того, чтобы не пустить въ юрту покойника, такъ какъ, по мнѣнію осяковъ, когда кто умираетъ, это, значитъ, покойникъ лѣзть въ юрту, товарища себѣ въ новаго ищетъ и хочетъ задавить больнаго..... „У русскихъ онъ Бога боится, — говорятъ по этому случаю осяки, — а у насъ нѣгры“. И потому передъ смертью у осяковъ чародѣй особенно стегарателно колотить въ свой бубенъ и дико завываетъ свои бѣсовскія пѣсни.

Сургутяне соблюдаются вѣкоторыя предосторожности даже и по отношенію къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ когда-либо жили осяки. Такъ, при входѣ въ пустую осяцкую юрту, прежде, чѣмъ войти, нужно взять стоящій у дверей „таганъ“ (шапка, которую осяки, какъ и русскіе, ставятъ въ знакъ того, что никъ набѣть никого нѣтъ) и съ этимъ таганомъ обойти вокругъ юрты и поступать иль во всѣхъ четырехъ углахъ, приговаривая (по осяцкому: „выходи прочь, ширь я тутъ буду жить“. „Если не оставишь эти углы, то нечистый выгонитъ“. А выходя, „таганъ“ непремѣнно нужно ступить на старое мѣсто у дверей.

Выше мы уже видѣли, что всѣ бывшия и поселенія осяковъ, или затопленныя теперь водой, или лежащи въблизь воды, стоя-

у сургутянъ любимымъ мѣстопребываніемъ водяныхъ, гдѣ, будто бы, всегда гибнуть скотина и люди, утаскиваемые этими водяными духами. И потому сургутяне тамъ никогда не купаются и не переплавляютъ лошадей.

Въ заключеніе мы скажемъ еще нѣсколько словъ о суевѣряхъ сургутянъ, касающихся медвѣдя и мамонта и, несомнѣнно, перенятыхъ ими отъ остяковъ.

Какъ извѣстно, у остяковъ существуетъ довольно разработанный культь медвѣдя, сопровождаемый извѣстнымъ ритуаломъ—особыми пѣснями, плясками и, если можно такъ выразиться, медвѣжьими мистеріями. Остяки смотрять на медвѣдя, какъ на существо, стоящее выше человѣка и обладающее нѣкоторыми сверхчеловѣческими свойствами, въ родѣ, какъ бы, полубога или принявшаго видъ звѣря героя. Въ свою очередь и сургутяне видятъ въ медвѣдѣ не простое животное, а особое существо, съ которымъ можно, напр., вести бесѣду, какъ съ человѣкомъ, и которое многое знаетъ и понимаетъ. Напр., при встрѣчѣ съ медвѣдемъ сургутяне говорятъ: „ну, Христосъ съ нимъ, пускай онъ идетъ, ему золота дорога, а намъ гов—на“... И медвѣдь, будто бы, понимаетъ, что ему сказали (посулили) нѣчто лестное и при этомъ привѣтствіи не тронетъ встрѣтившихся. Со словъ остяковъ сургутяне утверждаютъ, что медвѣдь входить въ силу къ 20 годамъ, какъ и человѣкъ, и что у него все человѣчье, кромѣ головы и ногъ—(коротки, а если бы были длиннѣе, то и онъ бы были бы похожи на человѣчынъ).

О медвѣдѣ нельзя говорить дурно или ругать его, хотя бы и за глаза, напр., въ городѣ,—медвѣдь услышитъ и при случав отмстить. Вообще сургутяне (и особенно жители здѣшнихъ деревень, которымъ приходится каждое лѣто вести ожесточенную борьбу съ медвѣдями) при разговорахъ опасаются называть медвѣдя этимъ именемъ и говорять о немъ въ третьемъ лицѣ, чтобы онъ не услышалъ и не разсердился.

Какъ извѣстно, самой страшной клятвой (присягой) у остяковъ считается цѣлованіе медвѣжьей лапы. Не менѣе остяковъ почитаютъ ее и русскіе (въ своихъ сношеніяхъ съ остяками) и думаютъ, что если кто должно поцѣлуєтъ медвѣжью лапу, то въ тотъ же годъ медвѣдь его обдереть.

на. Но особенно любопытно здесь одно суевье, касающееся беременныхъ женщинъ и отношений къ нимъ медвѣдя.

По словамъ сургутянъ, медвѣдь ищетъ беременныхъ (въ лѣсу) и въ случаѣ встречи съ толпой женщинъ неизменно бросается на ту, которая беременна, „наипаче, если она беремена парнемъ“. На это у него есть особый нюхъ и изъ сотни женщинъ онъ всегда безошибочно опредѣлить такую, хотя бы она была еще въ первомъ фазисѣ беременности. А отыскиваетъ онъ ихъ для того, чтобы въ самомъ зародышѣ умертвить своего будущаго врага—охотника, каковымъ, по условіямъ здѣшней жизни, дѣлается со временемъ почти каждый парень. Вотъ почему медвѣдь особенно и „заряжается“ на тѣхъ бабъ, которыхъ „брюхаты парнемъ“, и если такая женщина попадется ему въ лѣсу, хотя бы и въ большомъ „табунѣ“, ей не сдѣлать: медвѣдь обязательно вырветъ у нея ребенка, чтобы изъ него не вышелъ потомъ охотникъ, который могъ бы его убить. Поэтому-то здѣсь обыкновенно и не берутъ беременныхъ бабъ въ лѣсъ (напр., за ягодами), такъ какъ они могутъ привлечь къ „табуну“ медвѣдей и сами погибнуть.

Отъ остыаковъ же переняты русскими и суевье о мамонте.

Какъ известно, въ Сургутскомъ краѣ, какъ и вообще на сѣверѣ Сибири, часто находить въ отложеніяхъ рѣкъ послѣ весеннего разлива кости и цѣлые скелеты различныхъ „допотопныхъ“ животныхъ, и въ особенности мамонта. По мнѣнію сургутянъ, мамонтъ, это—нечистый духъ, который живеть теперь въ землѣ, а раньше, повидимому, жилъ и на поверхности земли. Нерѣдко случается, что яры надъ рѣкой обрушиваются,—это ворочается мамонтъ, который прокладываетъ въ землѣ различные ходы и норы. Однажды въхалъ по какой-то изъ мѣстныхъ рѣчекъ русскій купецъ съ остыаками: вдругъ они видятъ, что высокій берегъ рѣки начинаетъ колебаться и изъ подъ него выглядываетъ безобразнѣйшая морда. Остыаки догадались, что это, должно быть, мамонтъ, и самый смѣлый изъ нихъ выскочилъ изъ лодки, схватилъ острый коль и всадилъ его въ голову чудовища. И что-же? —прибавляютъ сургутяне-разсказчики—на этомъ мѣстѣ, дѣйствительно, нашли потомъ мамонта...

Вѣроятно, въ связи съ суевѣями о медвѣдѣ и мамонте стоять также и то обстоятельство, что эти два животныхъ попали

и въ сургутскую народную медицину. Медвѣжья желчь, медвѣжія зубъ, мамонтовъ „рогъ“ (клыкъ) и пр. являются здесь довольно распространенными лѣкарствами отъ разныхъ болѣзней, при чёмъ терапевтическое значеніе ихъ, если объяснить его научно, представляется крайне сомнительнымъ и скорѣе всего кроется въ какихъ-нибудь суевѣрныхъ воззрѣніяхъ, хотя, впрочемъ, и не объясняемыхъ самими сургутянами. Такъ, напр., отъ лихорадки, которая является наиболѣе распространенной въ Сургутскомъ краѣ болѣзни, употребляются оба эти средства: и мамонтовъ „рогъ“, настоящий въ порошкѣ на водѣ, и медвѣжья жолчь, настоящая въ водкѣ. Медвѣжью же жолчь принимаютъ внутрь и отъ грыжи (варосы), а медвѣжій зубъ носятъ на поясницѣ отъ „ломоты въ хребтѣ“. Но подробнѣе объ этомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

IV.

Обычай и обряды при рождениіи и крещеніи и относящіяся сюда суевѣрія и примѣты.

Еще задолго до наступленія родовъ, сургутянки уже принимаютъ нѣкоторыя мѣры предосторожности какъ для сохраненія своей собственной жизни въ періодъ беременности и во время родовъ, такъ и, главнымъ образомъ, для сбереженія въ цѣлости своего будущаго ребенка. Въ этихъ видахъ беременнымъ женщинамъ прежде всего воспрещается ходить въ лѣсъ за ягодами или еще заѣмъ: можетъ съѣсть медвѣдь, который всегда „заряется“ на беременныхъ (см. III главу).

Далѣе, такимъ женщинамъ воспрещается перешагивать черезъ стаоблю, голикъ или собаку, а равно и „пинать“ собаку ногой,— у ребенка можетъ образоваться „кучерга“, т. е. у ребенка будетъ болѣть спина и гнуться назадъ.

Также нельзяходить черезъ ноги беременной женщины; если, напр., она сидитъ, вытянувъ ноги, ихъ нужно обойти, или она сама должна убрать ихъ съ дороги.

Точно также запрещается беременнымъ садиться на порогъ.

Наконецъ, беременнымъ нельзя быть у цокойника: ребенокъ умретъ въ утробѣ, и также нельзя быть свахой—по той же причинѣ.

За мѣсяцъ или за два передъ родами, приблизительное время

которыхъ здѣсь извѣстно всѣмъ женщинамъ¹), приглашается бабка, которая „править“ у беременной жизнь. Съ этого раза бабка начинаетъ все чаще и чаще навѣдываться къ больной, править у нея жизнь и вообще слѣдить за нормальнымъ течениемъ беременности. Это называется у сургутянъ „жданки“, когда бабка ждетъ разрѣшенія кого-либо отъ бремени. Въ это же время сургутянки стараются опредѣлить по своимъ примѣтамъ, кто родится: мальчикъ или дѣвочка.

Если „брюхо востро, какъ туясокъ“ („иши у ней брюхо то, какъ каясь“,—говорятъ въ такихъ случаяхъ бабы), то родится парень, а если кругло и плоско, то—дѣвка („иши расплылась: вся круглехонька,—дѣвка будетъ“²).

Впрочемъ, и до беременности еще замужняя женщина можетъ узнать, будуть ли у ней дѣти, какого пола и долговѣки-ли будутъ они. Для этого здѣсь поступаютъ такъ: рубашку послѣ мѣсячныхъ очищеній вымываютъ въ корытѣ и поганую воду выливаютъ въ подполье, подъ передній уголъ, гдѣ стоять кедринка для сусѣдки, въ особую ямочку, вырытую передъ этой кедринкой. Дѣлается это обыкновенно лѣтомъ, зимой же—въ томъ только случаѣ, если „подполь“ теплый, чтобы эта вода не замерзла и земля была „тала“. Потомъ эту ямочку прикрываютъ горшкомъ, а черезъ три мѣсяца смотрятъ (черезъ 12 недѣль): если подъ горшкомъ, который не снимаютъ все это время, появится цвѣтокъ, то будутъ дѣти, если выростетъ бѣлый цвѣтокъ, то первый ребенокъ будетъ дочь, а если синій или голубой, то—сынъ. Цвѣтокъ этотъ, по словамъ сургутянъ, на-манеръ колокольчика или „жиробоя“ (зѣробоя), вырастаетъ такимъ же древцемъ, а на древцѣ—листики зелененькіе, продолгоныкіе и рѣдкіе, а па-верху цвѣтокъ вродѣ колокольчика; цвѣтокъ и древце (стебелекъ) всегда бываетъ одинъ. Если стебелекъ будетъ стоять прямо, то дѣти будутъ долговѣки, а если онъ „почапится“ (наклонится) и повянетъ

¹) Сургутине думаютъ, что ребенокъ рождается какъ разъ чѣмъ въ чѣмъ и минута въ минуту черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ того, какъ зачать, и, по ихъ словамъ, „беременная баба не проходить ни единаго часа, ни минуты лишнаго противъ того, что ей положено ходить“, т. е. больше 9 мѣсяцевъ.

²) „Каясь“—„туасъ“ (сокращ. „туясокъ“) то же, что по западную сторону Урала „Бурый“—берестиной жбать для молока или для воды въ т. д.

то—недолговѣки. Если, послѣ трехъ иѣсяцѣвъ, подъ горшкомъ ни-
чего не выростеть, то и дѣтей не будетъ. Цвѣтокъ этотъ потому
считаютъ, при чёмъ руку обязательно оберываютъ платкомъ или
надѣваютъ даже мочнатки (рукавицы шерстью наружу); если же
сбрить его или вырвать изъ земли голой рукой, то дитя будетъ
жить бѣдно. Цвѣтокъ кидать не надо, а то и дитя, выросши, бро-
сятъ мать. Обыкновенно его засушиваютъ и берегутъ въ бумаж-
кѣ, а въ періодъ беременности провѣряютъ предоказанія цвѣтка.

Затѣмъ, относительно беременныхъ есть еще такая примѣта:
если въ это время больше животъ болить, это значитъ, что ро-
дится дѣвка, а если спина—надо ждать парня.

При этомъ у сургутянъ существуетъ такое повѣрье: когда ка-
кая-нибудь женщина мается родами и у нея „шибко“ болить
спина (что означаетъ, что она родить парня), то, по мнѣнію сур-
гутянъ, и всѣ другія беременные парнями женщины тоже чув-
ствуютъ въ это время боль въ спинѣ; а если женщина мается
дѣвкой, то точно также у всѣхъ беременныхъ дѣвками болить
въ это самое время животъ, а беременные парнями ничего не
чувствуютъ. Поэтому, если у какой-либо беременной, еще задолго
до родовъ, заболить животъ или спина, то бабки обыкновенно го-
ворятъ, что „это къ роженицѣ“, т. е., значитъ, въ это время кто-
нибудь и гдѣ-нибудь мучится родами.

Когда приходитъ время родить, то, прежде всего, снимаютъ у
родильницы рубашку, въ которой она ходила, и надѣваютъ чи-
стую, затѣмъ вычесываютъ у нея голову и волосы заплетаютъ въ
косы, снимаютъ съ нея серьги и кольца, и разуваютъ ее. Потомъ
зажигаютъ предъ иконами свѣчку, которая горить все время.
Обыкновенно при родахъ, даже и не трудныхъ, зажигаютъ вѣ-
чальная свѣчи предъ „благословленной“ иконой. Затѣмъ роженица
„прощается“ (просить прощенія) со всѣми домашними, всѣ мо-
жетъ. Богу, кланяются ей въ поясъ и лишніе уходятъ изъ дома.

Обыкновенно во время родовъ удаляютъ изъ дома всѣхъ, от-
носительно которыхъ предполагается, что они „тяжелы на роды“,
т. е. въ присутствіи которыхъ родильница долго мучается и не
можетъ разрѣшиться. И наоборотъ, есть люди „легкіе на роды“—
такихъ нарочно приглашаютъ въ этотъ моментъ въ домъ роже-
ници. Но если во время родовъ, когда уже наступилъ моментъ

разрѣшения, придетъ кто-либо посторонній, то его не выпускаютъ изъ дому до окончанія кризиса, думая, что, въ случаѣ ухода посѣтителя, ребенокъ можетъ „остановиться“.

При трудныхъ родахъ, если роженица иѣсколько сутокъ мучается и не можетъ разродиться, просятъ у священника разрѣшенія отворить царскія ворота, что охотно исполняется мѣстнымъ духовенствомъ, но только для замужникъ женщинъ, а если родить девушка, то какъ бы ни были трудны роды, для никъ не отворяютъ царскихъ воротъ.

Раньше, во время трудныхъ родовъ, роженицу обыкновенно подвѣшивали за руку къ потолку (чаще всего въ банѣ) и оставляли такъ висѣть до тѣхъ поръ, пока не разродится. Иногда при этомъ ее трясли, чтобы ускорить роды. Теперь этого не дѣлается и роды обыкновенно совершаются на дому, а не въ банѣ; въ банию ходятъ потомъ, послѣ родовъ, и при этомъ стараются все время водить роженицу по комнатѣ, а для облегченія потугъ заставляютъ ее жевать свои волосы съ мыломъ.

Въ прежнее время, по словамъ сургутянъ, жены переводили свою болѣзнь при родахъ на мужей, т. е. въ то время, когда женѣ приходила пора родить, у мужа заболѣвала сцина и животъ и онъ начиналъ испытывать всѣ муки роженицы, а жена ходила какъ ни въ чёмъ не бывало. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока жена не „опростается“, тогда и у мужа прекращались всѣ боли. Но съ какого времени и почему женщины утратили этотъ секретъ переводить свою болѣзнь при родахъ на мужей,—сургутяне не объясняютъ.

Какъ только рождаются ребенокъ и бабка убереть все за роженицей, при чёмъ „мѣсто“ (послѣдъ) заворачиваютъ въ ветошку, съ краюшкой хлѣба и зарываютъ въ землю, въ подполье, бабка отправляется ко всѣмъ болѣе близкимъ роднымъ или знакомымъ и приглашаетъ ихъ къ новорожденному (или новорожденной „на чашку чая“). Всѣ, явившіеся поздравлять роженицу съ счастливымъ разрѣшеніемъ отъ бремени, а мужа съ новорожденными, обыкновенно приносятъ послѣднему „на зубокъ“ деньги или вещи (большей частью что-нибудь изъ одежды); кто усиливается, приноситъ роженицѣ какое-нибудь печенье къ чаю, или, какъ въ Сибири говорятъ, „прикуску“—вафли, блины и т. п. Это печенье

деть и на угощенье собравшимся гостямъ. Кто изъ успѣть толь-
ко доставить „прикуску“, откладываетъ привнесеніе ехъ до друго-
го времени, напр., до крещенія и даже дальше, но, во вспоминъ слу-
жать, всѣ близкіе родные и знакомые, по установленншему обычай,
ромъ подарковъ „на зубокъ“ новорожденному обязательна должна
принести что-нибудь изъ съѣстнаго и роженицѣ—жетери.

Затѣмъ, когда всѣ собираются, начинается обычное угощенье:
чай и вино и закусываютъ. При этомъ, если родился маль-
чикъ, то выпивка бываетъ болѣе шумной и радостной, чѣмъ при
рожденіи девочки, такъ какъ мальчики у сургутянъ цѣнятся гораз-
до больше девочекъ. „Парень родился“,—говорятъ по этому поводу
сургутяне,—„тысячна голова родилась, девка—ничтожна (голова).“

Здѣсь же опредѣляютъ по нѣкоторымъ примѣтамъ и долго-
вѣчность родившагося.

Если ребенокъ при рожденіи громко кричалъ—будетъ долго-
вѣкій, если молчалъ—скоро умретъ.

Если у родившагося пятки длинны—долговѣкій, коротки—не
долго будетъ жить.

Если ложечка кверху—къ долгой жизни, книзу—не живеть.

У кого „глаза пусты“, т. е. въ глазахъ, во внутреннемъ углу
„нѣть мяса“,—недолговѣкій и если въ младенчествѣ не умретъ,
то въ цветущихъ годахъ погреется.

Послѣ этихъ поздравленій и до крещенія ребенка, бываетъ въ тек-
ченіе несколькиx дней подрядъ водить роженицу въ балы, за
что всякий разъ родильница даетъ ей известное вознагражденіе,
кладя въ шайку деньги (отъ 5 коп. и больше).

Родильница до 6-ти недѣль, пока не „сороковится“ молитвой,
стягивается нечистой и ей нельзя входить въ храмъ, ходить въ
гости, приступать къ иконамъ, ходить въ лѣсъ, забредать въ во-
ду. Все это время она, по словамъ сургутянъ, все равно, что не-
христъ, что остычка, и къ ней можетъ прикоснуться всякая нечисть.

Если, во время ухода за роженицей, бабку пригласить съ тво-
имъ цѣмлю въ другой домъ, то бабка не прежде можетъ выйти въ
другой роженицѣ, какъ вымыши руки, при чёмъ наѣтъ то масло
(обыкновенно непечатое, отъ 1 до 1½, фунта), которымъ она смы-
лась, такъ и платокъ, которымъ утирала руки, поступаютъ въ ее
пользу. Про это говорится, что бабка „смыываетъ руки“.

Вообще къ бабкамъ здѣсь относятся съ болыпнмъ почтениемъ, и за ними ходятъ всегда „съ молитвой“, какъ, въ свою очередь, и бабка тоже должна приходить къ родильницѣ съ „молитвой“ т. е., входя въ избу, должна произнести известную молитву, какъ и на всякое трудное и важное дѣло.

Какъ только положать ребенка въ колыбель, то подъ перинку, если онъ мальчикъ, кладутъ лучокъ со стрѣлкой, камень и кусокъ хлѣба, а если дѣвочка, то вмѣсто лука—пряслицу съ веретеномъ. Лукъ кладется для того, чтобы мальчикъ сталъ со временемъ хорошимъ промышленникомъ, а пряслица,—чтобы дѣвочки сдѣлалась работящей хозяйкой, камень—чтобы ребенокъ былъ крѣпокъ, какъ камень.

Передъ тѣмъ, какъ класть ребенка въ колыбель, послѣднюю окуриваютъ богословской травой съ воскомъ, чтобы ребенокъ былъ покойнѣе, а также кладутъ для этой цѣли въ колыбель корень чертополоха (или же обкуриваютъ имъ).

Качать пустую лульку, по словамъ сургутянъ, нельзя—будеть „нескѣбное“ (капризное) дитя. По той же причинѣ нельзя давать ребенку въ руки ложку играть или ъсть изъ нея.

По мнѣнію сургутянъ, если ребенокъ умретъ до крещенія, то на томъ свѣтѣ онъ будетъ ползать, какъ червь. Обыкновенно такихъ дѣтей не хоронятъ на общемъ кладбищѣ, не носятъ въ церковь и не зажигаютъ свѣчей, когда они лежатъ мертвыми.

Пока ребенокъ не окрещенъ, въ домѣ нельзя гасить огонь, а матери отворачиваться отъ ребенка на другой бокъ.

Если новорожденный ребенокъ беспокоится, это—дѣло нечистаго духа, который, по словамъ сургутянъ, часто подмѣниваетъ ребятъ. Въ этомъ случаѣ, значитъ, онъ подмѣнилъ спокойнаго беззаконнаго.

Крещеніе ребенка обыкновенно празднуется здѣсь особымъ угощеніемъ, на которое, кромѣ „кушельныхъ крестныхъ“ (кума и кумы), приглашаются также и посторонніе гости изъ близкихъ знакомыхъ и родственниковъ. Когда, по возвращеніи изъ церкви, все собираются, бабка „обноситъ“ (угощаетъ) гостей первой рюмкой водки, за что гости кладутъ на подносы деньги, которые поступаютъ въ собственность бабки.

При крещеніи ребенка наблюдаютъ: если остріженные священ-

никомъ волосы ребенка, брошенные въ купель, тонуть,—ребенокъ скоро умреть, а если всплынутъ наверхъ—будетъ долговѣкій.

Когда бабка, послѣ крещенія, возвращается съ ребенкомъ изъ церкви, то какая-нибудь родственница новорожденаго встрѣчаетъ ихъ у порога дома и благословляетъ ребенка хлѣбомъ, послѣ чего поднимаетъ руку съ хлѣбомъ вверхъ такъ, чтобы бабка съ ребенкомъ прошли подъ нимъ. Отъ этого хлѣба отрѣзываютъ потомъ краюшку и кладутъ въ ляльку: ребенокъ будетъ покойнѣе и, кроме того, хлѣбъ предохранить его отъ разныхъ напастей.

При выборѣ имени новорожденному ребенку, если представляется къ тому возможность по календарю, обыкновенно стараются давать имена отца или дѣда—мальчикамъ (для девочекъ не соблюдаютъ этого правила),—чтобы ребенокъ когда вырастетъ, могъ помнить свой родъ и чтобы въ одинъ день быть имяниномъ отцу и сину. Вообще болѣе народъ давать имена своимъ родственникамъ, чтобы эти имена переходили изъ рода въ родъ и не забывались въ исходящемъ потомствѣ. Иногда для этого даютъ даже имя за несколько мѣсяцевъ до имянинъ, чтобы только называться по родственному.

Нерѣдко въ одной и той же семье даютъ два одинаковыхъ имени, при чмъ носящихъ эти имена различаютъ такъ: большой Иванъ, маленький Ванютка (или Ваньчурка, Ваныша), „большой Дуньша“, „мала Дуньша“ и т. п. Точно также нерѣдко даютъ имена въ память умершихъ ранѣе дѣтей.

Что касается „купельныхъ крестныхъ“—кума и кумы, то обязанности ихъ строго различаются: кума должна заготовить и привести такъ называемыя „ризки“—рубашку для ребенка, а кумъ покупаетъ ему крестикъ на шею и платить священнику за требу.

Если крестная не успѣть сдѣлать своему крестнику рубашки, и ребенокъ прмреть (обыкновенно здѣсь крестятъ для черезъ 3—4 послѣ рожденія, по определенныхъ сроковъ иѣть), то это считается большимъ грѣхомъ для крестной. Если дѣти рождаются не долговѣкими (скоро умираютъ), то слѣдующихъ кума и куму берутъ прямо съ улицы, такъ какъ недолговѣчность крестника приписываютъ обыкновенно несчастливымъ крестнымъ и думаютъ, что первые встрѣчные окажутся счастливѣе.

Купельные крестные—отецъ и мать—считаются у сургутянъ

важнѣе и дороже родныхъ отца и матери. „Не толь отецъ,—говорить по этому поводу сургутяне,—кто пріобрѣть дитя, и не та—мать, что родила его, и дуракъ можетъ родить, а толь отецъ и та—мать, кто въ крещену въру произвелъ дитя“. И на томъ свѣтѣ, по словамъ сургутянъ, за грѣхи дѣтей спросятъ не родителей ихъ, а крестныхъ, и они должны будуть дать отвѣтъ за тѣхъ, кого „произвели“ въ крещеную въру, при чемъ за мальчишку отвѣтъ будетъ держать крестный отецъ, а за девочку—крестная мать.

Проклятие купельныхъ крестныхъ считается у сургутянъ величайшимъ наказаніемъ (для подвергшихся ему крестныхъ лѣтѣ) и всегда, будто бы, влечетъ за собой какое-нибудь ужасное несчастіе для тѣхъ, кого проклянутъ. Въ какой-бы формѣ это проклятие ни было выражено, оно уже обязательно со временемъ сбудется. Постъ проклятия ангель-хранитель, по словамъ сургутянъ, „отступаетъ отъ того человѣка, котораго проклять кто-нибудь изъ крестныхъ, и онъ поступаетъ въ полное распоряженіе дьявола, который охотно исполняетъ, когда придетъ время, все то, что этому человѣку посулили крестные. И если, напр., кто-нибудь изъ крестныхъ скажетъ при крещеніи, обращаясь къ крестнику: „чтобы тебя черть побратъ“, то рано или поздно все это и сбудется, и дьяволъ, въ данномъ случаѣ чаще всего принимающій видъ лѣшаго, уведеть его къ себѣ, и человѣкъ сгинеть. По словамъ сургутянъ бывали случаи, что, исполняя проклятие крестнаго, черть уводилъ, напр., молодого въ первую ночь послѣ свадьбы, и разные другіе, о которыхъ у сургутянъ существуетъ множество разсказовъ.

Въ заключеніе этого очерка слѣдуетъ разсказать еще о празднике, известномъ у сургутянъ подъ именемъ „Бабы каши“. Это—праздникъ бабокъ и роженицъ. Празднуется онъ на другой день Рождества Христова, 26 декабря. Въ этотъ день всѣ роженицы данного года, а также и бабки собираются въ церковь и до начала обѣда служатъ общій молебенъ предъ иконою, какъ выражаются сургутяне, „Чрева-Рожденія“ (передъ иконой Божией Матери, таѣ называемой—„Блаженное чрево“, которая празднуется церковью въ этотъ день). Послѣ молебствія роженицы приглашаютъ къ себѣ бабокъ, даютъ имъ деньги и угождаютъ имъ ка-

шой, которую неизменно готовят въ этот день (изъ какой прідется крупы), почему и праздникъ носить название „Бабы каши“.

Къ этой же иконѣ „Чрево-рожденія“ обращаются роженицы съ молитвой, когда маются при родахъ: „Божья Матерь, дай мнъ прощеніе и душѣ моей очищеніе“.

V.

Дѣтскія игры и увеселенія взрослой молодежи.

Дѣтскія игры.

Нельзя сказать, чтобы сургутяне проявляли особенную изъжность и обнаруживали сколько-нибудь тщательный уходъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Обыкновенно, когда ребенка отнимутъ отъ груди (черезъ годъ—полтора), онъ почти всецѣло предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ или, въ лучшемъ для него случаѣ, сдается на попеченіе старшихъ сестеръ, если таковыя имѣются. А затѣмъ, съ 3—4 лѣтъ дѣти уже образуютъ свои маленькия компаніи изъ сверстниковъ обоего пола и ведутъ совершенно самостоятельную жизнь, въ которую старшіе обыкновенно не вмѣшиваются, пока дѣти чего-нибудь не нашалятъ, за что, конечно, и получаютъ соотвѣтствующую трепку¹⁾.

Само собою разумѣется, что эта дѣтская жизнь въ Сургутѣ, какъ и вездѣ, проходитъ главнымъ образомъ въ играхъ, и здесь при томъ до очень поздняго времени, такъ какъ промысловый образъ жизни сургутянъ мало даетъ возможности пользоваться, въ хозяйственныхъ видахъ, примѣненіемъ дѣтскаго труда. И если мальчикъ не поступаетъ въ школу²⁾, то даже и въ школьному возрастѣ, 12—13 лѣтъ, онъ мало является полезнымъ въ промысловой жизни сургутянина, хотя, впрочемъ, съ этого времени подростки уже начинаютъ принимать участіе въ тѣхъ или другихъ болѣе легкихъ промысловыхъ занятіяхъ: ставить рыболовныя сѣ-

¹⁾ Намъ не приходилось видѣть, чтобы сургутяне наказывали дѣтей розгами. Это здѣсь не принято, вѣроятно, потому, что всетаки несолько хлопотно: нужно отыскивать розги, держать ребенка и пр. Обыкновенно удовлетворяются просто колотушками, деруть за ухо, нерѣдко проявляя при этомъ большую жестокость и грубость.

²⁾ До 1890 года, когда появилась въ Сургутѣ первая школа грамоты для дѣвочекъ, для послѣдніхъ здѣсь не было никакого училища. Приходское существуетъ только для мальчиковъ.

ти, смотреть ловушки въ лѣсу (такъ назыв. „слопцы“), пріучавши косить сѣно, пилить дрова и пр. Но, какъ общее правило, можно сказать, чтобы сургутяне особенно обременяли дѣтей работой, если, конечно, къ этому не вынуждаетъ какая-нибудь острые нужда, сиротство и т. п.

Бываетъ, самой ранней (по возрасту участвующихъ) дѣтской игрой здѣсь является игра „въ медвѣдя“. Состоитъ она въ томъ, что одинъ изъ участвующихъ, выбранный известнымъ причетомъ, о которомъ будеть рѣчь ниже, или самъ изъявившій желаніе, лежатъ на траву и изображаетъ изъ себя медвѣдя, а всѣ другіе, скажемъ гуськомъ другъ за другомъ, медленно обходить его, яко бы, бояя ягодки, и при этомъ поютъ:

„Беру, беру ягодку,
Черную смородинку,
Старому медвѣду
Г..а на лопатку.

Этимъ, каждый по очереди, выставляютъ ногу и всѣ поютъ:
„Та-ли нога?

Нѣть не та...“ (несколько разъ).

Когда очередь дойдетъ до послѣдняго, то съ пришѣвомъ:

„Усь, медвѣдь,

Погонись за мной“, — всѣ разбѣгаются, а „менѣдѣль“ вскакиваетъ и бѣжитъ за ними. Кого поймаетъ, тотъ называется медвѣдемъ.

Играютъ дѣти обоего пола, но по преимуществу малецкія.

Чтобы походить на эту игру — игра „въ жмурки“.

Одного изъ участниковъ (выбранного или добровольно заявившаго желаніе), подводятъ къ „столбу“, т. е. къ дверной колодѣ и вѣрхъ поютъ хоромъ:

„Гдѣ стоишъ? У столба.
Чего берешь? Ягодки.
Ищи меня дважды...“

И съ этими словами всѣ разбѣгаются, а стоящій у столба бросается за ними и ловить, какъ въ игрѣ „въ медвѣдя“.

Къ такимъ же дѣтскимъ играмъ ранняго возраста слѣдуетъ отнести и игру „въ лисицы“. Играющіе раздѣляются на двѣ равные партии — „лисицы“ и „собаки“. У каждой лисицы есть своя

собаки и у каждой лисицы есть свое „сало“, т. е. чѣмъ-нибудь отмѣченное мѣсто, напр., уголь или столбъ „заплата“ (забора), гдѣ и становятся „лисицы“, а неподалеку настораживаются „собаки“. По данному знаку, лисицы начинаютъ перебѣгать съ своего мѣста на другое — „лисичье“ же — и въ то время, когда онъ мѣняются мѣстами, на нихъ бросаются „собаки“ и хватаютъ ихъ. Та пара, которую схватятъ, удаляется на время изъ круга, пока „собаки“ не перехватаютъ всѣхъ „лисицъ“, и тогда „лисицы“ становятся „собаками“ и игра начинается снова.

Всѣ описанныя нами игры, какъ мы уже замѣчали выше, играютъ дѣти обоего пола, но въ нижеслѣдующихъ играхъ принимаютъ участіе главнымъ образомъ мальчики, а въ многочисленныя игры, связанныя съ бросаніемъ мяча (по мѣстному — „ярки“), какъ равно въ „городки“, „въ козанки“ (бабки), „въ утиные носы“ и т. п. (имѣющія нѣсколько азартный характеръ и связанныя часто съ извѣстнымъ материальнымъ выигрышемъ) дѣвочки никогда не играютъ. Большой частью маленькия дѣвочки (до 12—13 лѣтъ) проводятъ время въ томъ, что или смотрять, какъ играютъ мальчики, или, если не составляется общихъ игръ, принимаютъ участіе въ какихъ-либо дѣтскихъ домашнихъ работахъ: вязать маленькихъ дѣтей, пріучаются шить, мыть и пр. И съ 8-ми или 10-ти лѣтняго возраста держатся уже отдельно отъ мальчиковъ, своими маленькими компаніями. Специальныхъ игръ для дѣвочекъ намъ не удалось видѣть (хотя, можетъ быть, таковыя и имѣются¹⁾).

Такъ какъ почти всѣ здѣшнія игры связаны съ тѣми или другими выборами, напр., зачинщика игры, главарей, такъ называемыя „матокъ“, или лицъ, которые должны „ловить“, „кидать“ и пр., при чемъ часто играющіе дѣлятся на двѣ партіи, то здѣсь будетъ умѣстнымъ привести тѣ способы, которыми производятся эти выборы. Это — чаше всего различные „причеты“, при произ-

¹⁾ Мы считаемъ нужнымъ заявить, что настоящій очеркъ дѣтскихъ игръ въ Сургутѣ составленъ нами, по разнымъ обстоятельствамъ, крайне неполно, и помѣщенъ главнымъ образомъ въ видахъ логической стройности нашей работы. Намъ кажется, что въ Тобольск. Губернск. Вѣдомостяхъ начала 80-хъ гг. была помѣщена ст. г. Голоднукова о дѣтскихъ играхъ въ Сургутѣ, хотя, впрочемъ, и тамъ она приведены далеко неполно и, кроме того, въ число дѣтскихъ игръ включено нѣсколько игръ для взрослыхъ.

Несеніи которыхъ каждое слово причета падаетъ на каждого отдалънаго участника, и на кого придется послѣднее слово, тотъ и является или выбраннымъ, или выбывшимъ изъ круга, пока въ кругу не остается одинъ участникъ, на которого и возлагаются тѣ или другія обязанности, „ловить“, „бѣжать“ и пр. Какъ и повсюду, „причеты“ эти въ Сургутѣ представляютъ изъ себѣ наборъ почти безсмысленныхъ и странныхъ словъ, но въ шѣкоторыхъ, впрочемъ, замѣтны и проблески кой-какого смысла.

Наиболѣе распространеными въ Сургутѣ игровыми причетами являются слѣдующія:

1. Первички-другички, убили голубички, ни кошкой, ни лапкой, ни всѣмъ хвостомъ, кому думати-гадати, дрова нарубати, мѣсяцъ-заяцъ, вырвать травку—положилъ на лавку, кто взялъ травку, тотъ поди воиъ—на боярскій дворъ.

Другой вариантъ этого причета: первички-другички, убили голубички, по кусту, по насту¹), по лебедю крыласту, колоколь свистеть... (повидимому не оконченъ).

2. Перводанъ другоданъ, на колодѣ барабанъ, свистенька—растенька, помошка—тетерка, пѣтухъ—тонтухъ, соловей—свистунъ.

Другой вариантъ: перводанъ-другоданъ, желданъ-болданъ, чичко-чичеринъ, подшинъ, чигагунъ, кукареку—дисяточъ.

3. Расей-двасей, двѣ конѣки, синтерь-винтерь, сукумъ-букумъ, куликъ-ляликъ.

4. Пере-норе, шугу-лугу, пята-сата, ива-дуба — крестъ.

Эти причеты употребляются больше при играхъ въ „медведя“, „въ пряталки“ и т. п., а при играхъ „въ ярку“ чаще всего „мѣряются палкой“, т. е. все берутся за палку, и чья рука придется выше всѣхъ (послѣдней), тотъ и считается выбраннымъ.

Изъ игръ, въ которыхъ принимаютъ участіе только одинъ мальчики, наибольшимъ распространениемъ пользуются въ Сургутѣ разнообразныя игры въ мячъ или, по мѣстному, въ „ярку“²).

Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Игра „въ стѣнки“ состоитъ въ разнообразномъ бросаніи „ярки“—вверхъ обѣ ногъ, въ стѣну и т. д. и затѣмъ ложѣ ея, при чемъ выдѣлываются разныя фигуры, число которыхъ доходитъ

¹) Настъ—затвердѣвшія весною снѣги, которому ходить безъ лыжъ.

²) „Ярка“—нитяный мячъ, обшитый кожей.

до 13, начинаясь отъ наиболѣе простыхъ и кончаясь очень сложными и замысловатыми.

- 1) Бросаютъ ярку въ стѣну и затѣмъ ловятъ ее двумя руками.
- 2) Отскочившую ярку ловятъ одной рукой.
- 3) и 4) Бросаютъ ярку черезъ руку и черезъ ногу, и ловятъ обѣими руками.
- 5) „Глаза - пучки“: играющій становится спиной къ стѣнѣ и ловить мячъ, брошенный черезъ голову.
- 6) „Курица“: бросаютъ мячъ обѣ стѣну и ловятъ, когда онъ ударится о землю и отскочить отъ нея.
- 7) „Пѣтухъ“—наоборотъ: бывать обѣ поль мячемъ такъ, чтобы онъ отскочилъ въ стѣну и уже отъ стѣны ловять.
- 8) „Гвозди“: кидаютъ ярку обѣ поль и когда она отскочить, ударяютъ ее еще разъ ладонью и лишь тогда ловять.
- 9) „Караваенки катать“: перекидываютъ мячикъ съ руки на руку 20 разъ.
- 10) Перекидываютъ мячъ на одной и той же рукѣ съ ладони на спинку, тоже 20 разъ.
- 11) „Ухватъ“: кидаютъ мячъ внизъ и ловятъ его (одной и той же рукой), пока онъ еще не долетѣть до пола.
- 12) Бросаютъ мячъ обѣ стѣнку и когда онъ отскочить, то ударять его ладонью, сътѣмъ, чтобы онъ опять отскочить и такъ дѣлать 20 разъ, а въ 21 подъ отскочившій мячъ подставляютъ голову.
- 13) Бросаютъ мячъ вверхъ и пока онъ летить, „сбѣлькиваютъ“ руками, т. е. выкидываютъ ими какую нибудь смѣшную фигуру, и потомъ ловятъ мячъ.

Въ этой игрѣ участвуетъ много народа и играть поочереди, для соблюденія которой предварительно „мѣряются на палкѣ“. Дѣлаютъ всѣ фигуры, начиная съ первой, при чемъ каждая фигура, кроме №№ 9 и 10, продѣливается три раза. Если кто ошибется, не сумѣеть сдѣлать какой-либо фигуры, то уступаетъ мѣсто другому и т. д., пока не останется послѣдній, кто не сумѣеть довести свою игру до конца. Его ставятъ лицомъ къ стѣнѣ, и всѣ играющіе по очереди, начиная съ первого, окончившаго игру, бывать („лупятъ“) въ него мячикомъ¹⁾ на такомъ разстояніи, на какое мячъ отскочить отъ стѣны.

¹⁾ Или какъ говорятъ еще, даютъ ему „кожанъ“. „Кожанъ“—ударъ мячикомъ.

Игра „въ лунку“ состоит въ томъ, что играющіе дѣлаютъ рядъ маленькихъ ямочекъ, лунокъ, каждый по лункѣ и затѣмъ съ обѣихъ сторонъ этого ряда лунокъ катаютъ ярку, и въ чью она залетить лунку, тотъ долженъ схватить ее и „лупить“, не отходя отъ своей лунки, въ остальныхъ, которые разбѣгаются. Если онъ промахнется, то въ его лунку кладутъ сѣнинку или щепочку, и у кого такихъ сѣнинокъ наберется три штуки, тому поютъ „чичигу“. Его заставляютъ въ обѣихъ рукахъ держать шапку, а кто нибудь изъ играющихъ береть въ руки ярку и, махая ею надъ шапкой, поетъ (вмѣстѣ съ прочими):

Чичига, чичига,
Ни на худо учила—
Ни срѣть, ни и—рд—ть,
Ни въ окошечко глядѣть...

А затѣмъ спрашиваетъ держащаго шапку: „чичига“ или „кокъ?“ И если тотъ скажетъ: „кокъ“, то спрашивающій бросаетъ ему мячикъ въ голову и всѣ разбѣгаются. Сказавшій же „кокъ“ долженъ схватить мячикъ и, не отходя отъ лунокъ, „лупить“ разбѣжавшихся. Если онъ промахнется, то ему опять кладутъ сѣнинки, а если попадетъ („залупить“), то тотъ, въ свою очередь, долженъ схватить мячъ, и прибѣжавъ къ лункамъ, бить отъ нихъ разбѣжавшихся и т. д.

Если же на предложенный выше вопросъ получится отвѣтъ „чичига“, тогда держащий ярку изо всѣхъ силъ бросаетъ ее въ шапку, такъ, чтобы вырвать ее изъ рукъ держащаго, а тотъ обычнымъ порядкомъ долженъ схватить ярку и отъ лунокъ „лупить“ компанію и т. д.

Игра „въ цари“ открывается тѣмъ, что сначала „мѣряются на палкѣ“, кому быть царемъ. Выбранный въ цари береть въ руки ярку и садится гдѣ нибудь въ подходящемъ мѣстѣ, а остальные играющіе въ это время избираютъ какія-нибудь имена, наприм., одинъ называется „золото яйцо“, другой—„золотой ястребъ“ и т. п. Потомъ всѣ становятся вокругъ „Царя“ и тотъ произносить протяжно: „зо-ло-то... яйцо“ и быстро вручаетъ выбравшему это имя ярку, а остальные разбѣгаются, и получившій ярку долженъ „лупить“ искъ отъ царя. Въ этой игрѣ дозволяется промахнуться до трехъ разъ, а промахнувшагося три раза, „садить подъ арестъ“.

т. е. на время отстраняют от игры. Оставшийся последний (послѣ того, какъ всѣ остальные понадуть подъ арестъ), становится вторымъ царемъ—молодымъ, и старый царь приказываетъ новому, молодому, какъ наказывать арестантовъ: „дать имъ горячихъ или теплыхъ каждому“, это значитъ: по нѣсколько ударовъ мячомъ (по нѣсколько „кожановъ“); или: дать имъ „крестъ да пуговицу“ (привести яркой крестообразно по груди и толкнуть въ грудь), „ленту или медаль“ (тоже извѣстнымъ образомъ толкнуть) и т. д. Когда всѣ получать наказаніе, новый царь садится вмѣсто старого и игра начинается снова. Иногда бываетъ, что наказываемые арестанты закричать: „по кожану новому царю“ и старый царь даетъ „кожанъ“ новому.

При игрѣ „въ кругу ходить“ играющіе сначала разбиваются на двѣ партіи. При посредствѣ мѣрянья на палкѣ выбираются двѣ „матки“, а остальные „переводятся“ къ нимъ, т. е. попарно подходить къ нимъ съ условными именами (напр., „что надо—сѣнянку или щепочку?“) и по выбору „матокъ“ переходить на ту или другую сторону. Затѣмъ, очерчиваютъ кругъ, и одна партія становится внутри круга, а другая внѣ. Внѣшняя партія имѣеть у себя ярку, которую прятать одинъ изъ играющихъ къ себѣ за пазуху или еще куда, при чёмъ и всѣ прочіе изъ его партіи тоже держать руки за пазухой, чтобы нельзя было узнать, у кого спрятана ярка. Затѣмъ спрятавшій ярку „лупить“ ю кого-нибудь изъ стоящихъ въ кругу, и всѣ разбѣгаются. Получившій ударъ схватываетъ ярку и долженъ, не выбѣгая изъ круга, „лупить“ кого-нибудь изъ противной партіи, и если онъ попадетъ въ кого, то вся партія становится въ кругъ. При этомъ бываютъ перѣдко нареканія со стороны всей партіи на того, кто промахнется и заставить всѣхъ становиться въ кругъ.

Игра „въ зайцы“ состоять въ томъ, что играющіе образуютъ кругъ (каждый вбиваетъ колышекъ, у которого и становится), а въ срединѣ круга бѣгаеть „заяцъ“, выбранный по какому-нибудь изъ вышеприведенныхъ приговоровъ, и его со всѣхъ сторонъ „лупить“ яркой. Кто промахнется, тотъ самъ становится въ кругъ и зѣдается „зайцемъ“.

„Въ пряталки“ играютъ такъ: сначала убираются на палкѣ, и кто „вымѣрился“, тому бросаютъ палку, и пока онъ за неї бѣ-

жить, все разбываются, чтобы прятаться. То место, откуда они разбываются, называется „саломъ“. Кто успѣть незамѣтно отъ розыскивающаго подбѣжать къ „салу“, тогъ кричитъ: „у сала, у сала“. Значитъ, его уже не нужно больше искать, и онъ можетъ свободно дожидаться, пока розыскинѣть остальныхъ. При этомъ онъ обыкновенно предупреждаетъ грибомъ своихъ нерозыскиванныхъ товарищѣй о томъ, куда идетъ розыскивающій. Когда постѣдій кого-нибудь замѣтить (найти), то кричить: „осалилъ, выходи“, и найденный самъ потомъ начинаетъ искать компанію.

Та же игра въ прятки носитъ еще название „коль забивать.“ Здесь вмѣсто того, чтобы бросать палку, забиваются глубоко въ землю колъ, и кто первый прибѣжать и воткнетъ въ образовавшуюся отъ кола ямку палку или еще что-нибудь, тогъ снова потомъ прячется, а не успѣвшій сдѣлать этого продолжаетъ искать.

Изъ азартныхъ игръ, связанныхъ съ извѣстнымъ материальнымъ интересомъ, слѣдуетъ упомянуть объ игрѣ „въ утиные носы“. Постѣ весеннихъ промысловъ на утокъ, которыхъ въ Сургутѣ ловятъ особо приспособленными сѣтями (такъ называемыми „перевѣсами“), среди дѣтей въ обращеніи появляется масса клювовъ разныхъ породъ утокъ. Эти утиные „носы“ имѣютъ среди дѣтворы извѣстную мѣновую цѣнность, напр., ихъ можно обмѣнѣть на ярку, на удочку, на „волосяну нитку“ (леску) и тому подобные предметы дѣтскаго обихода. Играютъ въ утиные носы такъ же, какъ и въ бабки, на конь ставить по одному, по два носа, и кто сколько выбьетъ, береть ихъ себѣ. Затѣмъ опять все ставить и т. д.

Есть еще способъ игры въ утиные носы, который называется „кидаться“ (носами). Онъ состоитъ въ томъ, что носы кидаютъ на землю и смотрятъ чей ляжетъ и чей станетъ. Тотъ, у кого ляжетъ, отдаетъ свой тому, у котораго станетъ, а если при этомъ утиный носъ станетъ „на попа“, то за „попа“ даютъ два носка.

Кромѣ того, здѣсь, какъ и везде по Россіи, существуютъ еще игры въ бабки (по мѣстному въ „казанки“), въ городки, въ лапту (по мѣстному „на сало переводиться“, т. е. разбиваться на двѣ партии) и иѣкоторые другія, которыхъ мы здѣсь не приводимъ, такъ какъ онѣ не представляютъ ничего оригинального.

Увеселенія взрослой

Игры и увеселенія взрослой молодежи носятъ, конечно, другою характеръ, чѣмъ дѣтскія игры. Это уже въ некоторомъ родѣ прелидовъ къ браку. Здѣсь, на этихъ увеселеніяхъ и играхъ, молодежь обоего пола сходится вмѣстѣ, завязываетъ между собою болѣе близкія знакомства и не спѣша, такъ сказать, подъ шумокъ игровыхъ и плясовыхъ пѣсень, намѣщаетъ себѣ будущихъ женъ и мужей.

Главныи мѣстомъ для сближенія молодежи являются въ Сургутѣ *вечорки*.

Вечорки для Сургутской молодежи замѣняютъ и наши россійскіе хороводы, которыхъ тамъ пѣть, и такъ называемыя посидѣлки, отчасти соединяя въ себѣ черты тѣхъ и другихъ, отчасти и привнося въ что новое. Изъ нынѣшнейшаго будетъ видно, чѣмъ отличаются сургутскія вечорки (какъ городскія, такъ и сельскія) отъ деревенскихъ посидѣлокъ центральной Россіи (а также, впрочемъ, и болѣе южныхъ мѣстностей Сибири, гдѣ устраиваются въ деревняхъ посидѣлки, какъ и въ Россіи). Что же касается хороводовъ, то можно думать, что они здѣсь вывелись въ силу чисто климатическихъ условій, такъ какъ хороводы обыкновенно водятъ на Красной Горкѣ, весной, а здѣсь въ это время, какая бы то ни была поздняя Пасха, лежать еще глубокіе саженные снѣга и стоять нерѣдко морозы, доходящіе до 30° по Ц. Эти климатическія причины и заставили, вѣроятно, сургутянъ перенести хороводныя игры и пѣсни съ улицы въ дома, на вечорку.

Вечорки въ Сургутѣ и его округѣ устраиваются круглый годъ, кроме великаго поста и всѣхъ передпраздничныхъ дней, когда, по адѣшнимъ обычаямъ, давать вечорки строго воспрещается. Но обыкновенно ихъ устраиваютъ или въ имянини дѣвушекъ, или въ случаѣ какихъ-либо „помочекъ“, когда приглашаютъ дѣвушекъ для какихъ-нибудь совместныхъ работъ, напр., копать огороды, собирать можъ для конопатки домовъ, мѣсить глину для кирпичей, носить землю на потолокъ и т. п. Всѣ эти работы исполняются здѣсь обыкновенно „помочками“, при участіи однѣхъ только дѣвушекъ, которымъ и даютъ за это приглашающіе ихъ хозяева вечорку, а иногда и двѣ, три, смотря по трудности работы, за

которую девушки ничего не берутъ, а идутъ имъ нечъко изъ за этихъ вечорокъ.

Чаще же всего вечорки даются въ день именинъ девушки. Парни никогда не спрятываютъ своихъ именинъ вечорками, а собираютъ лишь свою холостую компанию и устраиваютъ приличную случаю попойку. Но какъ только девушка неизвѣдко подрастеть, что можетъ считаться невѣстой (лѣтъ съ 16—17), она уже во что бы то ни стало старается въ свои именины пригласить къ себѣ знакомыхъ подружекъ и дать имъ впору.

Сургутскія вечорки не требуютъ особенно сложныхъ приготовленій. Обыкновенно девушка-хозяйка, пригласивъ своихъ ближайшихъ подружекъ, беретъ на себя обязанность угощить изъ чаемъ съ сахаромъ и „приуской“ (печеньемъ къ чаю или бѣлой муки), очень рѣдко, только у богатыхъ, какимъ-нибудь десертомъ, и уже у всѣхъ—ужиномъ, и освѣтить комнату (чаше разные сольными свѣчами, у богатыхъ—стеариновыми, изнутри—лампами). Дальше хозяева не налагаютъ на себя никакихъ обязанностей, ни на счетъ музыки, ни на счетъ гостей. Парней на вечорки не приглашаютъ. Они являются безъ всякихъ приглашений, приносясь собою лишь музыку или приводя наряженыхъ ими же самими музыкантовъ, такъ какъ на здѣшнюю вечорку, по заведенному изстари обычаю, можетъ идти всякий (изъ парней, кто хочетъ, и свободно отплѣсывать, сколько ему угодно, разъ у него есть музыкантъ, который бы ему игралъ. Девушки же, не приглашенныя на вечорки, не ходятъ, развѣ только въ числѣ публики посмотретьъ на танцующихъ, но сами не принимаютъ никакого участія ни въ танцахъ, ни въ играхъ.

И вотъ, какъ только стемнѣеть, приглашенныя девушки уже стыдѣться, разодѣвшись въ свои лучшія платья, къ подругѣ, которая даетъ имъ вечорку.

Здѣсь ихъ сейчасъ же угождаютъ чаемъ, послѣ чего они выходятъ въ ту комнату, гдѣ предполагаются танцы, и членно разсаживаются на стульяхъ и скамьяхъ во всемъ переднемъ углу комнаты, оставляя для парней и другихъ приходящихъ гостей лишь мѣста у порога. Здѣсь обыкновенно и толпятся парни и пришедшая поглядѣть на танцующихъ публика, и только немногимъ изъ парней удается присѣсть на тѣхъ двухъ-трехъ стуль-

ягъ, что предоставляются въ ихъ распоряженіе, большинству же почти все время приходится стоять.

Въ теченіе почти всей вечерки, за исключеніемъ лишь ея послѣдняго момента, о которомъ будеть рѣчь ниже, парни и дѣвушки держатся отдельно другъ оть друга: дѣвушки сидятъ особыакомъ въ переднемъ углу комнаты, а парни также особнякомъ толпятся у дверей; перейти же кому-нибудь изъ парней и сесть въ переднемъ углу рядомъ съ дѣвушками здѣсь считается крайне неприличнымъ.

Такая чопорность и церемонность (конечно, только вицшая и кажущаяся) царить и на здѣшнихъ деревенскихъ вечеркахъ, которые, впрочемъ, отличаются оть городскихъ только тѣмъ, что, благодаря крайней малолюдности здѣшнихъ деревень, гдѣ чуть не всѣ жители притомъ состоять еще другъ съ другомъ въ родствѣ, на вечерки обыкновенно являются всѣ дѣвушки деревни и особыхъ приглашеній для нихъ, какъ въ городѣ, не бываетъ. А затѣмъ весь ритуалъ вечерки, игры, пѣсни и пляски въ деревняхъ тѣ же, что и въ городѣ.

Въ ожиданіи прихода парней собравшіяся дѣвушки, постѣ чаи, обыкновенно поютъ такъ называемыя „проголосныя“ пѣсни¹), напр., „Вылетала голубина на долину“, „Воалъ рѣчки, возлѣ мосту“ и т. п. Но, конечно, парни не заставляютъ себя долго ждать, и скоро почти вся комната наполняется ими, особенно, если итѣль пигдѣ вечерки въ другомъ мѣстѣ, и всѣ парни со всего города стекаются сюда.

Если изба мала, а таково большинство сургутскихъ избъ, для танцующихъ остается очень небольшое мѣстечко. „Но была бы музыка, можно плясать и на блюлечкѣ“, говорить неприхотливая на ототь счетъ молодежь, и лишь только появляется музыка, сейчасъ же начинаются и танцы.

Въ послѣднее время, даже по деревнямъ, въ здѣшнемъ краѣ вошли уже въ моду европейскіе танцы: кадриль съ „фигурами“, лансѣ и полька. Но, конечно, очень не далеко то время, всago какихъ-нибудь иѣсколько лѣтъ, когда этихъ танцевъ здѣсь не было и въ поминѣ. Они появились, можно сказать, на нашихъ

¹ „Оу! Проголосными“ пѣснями сургутские называютъ всѣ пѣсни, которыхъ не совершаются никакихъ-нибудь играми, плясками или обрядами.

гавагъ и занесены сюда пришлымъ элементомъ. Точно также сравнительно недавно появилась здесь и музыка въ видѣ разныхъ бандурокъ, гармошекъ и пр. Раньше плясали больше подъ пѣсни, которая пѣлись хоромъ всѣми присутствующими. Такихъ пѣсень и до сихъ еще сохранилось здесь очень не мало. Есть свои специальная пѣсни для „русской“ („барыньки“, „голубца“ и пр.), есть свои пѣсни и для „шестерки“. „Шестерка“,—это, кажется, чисто мѣстный танецъ. Пляшутъ ее обыкновенно такъ: на средину комнаты выходятъ три парня и, ставши гуськомъ другъ за другомъ, начинаютъ быстро ходить по комнатѣ, образуя довольно красивую фигуру, напоминающую цифру восемь (8). Затѣмъ каждый изъ парней на ходу приглашаетъ себѣ дѣвушку, которая выступаетъ за своимъ кавалеромъ, образуя ту же фигуру. Такимъ образомъ получается шесть человѣкъ танцующихъ, отчего этотъ танецъ и называется „шестеркой“ (въ противоположность „русской“, которую сургутяне называютъ „одиночкой“, такъ какъ тамъ пляшутъ одинъ парень съ одной дѣвушкой). При этомъ парни стараются выдѣлывать передъ своими дамами разныя коленца изъ „русской“, на что и дѣвушки въ свою очередь отвѣчаютъ тѣми же движеніями и позами, которые употребляются женщинами при пляскѣ „русской“. Протанцовавъ такимъ образомъ некоторое время, дѣвушки одна за другой оставляютъ своихъ кавалеровъ и садятся на свои прежнія мѣста, а парни, продолжая танцевать, приглашаютъ на ходу новыхъ дѣвушекъ и т. д., пока не переберутъ всѣхъ. Танцуя „шестерку“, какъ и „русскую“, парни обязаны брать всѣхъ дѣвушекъ по очереди и, протанцовавъ лишь со всѣми, могутъ кончать танецъ. Но это правило не соблюдается при европейскихъ танцахъ, когда пляшутъ съ кѣмъ кто хочетъ').

¹⁾ Пользуясь случаемъ, мы считаемъ нужнымъ отыскать, что характеристика г. Шагова сургутскихъ танцевъ,—„танцы сургутинъ—искуожи и нелѣпы—въ нихъ часто подражаютъ движеніямъ различныхъ животныхъ и птицъ“ (Очерки сургутского края, Зап. З. С. Отд. И. Р. Г. Общ. кн. X, 1889 г., стр. 83),—совершенно невѣрна, и даже непонятно, какъ она могла сложиться у автора, такъ какъ исполненіе сургутинами русскихъ народныхъ танцевъ—„шестерки“ и „русской“—ничѣмъ не отличается отъ обычного исполненія ихъ въ деревняхъ и селахъ всей Россіи, а звуки неудобно пляшутъ даже очень красиво и изящно, и ни о какомъ подражаніи животныхъ и птицъ не можетъ быть и рѣчи (если, конечно, не считать то,

Нерѣдко, впрочемъ, и теперь еще, когда на вечоркѣ не слу-
чится музыки, вмѣсто нея поютъ плясовыя пѣсни, подъ которыя
и отплясываютъ „шестерку“ и „русскую“.

Вотъ нѣкоторыя изъ зѣщихъ пѣсень, подъ которыхъ танцуютъ
„шестерку“:

Мнѣ дѣвушки говоривали,
Мнѣ молодушки наказывали:
Не женись, не женись, молодецъ,
Не женись, удалая голова!
Если женишься, спокаешься,
Со худой женой намаешься...
Проживешь, проживешь, молодецъ,
Проживешь, удалая голова,
Между нами, между дѣвушками,
Между тами, межъ красоточками.

* * *

Пойду-ли я

Кружкомъ, лужкомъ, бережкомъ?

Дойду-ли я

До сырого до дуба?

Сорву-ли я

Съ сыра дуба вѣточку?

Бросю-ли я

Во ту буйну рѣченку?

Тонетъ-ли

Сыра дуба вѣточка?

Тужитъ-ли

По мнѣ родной батюшка?

Эта пѣсня поется до трехъ разъ; во второй разъ поютъ вмѣсто послѣдняго стиха:

Тужитъ-ли

По мнѣ родна матушка?

древнія „бѣлой лебеди“ или „стрѣлой утицѣ“, что вразъ-ли имѣть въ виду авторъ).
Нужно замѣтить, что г. Шведовъ говорить здѣсь о русскомъ населеніи края, а не
объ остракахъ, танцы которыхъ, действительно, воспроизводятъ иногда сцены изъ
соколичнаго быта и представляютъ нерѣдко странную и неуклюжую жестикуляцію.

А въ третій:

Тужить-ли

По мнѣ милый ладушка?

**

Летитъ голубь черезъ городъ,
Несетъ вѣстку про невѣстку....
Про которую? Про вторую,
Про серднюю Дуняшу....

Вечоръ Дуню прутомъ дули,
Подъ свой норовъ подводили:
Отстань, Дуня, отстань, Дуня,
Своей воли....
Хоть убьюся, хоть убьюся,
Не отстану,
Хоть извяну, хоть извяну,
Любить стану....

А вотъ нѣсколько пѣсень, подъ которыя пляшутъ „одиночку“
(„русскую“):

Какъ ходить, гулять Ванюша
Вдоль по улицѣ,
Вдоль по широкой...

Заглядѣлся, засмотрѣлся
На Паранино окно,
На косящато....

Ты не спиши, душа, Нараша?

Не сплю—такъ лежу

И тебя, моя надежа,

На умѣ держу....

Научить тебя, Ванюша,

Какъ ко мнѣ ходить?

Ты не улицей ходи,

Ты не широкой гуляй,

Переулочкомъ.

Ты не голосомъ кричи,

Соловьемъ свищи,

Чтобы я, млада-младенька,

Сдогодалася,

Со бесѣды, моя радость,
 Подымалася....
 Ужь я батюшкѣ скажу,
 Я родимому скажу:
 Голова болитъ....
 Ужь я матушкѣ скажу,
 Я родимой доложу:
 Не здоровится,
 Худо можется....
 А къ милу дружку приду,
 Ко любезному приду
 Здоровешенькой,
 Веселешенькой....

* * *

Плавать¹⁾) утка-селезень
 Тихою водою.
 Она—тихою водою
 Морской глубиною....
 Споймали селезеньку
 Сургутски дѣвочки....
 Посадили селезеньку
 Къ себѣ во садочки...
 Скажи, утка-селезень,
 Всѣ ѿ сущу правду
 Про батюшку, про матушку,
 Про мила дружечка:
 Гдѣ мой миленький ночуешь?
 — Въ лѣсѣ при долинѣ....
 Въ лѣсѣ, въ лѣсѣ, при долинѣ,
 У батюшки въ домѣ....
 У батюшки, у матушки
 Трои новы сѣни.
 Первы новы сѣни—
 Стекольчаты двери,

¹⁾ „Плавать“ вмѣсто „плываетъ“. При пѣснѣ каждый стихъ этой пѣсни повторяется два раза.

Вторы новы съни—
Хрустальная двери,
Третыи новы съни—
Часты переходы....

* * *

Подъ горою колодѣцъ,
Подъ крутою—студеной....
Зачѣмъ въ тебѣ воды нѣтъ?
Конь воду выпивалъ,
Копытечкомъ выбивалъ.
Приходили красны дѣвушки,
Прирасчерпывали,
Прираспалнивали....
У меня же, у младой
Свекоръ батюшка лихой,
Посылаеть за водой,
За холодной ключевой....
Ужь какъ я же молода
Непослушлива была,
Не послушалась,
Да поупрямилась....
Не пошла я за водой
За холодной ключевой....

Послѣ каждого стиха поется припѣвъ:

Калина да малина.

6 Эта пѣсня имѣть еще другой варіантъ, подъ который танцуется „шестерка“, при чемъ варіантъ этотъ поется тогда, когда танцующіе „шестерку“ парни переберутъ всѣхъ дѣвушекъ по оче-реди, и каждому изъ нихъ предоставляется право выбирать снова по дѣвушкѣ, какая кому особенно „глянется“. Въ это время хоръ и поеть эту пѣсню, величая каждого изъ танцующихъ парней по порядку:

Винный мой колодѣцъ,
Винный мой студеной,
Зачѣмъ въ тебѣ воды нѣтъ?
Конь воду выпивалъ,

Копытчикомъ выбивалъ...
 Молодецъ, молодецъ,
 (Иванъ) сударь молодецъ,
 (Егоровичъ) удалой,
 Куда ъздиль, отъѣзжалъ?
 Въ Сургутъ—городъ пріѣзжалъ,
 Вывозилъ, вывозилъ
 Сургутскую дѣвицу,
 Сургутску красавицу....

Потомъ снова начинаютъ эту пѣсню, величаютъ слѣдующаго парня и такъ до трехъ разъ (въ „шестеркѣ“, какъ мы уже говорили выше, танцуютъ за-разъ три парня).

Это едва-ли не единственная въ здѣшней мѣстности „величанная“ плясовая пѣсня. Ни въ какихъ другихъ пѣсняхъ не величаютъ „на-имя“ танцующихъ парней. Обыкновенно при танцахъ подъ плясовые пѣсни, въ теченіе извѣстнаго танца, поется не одна только, какая-нибудь пѣсня, а цѣлый рядъ ихъ,—и по мѣрѣ того, какъ одна дѣвушка смѣняется другой, запѣвается и новая пѣсня, но, конечно, одного и того же цикла плясовыхъ пѣсень. Впрочемъ, хотя мы и указали выше, что здѣсь есть свои особливыя пѣсни какъ для „русской“, такъ и для „шестерки“, но, собственно говоря, между тѣми и другими положительно невозможно провести какую-либо разницу, какъ въ содержаніи, такъ и въ ритмѣ, и въ пѣніи. Какъ видно изъ приводимыхъ нами образчиковъ, здѣшнія плясовые пѣсни крайне неопределенного содержанія и столь же неопределенного ритма и мотива, и почему подъ однѣ изъ нихъ плашутъ „русскую“, а подъ другія—„шестерку“, это тайна стариннаго обычая. Въ общемъ все-таки большинство этихъ пѣсень отличается извѣстной веселостью и вмѣстѣ съ игривымъ содержаніемъ соединяетъ веселый ухарскій мотивъ.

Въ антрактахъ между танцами парни и дѣвушки поютъ такъ называемыя „игровыя пѣсни“ и „ходять играми“. 4

Въ прежнее время, особенно, когда не знали этихъ кадрильей и лянсы, игры на вечоркахъ имѣли первенствующее значеніе и заполняли собою почти весь вечеръ. Теперь наоборотъ: игры отодвинуты на второй планъ, а на первый выступила кадриль, съ которой начинается и которой оканчивается всякая вечорка. Но,

во всякомъ случаѣ, и теперь еще на каждой вечоркѣ вы можете услышать эти игровые пѣсни, которая хорошо извѣстны молодежи. Нѣкоторыя изъ нихъ очень любопытны какъ по своему содержанію, такъ и по сопровождающимъ ихъ играмъ. Большинство этихъ пѣсень носить, конечно, любовный характеръ, сообразно которому и игры воспроизводятъ въ большинствѣ случаевъ различные сцены любовныхъ ухаживаний парней за дѣвушками. Такъ что въ ряду этихъ игръ нерѣдко проносятся передъ молодежью довольно знакомыя картинки, взятыя, какъ бы, прямо изъ жизни.

Игровыя пѣсни, какъ и плясовыя, поются хоромъ, всѣми присутствующими. Дѣвушки запѣваютъ, парни подхватываютъ:

Шёлкова ленточка къ стѣнкѣ льнетъ,
Добрый молоцѣцъ у дѣвушки ручки жметъ.
Онъ жметъ, пожимаетъ, все выспрашиваетъ:
Скажи, душа, скажи, свѣтъ,
Скажи—любишь, али нѣть?
Я любить не люблю,
Отказаться не могу,
Отказаться не могу,
Поцѣлуя да уйду.

* *

Подушечка, подушечка,
Ты же пуховая,
Дѣвонюшка, дѣвонюшка,
Ты же молодая!
Я докуль буду ходить (2)
Все я за тобою?
Я докуль буду носить (2)
Дорогой подарокъ,
Дорогой такой подарокъ
Тальянскій платочекъ?
Во тальянскомъ во платочкѣ,
Въ раскосенькомъ узелочкѣ
Золото колечко,
Золотое-то колечко
То мое сердечко.

Кого люблю, кого люблю,
Того поцѣлую,
Раззолоченымъ колечкомъ
Того подарю я.

* *

Бѣлый снѣгъ выпадаль,
Молодецъ съ коня упалъ,
Онъ упалъ да лежить—
Къ нему дѣвица бѣжитъ.
На добра коня садила,
Приговаривала:
Ты пойдешь, другъ, гулять,
Не загуливайся,
Во пирахъ, во бесѣдахъ
Не засиживайся,
На прелестныхъ красныхъ дѣвицъ
Не заглядывайся:
Прелестны красны дѣвицы
Обманчивы,
Обмануть, проведутъ,
Поцѣлуютъ да уйдутъ. Т

* *

Разъосеній свѣтлый мѣсяцъ,
Разжемчужное кольцо—
У дѣвицы чернобровой
Разгорѣлося лицо.
Ко ней молодецъ подходитъ,
За ручку береть,
Онъ за ручку береть,
Шѣсню весело поетъ:
Посмотрите, добры люди,
Ужъ я чѣмъ не пара, (2)
Хоть сейчасъ подъ вѣнецъ?
На то дѣвица сказала:
Знать, судьбъ моей конецъ,
Поцѣлуй меня, удалый молодецъ.

Всѣ эти пѣсни (какъ и многія другія, которыѣ мы здѣсь не приводимъ) „играются“ болѣе или менѣе одинаково. Въ большинствѣ случаевъ игру начинаютъ парни. При запѣвѣ пѣсни на средину комнаты выходить одинъ изъ нихъ и, пригласивъ какую либо дѣвушку, ходить съ ней по комнатѣ, иногда обнявшись, иногда только ваявшись за руки, иногда увинаясь около нея съ ухватками страстно влюбленнаго, и затѣмъ, при послѣднихъ словахъ пѣсни, гдѣ рѣчь всегда идетъ о поцѣлуяхъ, отводить дѣвушку на ея мѣсто и цѣлуеть ее тамъ обыкновенно три раза. Потомъ, когда вновь запоютъ ту же пѣсню, выходить другой парень, кто хочетъ, и продолжаетъ то же, что и первый. При этомъ въ играхъ не соблюдается правило (которое практикуется при плясѣ „русской“), чтобы приглашать всѣхъ присутствующихъ дѣвушекъ по очереди, и каждый выбираетъ себѣ ту дѣвушку, которая особенно нравится.

Такъ играется большинство здѣшнихъ игровыхъ пѣсень, но есть и такія пѣсни, гдѣ игру открываютъ дѣвушки, при чемъ обыкновенно при концѣ пѣсни для поцѣлуя дѣвушка выбираетъ себѣ другого парня, а парень, въ свою очередь, цѣлуется съ другой дѣвушкой, а не съ той, съ кѣмъ „игралъ“ (ходилъ по комнатѣ). Дальше, при запѣвѣ той же пѣсни, выходить вновь избранные парень и дѣвушка и играютъ такъ же, какъ и первые. Такъ, напр., играется выше приведенная пѣсня: „Бѣлый сиѣгъ выпадаль“ и пр.

Это наиболѣе распространеннѣя на здѣшникѣ вечоркахъ игры. Но нѣкоторыя пѣсни играются совершенно своеобразно, иногда примѣняясь къ ихъ содержанію, иногда же безъ всякой связи съ этимъ послѣднимъ, просто по установленвшемуся изстари обычай.

Хорь, напр., поетъ:

Я качу, качу золото кольцо,
Золото кольцо со брильянтами....
За кольцомъ-то идетъ добрый молодецъ,
За собой-то ведеть красну дѣвицу....
Ты возьми-ко ее за праву ручку,
Поведи-ко ее во чисто поле,
Ты поставь-ко ее среди горницы,
Среди горницы, среди новоей.

Подойди-тко къ ней, стань близешенько,
Поклонись-ко ей ты низешенько,
Поцѣлуи ей ты милешенько....

При запѣвѣ пѣсни выходить парень съ дѣвушкой, береть ее за руку, ставить среди комнаты и самъ, обнявшись съ ней, становится рядомъ, а при постѣднѣхъ словахъ пѣсни, кланяется ей „низешенько“ и цѣлуетъ „милешенько“. Затѣмъ эта дѣвушка выбираетъ себѣ другого парня и продолжаетъ съ нимъ все то, что поется въ пѣснѣ, при чемъ хоръ теперь поетъ:

За кольцомъ-то идеть красна дѣвица,
За собой-то ведеть добра молодца...
Ты возьми-тко его за праву ручку,
Поведи-тко его и т. д.

Во всѣхъ этихъ играхъ, какъ мы видимъ, „играютъ“, т. е. ходятъ по комнатѣ и потомъ цѣлуются только двое—парень и дѣвушка, а затѣмъ идеть слѣдующая пара и т. д. Но адѣсь есть иѣсколько пѣсенъ, въ игрѣ которыхъ принимаютъ участіе за-разъ двѣ пары (два парня и двѣ дѣвушки), три пары и даже всѣ присутствующіе.

Такъ, напр., при пѣніи нижестѣдущей пѣсни, выходить двѣ дѣвушки и, взявшись за руки, иѣкоторое время ходятъ по комнатѣ одинъ, а потомъ, при соответствующихъ стихахъ пѣсни, садятся къ выбраннымъ ими парнямъ на колѣни и затѣмъ цѣлуются съ ними, послѣ чего начинаютъ ходить эти пары и такимъ же порядкомъ выбираютъ себѣ дѣвушекъ, садятся къ нимъ на колѣни и т. д.

Когда ходятъ дѣвушки, то хоръ поетъ:

Летѣли двѣ птички,
Собой не велички.

Тамъ, тамъ лѣто, здѣсь зима,
Чернѣбровая моя.

Какъ онѣ летѣли,
Всѣ люди глядѣли.

Тамъ, тамъ лѣто, здѣсь зима,
И т. д. (Припѣвъ полъ каждыми двумя стихами).

Какъ онѣ садились,
Всѣ люди дивились.

Съли посидѣли,
Встали полетѣли.

Встали полетѣли,
Пѣсеньки запѣли.
Пѣсни воспѣвали,
Насъ утѣшили.
Насъ утѣшили,
Три разъ цѣловали.

А когда открываютъ игру парни, то хоръ поетъ:

Летѣли два ворона,
Крылья оборваны.

Раскудрявъ, кудрявъ, кудрявый,
Раскудрявый милый мой.

Какъ они летѣли,
Всѣ люди глядѣли.

Раскудрявъ, кудрявъ, кудрявый,

И т. д. Приг҃евъ подъ каждыми двумя стихами, а слова тѣ же, что и въ первой пѣснѣ. ⁵²

Также играется и нижеслѣдующая пѣсня, но только въ ней всю игру ведутъ дѣвушки, смѣняясь по-парно другъ съ другомъ, а парни держатся пассивно, служа лишь предметомъ выбора для дѣвушекъ.

Какъ по травкамъ, по муравкамъ,
По лазоревымъ цвѣточкамъ,
По бумажнымъ по листочкамъ,
Тутъ ходили, тутъ гуляли,
Двѣ дѣвицы тутъ плясали...
Отплясавши снать ложились
Ко молодцамъ на колѣни,
Ко удалымъ подъ гусельцы.
Молодецъ въ гусли играеть
И дѣвицу разбуждаетъ:
Встань, дѣвушка, встань, лапушка.
Встань, бѣлая лебедушка,
Встань, бѣлая лебедушка,
Эвонъ ѿдетъ твой батюшка..

Я батюшку не боюся
 И матушки не страшуся,
 Я милого убоюся,
 Гулять пойду—я спрошуся
 Съ гульбы приду—поцѣлую.

При пѣніи на кеслѣдующей пѣсни, игру начинаютъ сразу три парни, которые потомъ и выбираютъ себѣ каждый по дѣвушкѣ, причемъ въ пѣснѣ всѣхъ играющихъ величаются по имени и отчеству.

У воротъ—воротечекъ,
 У воротъ стекольчатыхъ,
 Разливъ разливается.
 По тому разливчику,
 По тому широкому
 Три лебедя плавали...

Первый—отъ лебедь-вотъ (Егоръ Ивановичъ),
 Второй—отъ лебедь-вотъ (Павель Семеновичъ),
 Третій—отъ лебедь-вотъ (Алексѣй Сидорычъ).

Дальше поютъ тоже:

У воротъ—воротечекъ,
 У воротъ стекольчатыхъ

 Три лебедки плавали
 Первая—отъ лебедь—(Федосья Ивановна),
 Вторая—отъ лебедь—(Дарья Николаевна),
 Третья—отъ лебедь—(Марья Прокопьевна).
 Лебеди слеталися,
 Лебеди сплывалися,
 Ниако поклонялися,
 Троє цѣловались.

Наконецъ, есть пѣсни, при пѣніи которыхъ въ игрѣ принимаютъ участіе всѣ присутствующіе на вечоркѣ парни и дѣвушки. Игру, по обыкновенію, открываютъ парни. Выбравъ себѣ по дѣвушкѣ и взявши съ ними подъ руку, парни начинаютъ ходить кружкомъ по комнатѣ и вѣхомъ поютъ:

Воалъ садичка дороженька торна,
 Еще кто это дорожку проторилъ?

Это—молодецъ ко дѣвушкѣ ходилъ...
 Онъ не такъ ходилъ (2), подарочекъ носиль.
 Много золота, много серебра носилъ,
 Шаль персидскую на правое плечо,
 А на ручку бриліантово кольцо....
 Ты не чувствуешь любви никакой,
 Какова любовь на свѣтѣ горяча,
 Горяча любовь, слезами облита....
 Поцѣлуй меня, молодчикъ, три раза.

При послѣдніихъ словахъ пѣсни каждый „молодчикъ“ цѣлуется свою дѣвушку. Затѣмъ, при запѣвѣ вновь этой пѣсни, уже дѣвушки выбираютъ себѣ парней и ходятъ съ ними такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, и т. д. 2-

Выше мы приводили одну изъ такъ называемыхъ „величанныхъ“ игровыхъ пѣсенъ, гдѣ величаютъ „на имя“ участниковъ въ игрѣ парней и дѣвушекъ. Такихъ „величанныхъ“ пѣсенъ здѣсь не мало и при пѣніи ихъ обыкновенно величаютъ по очереди всѣхъ присутствующихъ парней и дѣвушекъ, и кого „завеличиваютъ“, тотъ (или та) и открываютъ игру.

Вотъ, напр., „величанныя“ пѣсни, гдѣ игру начинаютъ парни.

У насъ (Ванюшка) хорошенъкій
 Во бекешечкѣ коротенъкій,
 Онъ бѣтсѧ, убиваєтсѧ,
 Сиротою называєтсѧ....
 Кто-бы, кто-бы сиротинушку приэриль?
 На тесовую кровать положиль?
 Душа (Аннушка) удобрилась,
 Пустила сиротину ночевать,
 Начала его въ уста цѣловать.

* * *

У насъ молодцы да всѣ хороши,
 > То-то мята, рожь не жата,
 Некошеная трава.
 У насъ молодецъ, у насъ (Васинъка),
 У насъ (Васинъка), свѣтѣ (Васильевичъ),
 То-то мята, рожь не жата,
 И т. д. (Притѣчь послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Его дѣвушка, его (Аннушка).
 Его Аннушка, свѣтъ (Ивановна).
 Ты цѣлуй дружка
 Сероди кружка.

А вотъ „величанный“ пѣсни для дѣвушекъ:

Земляничка, сладка ягодка,
 Ты душа-ли красна лѣвица,
 Свѣтъ (Марья Васильевна),
 На кого ты живешь надѣешься?
 Я живу-то живу, надѣюсь я
 На мила-то дружка на (Васиньку),
 На (Васиньку) свѣтъ (Васильевича).
 Знаю, знаю, что возьметъ онъ за себѣ,
 Увѣряю, поцѣлуешь три раза.

* *

Вскочилъ козель въ огородъ
 Черезъ частенькій частоколикъ....
 Кому козла выгоняти?
 Выгонять козла душъ дѣвушкъ
 Федосьѣ свѣтъ (Ивановнѣ).
 У нась (Ненюшка) дѣвушка хорошая,
 Она ходила, гуляла по долинкѣ,
 По широкой лугатинкѣ.
 Во рукахъ-то у ней платочекъ
 Ровно бѣленъкій, багистовенькій.
 Она бѣть козла по колѣнямъ,
 Козель на колѣни припадаетъ,
 Изъ садочки выбѣгаеть,
 Выбѣгаеть козель, выбираеть.
 Выбираеть козель, самъ цѣлуешь.

При началѣ этой пѣсни по комнатѣ ходить парень, кто захочетъ, а потомъ выступаетъ та дѣвушка, которую „завеличаютъ“, и продѣлавъ все то, что поется въ пѣснѣ, дѣвушка выбираеть для поцѣлуя другого парня, а парень—другую дѣвушку. Затѣмъ „играетъ“ вновь чѣбранная пара и т. д.

Нѣкоторыя изъ этихъ величанныхъ игровыхъ пѣсень по своему содержанию очень близко подобоятъ къ здѣшнимъ „свадеби-

нимъ" пѣснямъ и являются, какъ бы, перенесенными на вечорку изъ мѣстнаго свадебнаго обряда. Напр., на вечоркахъ часто поютъ двѣ такихъ величаниыхъ пѣсни (одна изъ которыхъ предназначается для парней, другая—для дѣвушекъ).

Какъ по блюду—было блюдечку,
По наливному яблочку
Не два яхонта катаются,
Двѣ жемчужки разсыпаются....
Какъ но конь берегами бѣть,
Берегами бѣть, воды не пить,
Стременами пошевеливаеть,
Золотой уздой побрякиваеть....
Тутъ и шель-прошелъ удалой молодецъ,
Разудалый добрый молодецъ,
Свѣтъ (Иванъ), сударь (Егоровичъ)....
За собой онъ ведеть сужену,
За собой онъ ведеть ряжену,
Свѣтъ душу-ли красиу дѣвицу,
(Анну Васильевну)....
Ужь ты, мать, моя матушка,
Сударыня, боярыня моя,
Я привезъ тебѣ служанушку.
Себѣ вѣрную хозяюшку,
Я не бить-бы, не бранить-бы ее,
Цѣловать-бы, миловать-бы ее...
Мои ручки не поднимутся,
Мои бѣлыя опустятся....

Это—величанная пѣсня для парней, а вотъ другая, подобная, для дѣвушекъ:

Еще кто эти сѣни меть?
Еще кто эти кленовы заметаль?
Заметала сѣни душа (Машенька),
Заметала, звончаты гусли нашла....
Я кому эти гусли отданъ?
Я кому эти звончатые отданъ?
Я отданъ гусли (Иванушкѣ),
Я отданъ гусли (Ивановичу).

(Иванушки) дома нѣть,
 (Ивановича дома нѣть)...
 Онъ у тещи, у ласковой,
 Быть блины масляны....
 Ему тещинька говаривала,
 Ему ласкова наказывала:
 Зять мой, аялюшка, Иванушка,
 Ты не пей-ка вина до пьяна,
 Ты на завтра прибудешь домой,
 Тебя выйдетъ молода жена встрѣтить,
 Не куражься, не ломайся надъ ней,
 Надъ моей дочкой, падъ Машенькой:...

Въ игрѣ этихъ пѣсень нѣть ничего замѣчательнаго, играются онъ такъ же, какъ и вообще всѣ величанныя пѣсни, но, по своему содержанію и складу, онъ въ высшей степени напоминаютъ свадебныя пѣсни, что поются на здѣшнихъ дѣвишникахъ, хотя теперь на дѣвишникахъ этихъ величанныхъ пѣсень здѣсь не поютъ и неизвѣстно пѣли-ли ихъ раньше.

Кромѣ этихъ пѣсень, рисующихъ различные любовныя сцены, здѣсь не рѣдко поются на вечоркахъ и такія игровые пѣсни, которые изображаютъ уже дальнѣйшія послѣдствія этихъ предварительныхъ любовныхъ ухаживаній, сообразно чему и сопровождающія ихъ игры носятъ уже бытовой характеръ и представляютъ или, напр., картину сватовства, или же какую нибудь сторону замужняго жития-бытия, какъ бы, въ назиданіе присутствующей молодежи. 30

Въ этомъ ряду чисто бытовыхъ игрѣ мы прежде всего остановимся на любопытной игрѣ „боярами“, представляющей своеобразную картину сватовства.

Играется она такъ: парни, ваявшись за руки, становятся по одну сторону вдоль комнаты, а дѣвушки точно также—по другую, при чмъ наблюдается, чтобы тѣхъ и другихъ было поровну, и подходя „стѣна на стѣну“ другъ къ другу, поперемѣнно хоромъ поютъ:

Дѣвушки: Боярѣ, да вы зачѣмъ пришли?

Молодые, вы зачѣмъ пришли?

Парни: Княгинеи, мы невѣсть смотрѣть,

Молодыя, мы хорошихъ примѣчать.
Дѣвушки: Боярѣ, да покажите вы кафтанъ,
Молодые, покажите вы кафтанъ.
Парни: Княгинеи, воть и нашъ кафтанъ,
Княгинеи, воть суконенькій.

При этихъ и слѣдующихъ стихахъ, показывая свои кафтаны, колпаки (шапки) и сапоги, парни стараются соответствующимъ образомъ и жестикулировать, чтобы щеголнуть передъ дѣвушками своими нарядами. Хоръ продолжаетъ:

Дѣвушки: Бояра, да покажите вы колпакъ,
Молодые, покажите вы колпакъ.
Парни: Княгинеи, воть и нашъ колпакъ,
Молодыя, воть онъ новенький.
Дѣвушки: Бояра, да покажите сапоги,
Молодые, покажите сапоги.
Парни: Княгинеи, воть и наши сапоги,
Молодыя, воть подбиты каблукі.

Затѣмъ, произведши этотъ осмотръ, дѣвушки поютъ:

—Бояра, да покажите жениха,
Молодые, покажите жениха.

На что парни отвѣчаютъ:

—Княгинеи, воть и нашъ женишекъ,
Княгинеи, воть хотостенький.

Хотя всѣ играющіе парни представляютъ изъ себя жениховъ, но эту роль обыкновенно береть на себя крайній, начиная при этихъ словахъ пѣсни особенно охорашиваться передъ дѣвушками.

Послѣ этого дѣвушки поютъ:

—Бояра, да вамъ которая люба?
Молодые, вамъ которая люба?
Парни: Княгинеи, для нась всѣ хороши,
Молодыя, одна лучше всѣхъ.
▶ —Бояра, да вы берите-ка ее,
Молодые—вы берите-ка ее.
—Кнагинеи, прикажите цѣловать,
Молодыя, прикажите обнимать.
—Бояра, да вы цѣлуйте-ка ее,
Молодые, обнимайте-ка ее....

При постъднихъ словахъ пѣсни, крайній изъ парней отдаляетъ сѧ отъ остальныхъ, выбираетъ себѣ дѣвушку (тоже по большей части стоящую противъ него съ краю) и цѣлуется съ неї, а затѣмъ предоставляетъ цѣловать ее по очереди всѣмъ своимъ товарищамъ. Когда ее перенѣгаютъ всѣ парни, „женщекъ“ съ „невѣхой“ удаляются изъ игры, а при запѣвѣ вновь этой пѣсни тоже самое продолжаетъ слѣдующій крайній парень и т. д., пока парни не переберутъ всѣхъ дѣвушекъ.

Такъ же играется адѣсь и извѣстная пѣсня: „А мы—проса сѣали, сѣали“¹⁾), при чемъ послѣ словъ: „а намъ надо дѣвицу, дѣвашу“—стоящій съ краю парень цѣлуется съ одной изъ дѣвушекъ и передаетъ ее для поцѣлуя другимъ парнямъ, послѣ чего двое стоящихъ съ краю парней поднимаютъ вверхъ руки на подобіе арки, подъ которую и проходитъ удаляющаяся со сцены пара. А дѣвушки въ это время поютъ:

Отпирайте ворота, ворота,

Принимайте дѣвицу съ молодцемъ, молодцемъ...

Такой финаль устраиваютъ иногда и въ предыдущей игрѣ „боярами“, при чемъ дѣвушки поютъ:

Бояре, вы отворяйте ворота,

Молодые, принимайте дѣвушку со молодцемъ...

Игра „боярами“ считается въ Сургутѣ старинной игрой и въ послѣднее время выводится изъ употребленія. Точно также въ недавнее время здѣсь была въ большомъ ходу другая любопытная игра, которая не мало забавляла молодежь. Игра эта состояла въ слѣдующемъ:

На средину комнаты выходить дѣвушка. Хоръ начинаетъ пѣть:

Какъ буду, да и какъ буду

Старому мужу постилать?

—Эвотъ-какъ, да и эвотъ-какъ

Буду я ему постелюшку слати...

При этихъ словахъ играющая дѣвушка въ высшей степени

¹⁾ Поется она почти такъ же, какъ, напр., и въ Ярославской губ. (См. „Сѣверный Вѣстникъ“ за 1889 г., № 6), съ тѣмъ лишь различіемъ, что вѣсто „шаковаго земли“ сургутскія дѣвушки хотятъ принять коней, на шелковы чебуры, чебуры“ а вѣсто приговарива: „Оа Дибъ-Ладо сѣали, сѣали“ въ Сургутѣ приговариваются: „А мы ишады, сѣали, сѣали“.

зебрено и, какъ бы, со злостью бросаетъ съ себя на полъ полу-
шалокъ. Это она стелеть постель для старого мужа. Хоръ поетъ
дальше:

Какъ буду, да и какъ буду
Старому мужу изголовье класти?
—Эвотъ-какъ, да и эвотъ-какъ
Стану я ему изголовье класти...

Дѣвушка береть и кладеть на полуshalokъ въ изголовье сво-
ему старому мужу полѣно.

Хоръ поетъ:

Какъ буду, да и какъ буду
Старого мужа спати класти?
Эвотъ-какъ, да и эвотъ какъ
Буду я его спати класти...

При этихъ словахъ дѣвушка выбираеть кого-нибудь изъ пар-
ней (обыкновенно такого, кто ей не особенно милы), тащить его
къ этой импровизированной постели и грубо толкаеть его на по-
стель.

Дальше поють, какъ она будеть со старымъ мужемъ „ложить-
ся“.—дѣвушка крайне неохотно ложится спиной къ парню, иг-
рающему роль старого мужа; какъ она будеть его „обнимати“,—
„старый мужъ“ лѣзеть къ ней съ своими объятіями, но дѣвушка
барацтается и отбивается отъ него руками и ногами,—какъ она
будеть его „нѣловати“,—вместо подѣлуя дѣвушка ильеть своему
„старому мужу“ въ лицо,—какъ она будеть его „убуждати“,—
дѣвушка безъ церемоніи толкаеть „мужа“ подъ бокъ, и, нако-
нецъ,—дѣвушка стаскиваетъ парня съ постели и выталкиваетъ
его къ порогу...

Затѣмъ снова начинается та же пѣсня, но теперь рѣчь идетъ
уже о молодомъ мужѣ...

Какъ буду, да и какъ буду
Молодому мужу постыдати?
—Эвотъ-какъ, да и эвотъ-какъ
Буду я ему постелюшку слати...

Тотъ же полуshalokъ дѣвушка теперь тщательно расстилаеть
по полу, разглаживая его обѣими руками, чтобы „мужу“ было
мягче „спати“...

Затѣмъ, при дальнѣйшихъ словахъ той же пѣсни, въ изголовье дѣвушка кладеть пуховую подушку, изъ парней выбираеть, въ качествѣ молодаго мужа, того, кто ей больше „глянется“, и нѣжно укладываеть его на своей „постели“, охотно ложится съ нимъ рядомъ и, обнявшись, начинаеть его ласкать и цѣловать, „убуждаеть“ его потихоньку и осторожно подымаеть съ постели...

Это, какъ мы уже говорили выше, старинная игра, которую сеѧчъ рѣдко можно увидѣть на сургутскихъ вечоркахъ; но здѣсь есть еще одна любопытная игра, тоже бытового склада, которую устраиваютъ часто и теперь.

Хоръ запѣваетъ:

Отворяйтесь вы, широкія ворота,
Ужь я сяду на добра коня—поѣду..

При запѣвѣ выходить парень и, выбравъ себѣ дѣвушку, садитъ ее среди комнаты на стуль, а самъ начинаеть ходить вокругъ нея. Хоръ поетъ дальше:

Я поѣду во Китай-городъ гуляти,
Молодой женѣ подарокъ закупати...
Я куплю-ка молодой женѣ подарокъ,
Саму-саму преотличную шалку...
Я положу на серебрянное блюдо,
Подойду къ молодой женѣ поближе,
Поклонюсь я молодой женѣ пониже:
Ты бери-тка, жена, не ломайся,
Душа-сердце мое, не куражься...

При этихъ словахъ парень съ низкимъ поклономъ подаеть дѣвушкѣ на подносѣ „шалку“ (платокъ или шаль), но та съ пренебреженіемъ бросаеть ее на полъ. Парень огорченъ и хоръ въ такихъ заключительныхъ словахъ пѣсни выражаетъ огорченіе парня:

Посмотрите-ка, добрые люди,
Какъ жена меня, молодца, не любить,
Она всѣмъ сердцемъ меня ненавидить...

Тогда вновь запѣваютъ эту пѣсню:

Отворяйтесь вы, широкія ворота,
Ужь я сяду на добра коня—поѣду..
Я поѣду во Китай городъ гуляти и т. д.

Но вмѣсто „шалки“ поютъ:

Я куплю-ка молодой женѣ подарокъ,
Саму-саму преотличную плетку...

Я положу на серебряное блюдо и т. д.

И парень вмѣсто шали подаетъ теперь дѣвушкѣ плетку (скрученный въ видѣ жгута платокъ); та ее береть, встаетъ со стула и начинаетъ ходить вмѣстѣ съ парнемъ по комнатѣ, какъ и во всѣхъ другихъ играхъ. А хоръ заканчиваетъ теперь уже такъ:

Посмотрите-ка, добрые люди,
Какъ жена меня, молодца, любить,
Она всѣмъ сердцемъ меня приголубить,
Приголубить меня—поцѣлуетъ...

При этихъ словахъ парень съ дѣвушкой цѣлуются.

Какъ бы въ pendant къ этимъ бытовымъ играмъ, на сургутскихъ вечоркахъ часто поютъ еще такую прелестную пѣсенку, хотя, повидимому, и не игрового содержанія, но тѣмъ не менѣе въ Сургутѣ она считается въ числѣ игровыхъ пѣсень и подъ нее „ходить играми“.

Не отъ искорки сырой боръ горитъ...
Онъ горитъ-отъ, горитъ—разгорается,
Будто мой-отъ милой разнемогается...
Онъ не пить-отъ, не ъсть меду-сахару,
Захотѣлъ мой милой ключевой воды,
Ключевой воды со Дунай—рѣки...
Во первомъ часу за водой пошла,
Во второмъ часу воду черпала,
Во третьемъ часу возвращалася...
На гору взошла, тутъ инѣ вѣсть пришла,
Будто мой-отъ милой успокоился...
Успокоился онъ—представился...
Ужь я думала—передумала,
Какъ тужить—плакать, плакать не о чёмъ,
Наживу я дружка лучше стараго,
Полюблю я дружка лучше прежняго,
Поцѣлую дружка отъ желань-сердца.

Играется эта пѣсня обычнымъ порядкомъ: при запѣвѣ выходитъ дѣвушка и, выбравъ себѣ парня, ходить съ нимъ по ком-

натъ, а при словахъ пѣсни: „наживу я дружка лучшіе стараго“— для поцѣлуя выбираетъ себѣ другого парня, парень тоже цѣлуется съ другой дѣвушкой. Потомъ начинаютъ игру вновь избранные парень и дѣвушка и т. д.

Кромѣ этихъ игръ, носящихъ любовный или бытовой характеръ, на здѣсніи вечоркахъ играются и другія болѣе невыразимо содержанія игры. Такова, напр., игра „въ олени“. Кто нибудь изъ парней (или дѣвушекъ) садится посреди комнаты на стулъ, ему закрываютъ голову платкомъ, а остальные начинаютъ бѣгать вокругъ него, припѣвая:

Тепло-ль тебѣ, олень?
Холодно-ль тебѣ, олень?

и при этомъ щиплють, дергаютъ и т. д. сидящаго, а тотъ долженъ отгадывать, кто до него дотронулся. Угаданный и садится на его мѣсто.

Или вотъ еще одна игра. Парень или дѣвушка береть кольцо и, обходя всѣхъ, хоронить его у кого либо изъ присутствующихъ (парень—у дѣвушекъ, дѣвушка—у парней); другой парень (или дѣвушка) долженъ отгадать, у кого оно спрятано, и если найдетъ, тогда идеть искать тотъ, у кого оно нашлось, а тотъ, кто нашелъ, прячетъ. При этомъ, если ищеть кольцо дѣвушка, то поютъ:

Гадай, гадай, дѣвица,
Отгадывай, красная,
Въ коей рукѣ перстень,
Въ коей позолотый.
Ужь я рада бы гадать,
Рада годь гадовать,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ прививаючи,
Златомъ присыпаючи....

А когда кольцо найдется, то поютъ:

Очутылся перстень
У дворянки,
На правой на ручкѣ,
На лѣвой же щипѣ... 90

Существует еще игра „въ берлинъ“, напоминающая одну изъ очень распространенныхъ российскихъ игръ и неизвестно почему носящая адѣсь такое название. Игра, какъ увѣряютъ сургутяне, очень старинная.

Кто нибудь изъ парней садится среди комнаты на стуль и заставляетъ себѣ глаза. Тогда одна изъ дѣвушекъ начинаетъ опровергивать всѣхъ своихъ подружекъ, почему этотъ парень „въ берлинъ сидѣть“? Тѣ указываютъ причиной какую-нибудь смѣшную сторону сидящаго парня, его наружности, одежды, характера и т. д. Словомъ, проѣзжаются, шутить на его счетъ, иногда—очень зловоито. Собранныя мнѣнія дѣвушка объявляетъ парню вслухъ. Онъ долженъ угадать, кто о немъ что сказалъ, и какую дѣвушку угадаетъ, та и садится на его мѣсто. Если „въ берлинъ“ сидѣть дѣвушка, то мнѣнія тѣмъ же порядкомъ отбираются у парней.

Вѣдьмитъ этими играми, въ перемежку съ плясками, молодежь забавляется далеко за полночь. Когда настаетъ время расходиться и кончать вечероку, устраивается послѣдняя игра „въ сусѣдки“. Этой игрой, по установившемуся адѣсь обычай, всегда оканчивается вечерка, и пока эта игра не состоится, вечерка не считается замѣченной, какъ бы она долго не продолжалась. Въ свою очередь, если вами случится зайти на вечерку въ моментъ этой игры, это значитъ, что вечерка кончается. Въ это время большинство парней уже разошлось и на вечеркѣ остаются только немногие, что-бы въ предстоящей игрѣ хватило каждому изъ нихъ по дѣвушкѣ.

Изъ среды этихъ парней выбирается „староста-раздатчикъ“, который и раздаетъ всѣмъ парнямъ по дѣвушкѣ. По заранѣе со-становленному уговору между нимъ и остальными парнями; каждому изъ поодѣднныхъ, конечно, достается та дѣвушка, какую онъ заранѣе намѣтилъ, при чёмъ обыкновенно каждый выбираетъ себѣ ту, съ которой онъ состоить въ болѣе близкихъ отношеніяхъ. Затѣмъ парни расходятся съ назначенными имъ дѣвушками и, обнажившись, начинаютъ втикомолку вести съ ними болѣе или менѣе интимные разговоры. Въ концѣ вечерки у каждого изъ парней накапливается не мало материала, даже подобнаго интимныхъ обсужданій, тѣмы, болѣе, что, какъ мы видѣли выше, во всѣхъ случаяхъ дѣвушки дерутся такъ исключительно отъ парней, что между ними не бываетъ почты: никакихъ разговоровъ.

И вотъ теперь молодежь отводить въ разговорахъ свою душу...

„Раздатчикъ“-же („староста“) остается безъ дѣвушки и, похаживая около парней, время отъ времени останавливается и спрашиваетъ кого-либо изъ нихъ: доволенъ-ли онъ своей сосѣдкой? Если тотъ говоритъ: доволенъ, „раздатчикъ“ приказываетъ: повидайтесь (т. е. поцѣлуйтесь). Тогда парень и дѣвушка цѣлются. А если спрошенный парень говоритъ: не доволенъ, староста приказываетъ ему помѣняться мѣстами (дѣвушками) съ сосѣдомъ и затѣмъ опять „повидаться“. Иногда кто-нибудь изъ сидящихъ съ дѣвушками парней спрашиваетъ самого старосту, не желаетъ-ли онъ повидаться съ его сосѣдкой, и если староста изъявляетъ желаніе, ему предоставляется цѣловать эту сосѣдку, сколько угодно. Иногда староста приказываетъ всѣмъ поцѣловаться съ своими сѣдками столько-то разъ или даже помѣняться взаимно сосѣдками, при чемъ и самъ староста старается захватить мѣсто около какой-нибудь изъ нихъ. Если парень при этомъ перемѣщеніи опознаетъ и его мѣсто займетъ уже староста, то съ этого парня берется штрафъ: на него, какъ говорится въ этихъ случаяхъ, староста „накидываетъ службу“, т. е. заставляетъ его, напр., проплясать на одной ногѣ по комнатѣ, стать на колѣни и т. п. Отъ этой службы парень, впрочемъ, можетъ откупиться—угощеніемъ всѣхъ присутствующихъ, размѣръ какового также опредѣляется старостой.

Этой игрой, которая продолжается неопределеннное время, какъ мы уже говорили выше, обыкновенно и заканчивается вечерокъ. Если вечерокъ давали за „помощки“, то всѣ дѣвушки и парни тотчасъ же послѣ этой игры расходятся по домамъ,—парни, впрочемъ, нѣсколько раньше, такъ какъ дѣвушки оставляютъ на ужинъ. Если же вечерокъ устраивала дѣвушка-имяниница, то приглашенные дѣвушки нерѣдко послѣ ужина остаются ночевать у хозяйки. Въ прежнее время, по рассказамъ сургутянъ, вмѣстѣ съ дѣвушками оставались на ночь и парни, но теперь этотъ обычай уже вышелся.

Въ заключеніе этого обзора сургутскихъ вечерокъ и мѣстныхъ вечерочныхъ игръ, мы считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніяхъ сургутской молодежи къ замѣнѣ на вечерокъ старинныхъ игръ и увеселеній новыми европейскими.

танцами. Мы уже говорили выше, что эти новые танцы—полька, кадриль и лянсье—почти совсѣмъ вытѣснили на здѣшнихъ вечоркахъ игровые и плясовыя пѣсни, которыя ранѣе (даже въ первые годы нашего пребыванія въ Сургутѣ—въ срединѣ 80-хъ годовъ) наполняли собой почти всю вечорку. Отношеніе къ этимъ новшествамъ у молодежи двоякое: парни (особенно побывавшіе въ Тобольскѣ или въ Томскѣ) являются главными вводителями и покровителями этихъ новшествъ и горячо стоять за нихъ, но дѣвушки относятся къ нимъ холодно и даже непріязненно. Главный мотивъ такого непріязненнаго отношенія у дѣвушекъ тотъ, что на прежнихъ вечоркахъ въ играхъ и пляскахъ (какъ мы уже видѣли) могли принимать и принимали участіе *всѣ* присутствующія на вечоркѣ дѣвушки: всѣхъ ихъ по порядку должны были брать парни въ „шестерку“ и „русскую“, всѣхъ ихъ „величали“ въ играхъ, всѣ онѣ играли „въ сусѣдки“ и т. д. Когда же завелись эти европейскіе танцы и парни стали приглашать на нихъ лишь по выбору дѣвушекъ, многимъ изъ послѣднихъ приходится цѣлый вечеръ сидѣть въ ожиданіи приглашеній и, по выражению сургутянъ, „трясти веретено“; обыкновенно у такихъ обойденныхъ на другой день послѣ вечорки подружки не приминуть ехидно спросить: „много-ли напряла вчера веретенъ“?—что, конечно, не можетъ не огорчать извѣстную часть женской молодежи. А такъ какъ вкусы и симпатіи парней бываютъ перемѣнчивы, то, въ сущности, никакая дѣвушка не застрахована отъ того, чтобы всю вечорку просидѣть одной и „прѣсть веретена“,—это и является главной причиной недовольства дѣвушекъ новыми танцами.

Сезонныя увеселенія молодежи.

Пореходя къ сезоннымъ увеселеніямъ сургутской молодежи, т. е. къ такимъ, которыя, въ противуположность вечоркамъ, бываютъ лишь въ опредѣленные періоды года, мы прежде всего остановимся на святкахъ.

Святки въ Сургутѣ считаются молодежью самыми веселыми временемъ года и обыкновенно она ихъ ждетъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Да и какъ ихъ не ждать? Зима, съ ея обычными монотонными работами изо-дня въ день, успѣла уже достаточно наскучить, а тутъ предстоитъ сплошное веселье чуть не цѣлыхъ

две недѣли. И воть, еще задолго до святоокъ парни и дѣвушки начинаютъ уже готовиться къ нимъ: мастерятъ себѣ изъ бумаги маски, придумываютъ какіе-нибудь замысловатые, смѣшные костюмы для предстоящаго ряженья, запасаются заранѣе музыкой.

Наступаютъ святки. Первые три дня праздниковъ проходятъ чинно и степенно, какъ и вообще здѣсь весь праздникъ. Старшіе ходятъ другъ къ другу въ гости, умѣренно выпиваютъ и стараются держаться возможно солиднѣе и важнѣе; молодежь же въ большомъ нетерпѣніи и съ трудомъ сдерживается, чтобы съ перваго же дня не пойти рялиться.

Но воть настаетъ третій вечеръ праздниковъ и хотя рялиться, по правиламъ мудрыхъ стариковъ, еще иѣсколько рано, надо продолжать слѣдующаго дня, но молодежь уже не можетъ даѣть сдерживаться и шумными ватагами, въ самыхъ причудливыхъ костюмахъ, высыпаетъ на улицу и начинаетъ ходить по домамъ...

Ряженые обыкновенно ходятъ небольшими толпами, или, какъ здѣсь говорятъ, „табунами“, рѣдко—въ одиночку. Нѣсколько парней и дѣвушекъ, сговорившись заранѣе, еще засвѣтло, собираются въ одну избу и здѣсь начинаютъ рялиться, кто во что можетъ. При этомъ молодежь, въ особенности дѣвушки, во что бы то ни стало стараются получше разодѣться на святки. Дѣвушки вытаскиваютъ изъ своихъ сундуковъ наиболѣе цѣнныя и нарядныя платья, полуушалки и шали, которыя, кажется, только и хранятся для святочнаго ряженья, такъ какъ большие ихъ нигдѣ не увидишь; парни тоже, чтобы не ударить лицомъ въ грязь и не отстать отъ своихъ подружекъ, напяливаютъ на себя лучшіе пиджаки, сюртуки, дипломаты и пр.

Но встрѣчаются и чисто святочные костюмы. Нѣкоторыя шьютъ себѣ нарочно для святоокъ какую-нибудь смѣшную одежду изъ рогожи, наряжаются, какъ и веадѣ въ деревняхъ Россіи, въ вывороченная шубы, придѣзываютъ себѣ горбы, представляются стариками и старухами и пр. Иногда наряжаются въ самоѣдскія и тунгусскія марицы (верхняя одежда изъ оленины, шерстю вдутрь), и, расхаживая по домамъ со шкурками бѣлокъ и лисицъ, какъ бы для продажи ихъ, представляютъ изъ себя самоѣдовъ и тунгусокъ. А то такъ и просто надѣваютъ кумышъ (верхняя замѣнѣнія, одежда сургутянъ, тоже изъ оленины, но шерстью наружу).

который прекрасно может скрыть какъ полъ, такъ и возрастъ, а голову прикрываютъ салфеткой. Это даже едва-ли не самый распространенный здѣсь святочный костюмъ, особенно для тѣхъ, кому нечѣмъ щегольнуть своимъ нарядами,—да и при здѣшнихъ морозахъ, которые нерѣдко достигаютъ на святкахъ до 50° Ц., овъ представляется болѣе подходящимъ, чтобы расхаживать изъ дома въ домъ, чѣмъ легкія, хотя, можетъ быть, и нарядныя платья. Правда, этотъ костюмъ имѣеть и свои неудобства: ряженымъ приходится плясать, а танцевать въ кумышѣ (необычайно мѣшковатой и теплой одеждѣ), да еще среди многолюдной компаний въ жарко натопленной комнатѣ, представляется не особенно заманчивымъ. И эти танцоры въ кумышахъ, особенно въ европейскихъ танцахъ, обливаясь потомъ среди безконечныхъ фигуръ каландри, имѣютъ необычайно жалкій видъ.

Нѣкоторые (больше изъ состоятельныхъ) надѣваютъ на лицо маски, сдѣланныя изъ бумаги и купленные у своихъ же сургутскихъ мастеровъ по этой части; другие расписываютъ себѣ лицо сажей или придѣзываютъ бороды и усы изъ конскихъ и коровьихъ хвостовъ, большинство же маскирующихся, или, какъ ихъ называютъ въ Сургутѣ, „машкарадниковъ“, просто закрываютъ себѣ голову салфеткой, простыней или бѣльемъ платкомъ и этимъ ограничиваются все свое ряженіе, и затѣмъ въ своемъ собственномъ платьѣ, но только болѣе нарядномъ и цѣнномъ, отправляетсяходить по домамъ.

Обыкновенно не вездѣ принимаютъ ряженыхъ и наружнымъ признакомъ, принимаютъ-ли въ томъ или другомъ домѣ масокъ, служить яркое освѣщеніе и незапертая ставни въ тѣхъ домахъ, гдѣ ихъпускаютъ, а тѣ, которые не хотятъ принимать заранѣе закрываютъ ставнями всѣ окна.

Пришедши въ какой-нибудь ломъ,—если есть съ собой музыка и умѣющіе играть (ряженые обыкновенно стараются брать съ собой и какую-нибудь музыку, гармошку или бандурку, наиболѣе распространенные адѣсь инструменты, на которыхъ умѣеть играть почти каждый),—просить у хозяевъ разрѣшенія протащовать и пляшутъ своей компанией. Нерѣдко, впрочемъ, и сами хозяева, конечно, изъ состоятельныхъ, нанимаютъ на всѣ святки музыканта, чтобы онъ игралъ для приходящихъ ряженыхъ. А если нѣть му-

зыки, то ограничиваются лишь разговорами и шутками, стараясь заинтриговать собою присутствующихъ, при чмъ маски входятъ въ свои роли, разыгрывая разныхъ „цыганокъ“, „захарокъ“ и пр.

„Цыганки“, съ картами въ рукахъ, отыскиваютъ желающихъ узнать свою „судьбу“ и по картамъ или по открытымъ ладонямъ, подражая цыганкамъ-гадальщицамъ, предсказываютъ, что ожидаетъ ихъ въ будущемъ, не рѣдко наименуя при этомъ на какія-нибудь интимныя обстоятельства... „Захарки“, приходящія всегда почему-то только съ „пиявками“, какъ, будто-бы, это—универсальное лекарство отъ всѣхъ болѣзней, предлагаютъ свои врачебныя услуги, не надо-ль кого полечить, обѣщая къ больному мѣсту приставить пиявки, и довѣрчивыхъ пациентовъ при этомъ обливаютъ въ шутку водою, которую прессуютъ съ собой въ бутылкахъ, якобы содержащихъ пиявки... „Тунгусы“ и „самоѣды“, объясняясь на своемъ непонятномъ нарѣкѣ и выразительно жестикулируя, открываютъ продажу разныхъ шкурокъ.... Словомъ, всѣ ряженые входятъ въ свои роли и кианата наполняется шумомъ, смѣхомъ и шутками. Прочая публика, не играющая никакихъ опредѣленныхъ ролей, окружаетъ всѣхъ этихъ „цыганокъ“, „захарокъ“, „торговцевъ“ и тоже гадать, шумить, или, какъ адѣсь говорять, „галишся“, „совражаетъ“ ездѣ ними... Всѣмъ весело... Хохоть и шутки царять и въ домахъ гдѣ принимаютъ ряженыхъ, и по улицамъ, гдѣ, съ пѣснями и музыкой, „машкарадники“ разгуливаютъ изъ дома въ домъ....

Мальчуганы, а иногда и взрослые парни, водятъ по домамъ и показываютъ за деньги (или вообще за то, что дадутъ) искусно устроенныхъ коровъ и лошадей, и представляютъ очень популярнаго адѣсь „царя Максимилиана“.

Появление этого „Максимилиана“ среди сургутянъ свѣжо еще въ памяти жителей. До него здѣсь не было, повидимому, никакихъ лубочныхъ пѣсъ, да и въ 1891 г., кроме него, никакихъ не было. Онъ вывезенъ въ концѣ 50-хъ годовъ изъ Питера, бывшими тамъ на службѣ сургутскими казаками и очень скоро пришелся по вкусу здѣшней неприхотливой публикѣ. Сначала „Максимилиана“ представляли взрослые парни, но потомъ онъ сдѣлался такъ популярнъ, что перешелъ къ дѣтямъ и теперь его представляютъ только ребятишки. Что же касается содержания этой

шесы, то даже въ первой своей редакціи „царь Максимилюнъ“ вывезенъ былъ изъ Питера, вѣроятно, въ крайне исковерканномъ спискѣ съ какого-нибудь лубочного изданія, а съ течеіемъ времени онъ потерпѣлъ въ Сургутѣ еще большія искаженія и теперь превратился въ нечто сплошь иелѣное и почти недоступное передачѣ. Тѣмъ не менѣе онъ очень нравится юной молодежи (старшимъ ужъ онъ порядкомъ-таки прѣлся, такъ какъ они видѣть его уже десятки лѣтъ), и не проходитъ ни однихъ святокъ, чтобы не составился кружокъ ребятишекъ для представленія царя „Максимилюна“. Въ Сургутѣ на святкахъ онъ замѣняетъ собою въ нѣкоторомъ родѣ „авѣзду“ или „вертепъ“, которыхъ тамъ не носятъ, но которые, какъ известно, очень распространены въ городахъ по ту сторону Урала.

Такъ, переходя изъ дома въ домъ, молодежь веселится до глубокой полуночи. Впрочемъ, не одна молодежь: нерѣдко можно видѣть среди ряженыхъ и женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ, которые, въ святочномъ весельѣ, переживаютъ вторую свою молодость...

Начиная съ третьаго дня праздниковъ ряженіе продолжается каждый вечеръ, вплоть до кануна крещенскаго сочельника¹⁾.

На святкахъ иногда устраиваются также и вечерки, а въ прежнее время, по разсказамъ старииковъ, когда еще здѣсь не было обычая рядиться, святки только и означали означивались, что почти непрерывнымъ, въ теченіе двухъ недѣль, рядомъ вечерокъ, да гаданьями. Теперь же считаютъ неудобнымъ давать на святкахъ частныя вечерки, такъ какъ на нихъ набирается обыкновенно очень много народа и бываетъ стѣснительно плясать и играть.

Къ святкамъ же пріурочены, главнымъ образомъ, и мѣстныя гаданья, но о нихъ подробнѣе мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Теперь мы перейдемъ къ слѣдующему, по времени, сезонному увеселенію—„катушкѣ“.

Вскорѣ послѣ святокъ и задолго еще до масляницы парни

¹⁾ Въ деревняхъ, ниже Сургута верстъ на 100, по рассказамъ бывавшихъ тамъ сургутинъ, рядиться начинаютъ съ Николина дnia (6 декабря), а еще дальше—около с. Сынгрова и по Иртышу—съ первой недѣли Филиппова поста и продолжаютъ такъ же, идти и въ Сургутѣ, до крещенскаго сочельника.

устраиваютъ на подходящемъ мѣстѣ длинную, узкую и не особенно высокую ледяную гору, иногда пользуясь для этого какимъ-нибудь естественнымъ скатомъ, чаще всего высокимъ берегомъ рѣки, иногда же устраивая „голову“ этой горы на столбахъ. Это и есть „катушка“; ее обсаживаютъ елками и, когда она бываетъ окончательно готова, по вечерамъ собирается къ ней молодежь, и парни на необычайно маленькихъ (въ четверть ширины и въ $\frac{1}{2}$ аршина длины) саночкахъ начинаютъ катать дѣвушекъ. Дѣвушки обыкновенно толпятся у „головы“ катушки, поджидая приглашенія парней, а выбранныя садятся къ нимъ на колѣни, и каждый, благополучно скатившій дѣвушку внизъ, пользуется правомъ въ награду за это поцѣловать дѣвушку, а если онъ по дорогѣ вывалить ее изъ санокъ, то лишается права на „поцѣловъ“. Кататься на катушкѣ можетъ всякий, кто хочетъ, хотя ее устраиваетъ обыкновенно небольшая группа любителей-парней.

Катанье происходитъ каждодневно, по вечерамъ, начиная съ 3—4 часовъ дня и пока не стемнѣеть. Но, конечно, наибольшаго оживленія „катушка“ достигаетъ въ дни масляницы, когда катанье начинается съ полудня и даже ранѣе. Въ послѣдній день масляницы (воскресенье) катаются только часовъ до 4—5, а затѣмъ все расходятся „прощаться“, а катушку ломаютъ.

Наступаетъ великий посты—самое тяжелое и скучное для молодежи время, когда не бываетъ никакихъ увеселеній, и даже пѣть „проголосныя“ пѣсни считается тяжкимъ грѣхомъ. Долго онъ тянется, но, наконецъ, смыняется Пасхой, и молодежь опять начинаетъ веселиться, послѣ долгой и томительной скуки.

Сезоннымъ видомъ наскальныхъ увеселеній въ Сургутѣ являются качели. Ихъ тоже устраиваютъ любители-парни, а качается на нихъ всякий, кто хочетъ, но, главнымъ образомъ, онъ предназначаются для дѣвушекъ. По вечерамъ, а въ первые три дня Пасхи—и ранѣе, къ качелямъ собираются дѣвушки и, тихо покачиваясь, начинаютъ пѣть „проголосныя“ пѣсни, дружно подхватываемыя и парнями. Въ этомъ собственно и состоитъ вся заманчивость и прелесть этихъ качелей. Молодежь въ пѣсняхъ отводить свою душу, какъ бы, застывшую въ теченіе долгаго великопостного молчанія... И, быть можетъ, нигдѣ диссонансъ между стариной и разными сомнительными новшествами не проявляется

такъ ярко, какъ на этихъ качеляхъ, когда съ однѣхъ качелей весятся чарующіе звуки какой-нибудь старинной, „проголосной“, пѣсни, полные задушевности и грусти,—напр.:

Вылетала голубина на долину,
Выроняла сизы перья край равнины.
Тяжко быти сизымъ перьямъ на равнинѣ,
Грустно жити сиротинѣ на чужбинѣ... и т. д.¹⁾

Или, напр.:

Ночи темныя, ноченьки осеннія...
Ужь я всѣ то думушки придумывала,
Какъ одна мнѣ думушка съ ума нейдетъ,
Съ ума нейдетъ, со крѣпкаго разума,
Будто мой-отъ милой во-далѣ живеть,
Во-далѣ живеть—за крутой горой,
За крутой горой, за быстрой рѣкой... и т. д.

А въ это время на другихъ качеляхъ молодежь горланить:

Сидѣть Ваня на диванѣ,
Оставилъ водку допивать.
И завидя дно въ стаканѣ,
Онъ сказать: теперь прощаю... и т. д.

Качанье на качеляхъ, сопровождаемое пѣсеньми, продолжается иѣкоторое время и послѣ Насхи, пока наступающіе въ это время весенне промыслы (такъ назыв. „весновка“) не разсѣютъ молодежь изъ Сургута по окрестнымъ уроцищамъ—„островамъ“, „гривамъ“ и т. д., гдѣ обыкновенно производится „весновка“.

Мы уже говорили раньше, что хороводовъ въ сургутскомъ краѣ не водятъ и всѣ лѣтнія увеселенія молодежи (кромѣ обычныхъ вечерокъ) ограничиваются только играми—„въ разлуку“ (въ горылки) и „въ веревочку“. Игры эти, устраиваемыя по вечерамъ

¹⁾Извѣстная старинная пѣсня, которая неоднократно уже была записывана, потому мы и приводимъ лишь начало ея, равно какъ и слѣдующихъ, для характеристики тѣхъ пѣсень, что поются сургутской молодежью на качеляхъ. Вообще въ сургутскомъ краѣ существуетъ множество старинныхъ пѣсень, какъ „проголосныхъ“, такъ и иныхъ, но мы не записывали ихъ, какъ и другихъ продуктовъ народнаго творчества: сказокъ, пословицъ, загадокъ и пр., предоставив эту работу будущимъ исследователямъ края. Приводимая же въ настоящемъ сочиненіи пѣсни „игровыя“, „шаховыя“, „свадебныя“—взяты нами лишь для образца и далеко не исчерпываютъ всего изѣстнаго пѣсеннаго творчества.

въ праздники, на улицахъ города, не представляютъ изъ сбя ничего оригинального и, повидимому, мало интересуютъ молодежь, такъ какъ продолжаются обыкновенно очень не долго, часа 2—3 и проходятъ сравнительно вяло и неоживленно. Парни очень охотно покидаютъ ихъ ради игры въ „ярку“ или „городки“, гдѣ проявляютъ обыкновенно большое увлечение и азартъ, а девушки предпочитаютъ сидѣть на заваленкѣ и пѣть пѣсни.

Въ общемъ лѣтнія увеселенія молодежи, качели и игры, проходить здесь не такъ оживленно, шумно и весело, какъ зимнія—вечорки (которые хотя и бываютъ круглый годъ, но чаще устраиваются зимой, начиная съ октября), святки и „катушки“.

VI.

Гаданья и присухи.

Къ числу развлечений взрослой сургутской молодежи, кромъ описанныхъ въ предыдущей главѣ увеселеній, слѣдуетъ отнести также и гаданья, хотя они собственно не носятъ исключительно увеселительного характера, и молодежь, особенно женская, придаетъ имъ болѣе серьезное значеніе. Это и заставляетъ насъ выдѣлить ихъ въ особую главу и помѣстить вѣсть съ присухами (средствами присушить—приворожитьъ себѣ милаго человѣка), что соответствуетъ и хронологической последовательности этихъ явлений въ жизни молодежи, такъ какъ гаданья и присухи возникаютъ лишь на фонѣ определенныхъ отношений между молодежью, каковая, въ свою очередь, завязывается среди тѣхъ увеселеній и развлечений, которые были описаны въ предыдущей главѣ.

Гаданья въ Сургутѣ, какъ и повсюду въ Россіи, пріурочены почти исключительно къ святкамъ и хотя молодежь гадаетъ во всѣ вечера святокъ (вернувшись постѣ ряженья домой), но, главнымъ образомъ, гаданья происходятъ здѣсь въ ночь подъ Новый годъ.

Обыкновенно принимаются за нихъ въ самую полночь, когда „нечистый“, по здѣшнему мнѣнію, особенно дѣятельно хозяйствуетъ на землѣ. Нечего, конечно, и говорить, что здѣсь, какъ и повсюду, гдѣ происходятъ гаданья, съ ними обращаются исключительно къ нечистому духу, почему гадающіе, напр., въ ночь гаданья никогда не молятся Богу.

И здѣсь, какъ и вездѣ, гадаютъ преимущественно девушки,—

парни—очень рѣдко, и, относясь къ гаданьямъ скептически, не придаютъ имъ большого значенія. Да и гадать парнямъ не о чѣмъ: о смерти рѣдко гадаетъ молодежь, что же касается своихъ будущихъ суженыхъ—главный объектъ гаданій для обоего пола, то парни, какъ известно, держать свою судьбу въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе въ своихъ рукахъ. Другое дѣло—дѣвушки, для которыхъ замужество не рѣдко является случаемъ далеко не предвидимымъ. Отсюда понятно и желаніе слабаго пола приподнять хоть немного завѣсу, скрывающую отъ него темное, но крайне для него важное будущее, чего дѣвушки и думаютъ достигнуть, прибѣгая къ гаданьямъ. Поэтому, помѣщая ниже описание сургутскихъ гаданій, мы вездѣ будемъ говорить о нихъ примѣнительно къ дѣвушкамъ.

Но, прежде чѣмъ перейти къ этому описанію, необходимо напомнить читателю о „Васильевскомъ огаркѣ“, о которомъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ и который во многихъ гаданьяхъ играетъ здѣсь громадную роль. Этотъ огарокъ заготовляется вечеромъ наканунѣ новаго года (Васильева дня, почему и называется Васильевскимъ). Первый огонь въ этотъ вечеръ добываютъ неизменно на лучинку, которую зажигаютъ угольями изъ печки, а отнюдь не спичками. А затѣмъ, когда она обгоритъ, ею уже зажигаютъ свѣчу или лампу. Полученный, такимъ образомъ, „огарокъ“ (остатокъ обожженої лучинѣ), по мнѣнію сургутянъ, обладаетъ волшебной силой отгонять нечистаго духа. Поэтому, во всѣхъ гаданьяхъ, гдѣ дѣло сопряжено съ рискомъ, отъ близкаго сосѣдства съ нечистой силой, поплатиться собственной жизнью, гадающіе, для предохраненія себя отъ нечистаго, очерчиваютъ вокругъ себя этимъ огаркомъ кругъ въ начатъ гаданья („зачерчиваются“) и „расчерчиваются“ (въ противоположную сторону) въ концѣ. По мнѣнію сургутянъ, нечистый не любить, чтобы его зря беспокоили и если является на вызовъ, то требуетъ за это крупную плату, и горѣтъ гадающіе, которая или забудеть Васильевскій огарокъ, или не сумѣть во время расчеркнуться. Нерѣдко бывали случаи, по рассказамъ стариковъ, что смѣлыя, но не разсторопныя дѣвушки тяжело платились за свое любопытство: ихъ находили задушенными.

Запасшись Васильевскимъ огаркомъ, заготовленнымъ въ этотъ

же вечеръ, дѣвушки открываютъ обыкновенно рядъ гаданий, выходя на „разстанье“ „полоть снѣгъ“.

Выйдя на „разстань“, т. е. на перекрестокъ нѣсколькихъ дорогъ¹⁾, дѣвушка прежде чѣмъ „зачерчивается“ Васильевскимъ огаркомъ, обводя около себя въ кругъ „супротивъ солнца“—„не по-божьи“, какъ говорять въ этихъ краяхъ. Затѣмъ, гадающая дѣвушка разстилаетъ на снѣгу поземъ, стоя на немъ, связкою ключей (иногда и однимъ) царящаго на снѣгу иногда просто трясутъ въ подолъ снѣгъ съ ключами, приговаривая: „полю, полю бѣлый снѣгъ, за батюшку хлѣбъ-солъ, за матушкино здоровье, гдѣ мой суженый-ряженый—тамъ мнѣ почудыся: али люди заговори, али пѣсню запой; быть въ чужой сторонѣ—колокольцы загреми, али конь заржи, аль собачка злай, а быть мнѣ умереть—заруби, затеши...“

Гадать ходятъ обыкновенно „табунами“, по нѣсколько дѣвушекъ вмѣстѣ, и гадаютъ по очереди,—въ то время, какъ одна „полетѣ“, другіе прислушиваются... Уже изъ самаго причета видно значеніе тѣхъ звуковъ, которые могутъ быть услышаны. Замужество въ своей мѣстности предѣщаетъ всякій говоръ или пѣсня людей; звукъ колокольцовъ означаетъ дальнюю дорогу или замужество на чужой сторонѣ; если же послышится гдѣ-нибудь строганье доски, это значитъ—тешутъ гробъ—въ этомъ году умереть.

Когда гаданье кончаютъ, тѣмъ же Васильевскимъ огаркомъ „расчерчиваются“, т. е. проводятъ имъ по обведенному ранѣе кругу, но уже „по солнцу“, „по божьи“.

Затѣмъ тутъ же, на разстаны, одна изъ дѣвушекъ покрываетъся вся съ головой простыней, а подруги ее закруживаютъ и пускаютъ: въ какую сторону ее понесеть, тамъ будетъ и суженый. Тоже продѣлываютъ и прочія.

Покончивъ съ разстаньемъ, дѣвушки отправляются слушать подъ окна и, смотря по тому, о чѣмъ въ избѣ говорятъ, заключающыя о своей будущей судьбѣ. Слушаютъ по одиночкѣ, остальная стоятъ въ сторонѣ. Если, напр., въ избѣ говорятъ о покойникахъ,—въ этомъ году умереть; о свадьбѣ—выти замужъ; ругаются,—не попадется сварливый мужъ и въ замужествѣ житѣе будетъ „несогласное“ и т. д.

¹⁾ При этомъ всегда выбирается такое разстанье, чтобы не было дороги „крестовой“, т. е. на кладбище.

Иногда ходять также слушать къ дверямъ церкви, а нѣкоторыя, наиболѣе смѣлныя, слушаютъ даже на мѣстномъ кладбищѣ, у дверей находящейся тамъ часовни. Если тамъ слышно будетъ вѣнчаніе—выйти замужъ, отпѣваніе—умереть въ этомъ году. Думаютъ, что то, или другое обязательно будетъ слышно въ церкви въ это время.

Затѣмъ идутъ компанией въ пустой домъ, если таковой имѣется по близости.

Каждая изъ дѣвушекъ, по очереди, разувается до боса и спускается въ подполье. Если тамъ ся нога будетъ поглажена „мохнатой“ (чѣмъ-нибудь мохнатымъ), это предвѣщаетъ богатаго жениха, а если голой рукой —бѣднаго. Спускаются въ подполье всѣ, кроме одної послѣдней, которой не стѣдуетъ спускаться, такъ какъ нечистый ее задавить.

Съ тю же цѣлью ходять и къ баню. Чрезъ баниое вѣтвистя вставлять въ баню заднюю часть тѣла и ждать, „мохнатой“ или голой рукой она будетъ поглажена, сообразно чему заключать, какъ и въ предыдущемъ гаданіѣ, о состоятельности будущаго суженаго.

Вернувшись домой, прежде чѣмъ войти въ избу, продѣлываютъ нѣсколько гаданій еще на дворѣ.

Зачерпнувши „на-отмашь“ (черезъ плечо) въ пустой горшокъ сѣгу, мѣшаютъ его мутовкой (той самой, что сбиваются масло). При этомъ, будто бы, мутовка издаетъ звуки, изъ которыхъ можно составить имя суженаго.

Далѣе, изъ полѣницы выдергиваютъ полѣно; если полѣно попадется гладкое, лицо у суженаго будетъ чистое, а если суковатое—лицо корявое или рябое. Кроме того, гладкое полѣно предвѣщаетъ мужа смириаго, кроткаго; суковатое, наоборотъ,—задиристаго, сварливаго.

Охватываютъ тынъ, насколько можно растянуть руки; захвативъ, такимъ образомъ, цѣлый рядъ тынинъ, считаютъ: „вловецъ или холостецъ“,—послѣдняя тынинка скажетъ.

Бросаютъ за ворота подушку, у которой предварительно завязываютъ одинъ уголь. Въ какую сторону подушка ляжетъ завязаннымъ узломъ—тамъ и женихъ. Съ тю же цѣлью бросаютъ за ворота „чирокъ“ (самодѣльный башмакъ).

Пускаютъ со двора лошадь, завязавъ ей глаза, а на лошадь по-очереди садится каждая дѣвушка,—куда лошадь повезеть, въ той сторонѣ будеть и суженый. Если же лошадь повернетъ обратно во дворъ,—худой знакъ: помереть въ наступающемъ году.

Наконецъ, выбравъ на дворѣ болѣе или менѣе чистое място, дѣвушки ложатся все въ рядъ, спиною на снѣгъ, а на завтра приходить смотрѣть, что сталоось съ этими слѣдами. Если окажется, что голоеи нѣтъ—умереть въ томъ году, а если этотъ годъ предстоитъ прожить благополучно, то весь слѣдъ долженъ сохраниться неприкосновеннымъ.

Этимъ обыкновенно и заканчиваются гаданья, производимыя на дворѣ („на улицѣ“).

Пришедши въ избу, дѣвушки принимаются за домашнія гаданья, пока еще не зажгень огонь; если ночь лунная, то при лунномъ свѣтѣ пробуютъ вдергивать въ иглу пинку, при чемъ какъ та, такъ и другая выбираются самыя тонкія. Если дѣвушка сразу вдернетъ, то въ этомъ же году выйдетъ замужъ, въ противномъ же случаѣ она будетъ столько лѣтъ ждать замужества, сколько разъ принималась за вдергивание пинки.

Затѣмъ зажигаютъ огонь и начинаютъ гадать при огнѣ.

Разстлаютъ на полу комнаты простыню или скатерть и кладутъ на нее по угламъ свои кольца, а въ каждое кольцо по зернышку хлѣба. Затѣмъ выпускаютъ пѣтуха и курицу и наблюдаютъ: въ чьемъ кольцѣ пѣтухъ прежде всего клюнетъ,—та дѣвушка раньше всѣхъ и выйдетъ замужъ. Если клюнетъ курица—не имѣть значенія. Если пѣтухъ съ курицей ходятъ при этомъ мирно,—замужество будетъ хорошее, мирное, въ противномъ же случаѣ —мужъ попадется драчунъ.

Далѣе, жгуть воалъ стѣны бумагу, смятую въ комъ, и по тѣни заключають о будущемъ: если на тѣни получится церковь или вѣнецъ—выйти замужъ, гробъ—умереть.

Дѣлать изъ воска двухъ утокъ и пускать въ воду на тарелкѣ, вѣбоятнувъ (помѣшивъ) предварительно воду. Если утки плаваютъ вмѣстѣ—предстоитъ согласная мирная жизнь въ замужествѣ, если порознь—придется жить съ мужемъ въ ссорѣ.

На столъ, выдвинутый на средину комнаты, кладутъ: уголь, камень, кольцо, кусочекъ чернаго хлѣба, ключи, книгу, аршинъ и фу-

ражку. Дѣвушка, которая думает гадать, завязывает себѣ глаза, а подруги ея въ это время перекладываютъ всѣ эти предметы на другія мѣста. Затѣмъ дѣвушка-гадальщица беретъ первый попавшійся ей подъ руку предметъ, который и будетъ указывать на званіе или ремесло ея суженаго: уголь предвѣщаетъ кузнеца, камень—печника (каменщика), хлѣбъ—крестьянина, ключи или аршинъ—купца, книга—пона, фуражка—чиновника, а кольцо означаетъ, что дѣвушка въ этомъ году выйдетъ замужъ. Берутъ всѣ эти вещи до трехъ разъ. Если всѣ три раза попадутся разные предметы—ничего не будетъ, а если одинъ и тотъ же—несомнѣнное предсказаніе.

Дѣлѣ, дѣлаютъ нѣсколько билетиковъ съ мужскими именами, кладутъ ихъ въ шапку и вытягиваютъ, а затѣмъ, по очереди, вынимаютъ изъ шапки по билетику, и имя, стоящее на немъ, будетъ указывать на имя суженаго.

На сковородку наливаютъ воду, кладутъ на нее камешекъ, а на него кусочекъ пакли, и, если пакля послѣднюю, сейчасъ же покрывать горшкомъ. Если вода вся со сковородки войдетъ въ горшокъ, мужъ будетъ кузнецомъ, если совсѣмъ не войдетъ—не будетъ пить вовсе, а если вода войдетъ и сейчасъ же выйдетъ—мужъ будетъ допиваться до рвоты.

Въ стаканѣ съ водою, прильпивши къ краямъ его двѣ божьи сѣчки, опускаютъ на волоскѣ обручальное кольцо и держать его на вѣсу. Кольцо будетъ стучать о стѣнки стакана и выговаривать имя суженаго.

Съ этой же цѣлью въ какую-нибудь жестянную посуду вливаютъ немного воды и кладутъ туда иглу; затѣмъ посуду трясутъ и игла тоже выговариваетъ имя суженаго. Или кладутъ иглу на жернова (ручной мельницы) и водятъ жерновъ кругомъ: получаются звуки, изъ которыхъ гадающія складываютъ то или другое имя.

Въ стаканѣ съ водою выливаютъ блокъ куриного яйца и, немного размѣшивъ его, смотрѣть, какую онъ приметъ форму: если выльется церковь—выйти замужъ, гробъ—умереть. Съ той же цѣлью лить въ воду растопленное олово или воскъ, и тоже наблюдать, какую они примутъ форму, сообразно чему и заключають о будущемъ.

Смотрѣть въ зеркало.—Прикрѣпивъ къ дверной скобѣ „божью

свѣчку (т. е. восковую свѣчку оть образовъ), ставить противъ двери въ зеркало и смотрять: если въ зеркалѣ покажется двѣ свѣчи вмѣсто одной—въ этомъ году выйти замужъ, если 3—попасть въ семью, 4 и т. д.—будетъ большое семейство; если одна свѣча и та начнетъ меркнуть—умереть въ этомъ году.

Мѣряютъ башмакомъ избу (съ передняго угла) и, смотря по тому, пятой или носкомъ придется къ порогу,—дѣвушкѣ пристоять въ этомъ году или сидѣть дома, или выйти замужъ.

Въ сито или рѣшето нагребаютъ снѣгу и каждая изъ дѣвушекъ ставить въ него свою ложку съ водой. На ночь это сито выносятъ на морозъ, а на утро смотрять, какъ застыла вода въ ложкахъ: если выпукло („вбубенилась“ или „пупочкой“),—прожить въ этомъ году благополучно, а если ямкой—умереть.

Наконецъ, наступаетъ время ложиться спать, но и тутъ еще гаданья не прекращаются.

Прежде всего передъ сномъ тщательно метуть комнату и соръ сметаютъ на четыре угла. Это понадобится на завтра.

Затѣмъ пьютъ на ночь „солозовку“ (смѣсь изъ воды, муки и соли, каждой по наперстку) и ждутъ, что во снѣ явится суженый и попросить пить.

Подъ кровать кладутъ въ эту ночь на разостланномъ поясѣ „мостки“ изъ 4-хъ лучинокъ, двухъ вдоль и двухъ виоперекъ (нѣкоторыя кладутъ мостки изъ 27 лучинокъ въ трехъ пучкахъ (по 9 въ каждомъ)).

А подъ подушку кладется „король“ (карта) одной изъ троихъ мастей, кроме пиковой, не глядя, какая придется,—смотреть уже на завтра, когда проснутся. Другія кладутъ подъ подушку на ночь кольцо, зеркало и колоду картъ, надѣясь увидѣть во снѣ суженаго.

Нѣкоторыя, ложась спать, на правую ногу надѣваютъ чулокъ и, поверхъ него, на большой палецъ—кольцо; при этомъ говорятъ: „суженый-ряженый, приди за кольцомъ“. Суженый долженъ, будто бы, прийти, снять кольцо и бросить его почему-то подъ печку, где потомъ дѣвушка его и находить. Точно также къ образу вѣшаютъ на волоски кольцо, за которымъ во снѣ является суженый. Иногда передъ сномъ ходятъ на прорубь, гдѣ берутъ отъ 3 до 9 разъ пустымъ наперсткомъ воду въ ротъ, и потомъ, пришедши

домой, опрыскиваютъ этой водой постель и молча ложатся, надѣясь во снѣ непремѣнно увидѣть суженаго.

На завтра, въ Новый годъ, утромъ, собираютъ въ подоль сорь съ четырехъ угловъ, сметенный наканунѣ, и, лишь только колоколь ударить къ заутрені, выходятъ съ этимъ соромъ на разстанье. Выбросивши здѣсь сорь и стоя на немъ, спрашиваютъ у первого прохожаго, какъ его зовутъ и величаютъ. Это имя ичество и будетъ у суженаго. Затѣмъ, во время же заутрені, еще разъ ходятъ слушать подъ окна.

Всѣми этими гаданьями молодежь занимается и во всѣ остальные дни святокъ, но, кромѣ того, здѣсь существуютъ иѣкоторыя гаданья, специально пріуроченные къ крещенскому сочельнику и къ самому Крещенью.

Въ крещенский сочельникъ (5 января) тоже по обыкновенію въ полночь, дѣвушки ходятъ къ проруби мыть чулки (иногда одинъ только чулокъ съ правой ноги, а иногда моютъ и обѣ ноги, обутыя въ чулки) и, затѣмъ, въ этихъ чулкахъ ложатся спать на залазне подполья, загадавъ предварительно: „какой суженый-ряженый привидится мнѣ во снѣ, сними у меня чулки“. Подъ подушку при этомъ кладутъ „короля“ той масти, какая соответствуетъ цвету волосъ предполагаемаго суженаго и во снѣ ожидать его увидѣть.

На Крещенье-же (6 января) гаданья происходятъ прежде всего въ крещенскую заутреню.

Нѣкоторыя свѣшиваютъ на нитѣ чистый гребень⁷), а затѣмъ, когда утреня кончится, смотрѣть, нѣтъ-ли на немъ волосъ, и если таковые окажутся, это значить, что приходитъ суженый и чесаль этимъ гребнемъ свою голову. Волоса, оказавшіеся на гребнѣ и будуть волосами жениха, который непремѣнно явится въ этомъ году. Волоса эти носять потомъ на груди, какъ талисманъ.

Затѣмъ, оставшись во всемъ домѣ одна (непремѣнное условіе при этомъ гаданьѣ), дѣвушка береть ржаной „полухлѣбничекъ“ (небольшой каравай хлѣба) и ставить его на три пальца—большой, указательный и мезинецъ, а сама садится на лавку къ стѣнѣ,

⁷⁾ Это гаданье устраиваютъ иногда и подъ Новый годъ (смотреть результаты утромъ на другой день), но предпочтительнее—въ крещенскую заутреню.

выходящей на улицу, и наблюдаеть: если этот полухлѣбничекъ станетъ вертѣться самъ собою на пальцахъ „по солнцу“ (съ востока на западъ)—въ этомъ году выйти замужъ, а если „противъ солнца“—умереть, не будетъ вовсе вертѣться—сидѣть въ дѣвкахъ.

Далѣе, тоже оставшись въ домѣ одна, дѣвушка тщательно обмываеть поганой мочалкой (той, которой моютъ полы) всѣ двери и оконныя колоды, и затѣмъ ложится на лавку у окна, выходящаго на улицу, подставивъ подъ голову шайку съ этой мочалкой и грязной водой, и очертившись Васильевскимъ огаркомъ, ждетъ суженаго. Онъ явится въ своеемъ настоящемъ видѣ подъ окно и назоветъ ес по имени, при чёмъ она должна непремѣнно расчеркнуться, иначе ей будетъ худо.

Въ заутреню же выходять на разстанье съ шаньгой и спрашивать имя первого встрѣчнаго, каковое и будетъ именемъ суженаго.

Въ крещенское водосвятіе, когда изъ церкви пойдутъ на юрданъ, садятся смотрѣть въ зеркало.

Въ комнатѣ, противъ входной двери, ставятъ столъ, на столь зеркало, а передъ зеркаломъ садится дѣвушка, предварительно зачертившись Васильевскимъ огаркомъ, и пристально, не моргая, начинаетъ смотрѣть въ зеркало. При этомъ гадальщица (какъ и въ предыдущихъ крещенскихъ гаданьяхъ) непремѣнно должна быть одна во всемъ домѣ. Зеркало сначала „потѣеть“, его протираютъ до трехъ разъ; наконецъ, послѣ третьего раза, дѣвушка должна услышать на крыльцѣ топотъ приближающихся шаговъ и затѣмъ въ комнату или войдеть ея суженый, если ей предстоитъ въ этомъ году выйти замужъ, или же внесутъ гробъ, если ей суждено умереть. Въ томъ и другомъ случаѣ, какъ только она хорошенько разбереть въ зеркаль, отнюдь не оборачиваясь назадъ, что бы тамъ не происходило, черты суженаго или гробъ, дѣвушка должна сейчасъ же расчеркнуться, иначе нечистый ее тутъ же задавить.

Наконецъ, на Крещенѣе устраивается еще одинъ обрядъ, имѣющій характеръ гаданья.

Отправляясь на юрданъ (за водой), дѣвушки берутъ съ собой ведрачъ небольшія булки, приготовленныя изъ бѣлаго здобнаго теста, такъ называемыя „сочни“, которые въ старину дѣлали

на подобіе человѣческаго лица, а нынѣ пекутъ просто въ формѣ круглыхъ булокъ. Туда же прѣѣжаютъ верхомъ на коняхъ и парни—поить лошадей. Дѣло въ томъ, что, по существующему здѣсь обычью, послѣ того, какъ воду освятить въ крещенскій сочельникъ, въ первомъ или во второмъ часу дня, никто уже не можетъ ни ходить за водой на рѣку, ни тѣмъ болѣе поить въ ней скотину вплоть до водосвятія на юрдані (часовъ въ 9—10 утромъ 6 января). Вотъ почему къ моменту водосвятія и стекается на юрданъ масса парней съ конями, а дѣвушекъ съ ведрами. Послѣ водосвятія парни соскакиваютъ съ лошадей и отнимаютъ у дѣвушекъ „сочины“, при чёмъ дѣвушки думаютъ, что имя отнявшаго и будетъ именемъ суженаго.

Этимъ и заканчиваются святочныя гаданья въ Сургутѣ.

Всѣ описанныя нами гаданья практикуются и по настоящее время. Но теперь уже вывелись иѣкоторыя гаданья, которыя устраивала молодежь въ старину.

Старинныя гаданья, по словамъ сургутянъ, носили болѣе „страшный“ характеръ и потому Васильевскій огарокъ фигурировалъ тамъ почти въ каждомъ изъ нихъ. Какъ и теперь, и тогда гадали главнымъ образомъ въ ночь подъ Новый годъ. Вотъ иѣкоторыя изъ этихъ старинныхъ гаданий.

Надѣя глѣ-нибудь на улицѣ въ клѣтки сложенный тесь, дѣвушка садилась въ одну изъ этихъ клѣтокъ съ пѣтухомъ на рукахъ и, очертившись Васильевскимъ огаркомъ, ждала прихода суженаго. Если ей предстоитъ выйти замужъ, то нечистый непремѣнно къ ней явится въ образѣ того или другого парня—ея будущаго суженаго и, увидѣвъ пѣтуший хвостъ, станетъ спрашивать: „что за коса?“ Дѣвушка должна отвѣтить: „пѣтушья“. Онъ опять спроситъ: „чья коса?“ Та опять должна отвѣтить: „пѣтушья“—„Что за пѣтушья есть коса?“—въ третій разъ и уже, какъ съ сердцемъ, спросить нечистый. Тогда дѣвушка должна выдернуть изъ хвоста пѣтуха самое большое перо и отвѣтить: дѣвья (коса) и сейчасъ же расчеркнуться. Пѣтухъ запоетъ и нечистый исчезнетъ. Если же пѣтухъ не запоетъ, то нечистый задавить дѣвушку, не смотря даже на Васильевскій огарокъ,—поэтому-то и вырывается у пѣтуха перо, чтобы онъ запѣлъ.

Далѣе, ложились по одиночкѣ въ амбаръ подъ свиной тушей

(или же садились подъ замокъ къ амбару, гдѣ находилась вообще какая-нибудь скотская туша). Нечистый въ образѣ свиньи прибѣжитъ съ хрюканьемъ, или вообще скотская туша встанетъ, словно живая, и начнетъ ходить по амбару, отпирать замокъ. У нея и надо спрашивать имя суженаго, но, спросивши, слѣдуетъ сейчасъ же расчеркнуться, въ противномъ случаѣ „онъ“ задавитъ.

Ходили также слушать по одиночкѣ къ дверямъ бани, предварительно истопивши ее въ этотъ вечеръ. Тутъ тоже очерчивалась Васильевскимъ огаркомъ. Въ баню придетъ нечистый и станетъ париться и мыться. Окатившись послѣдній разъ, если дѣвушкѣ предстоитъ выйти замужъ, нечистый станетъ благодарить ее за баню и скажетъ: „благодарю тебя, невѣста, за баньку, теперь подай мнѣ бѣлье“. При этихъ словахъ дѣвушка должна расчеркнуться, иначе нечистый можетъ ее погубить. Если же дѣвушкѣ въ этомъ году думереть, то нечистый, вмѣсто благодарности, скажетъ: „теперь давайте-ка гробъ“.

Нѣкоторыя ходили въ баню съ пѣтухомъ. Пустивъ пѣтуха подъ полокъ, дѣвушка садилась сама на полокъ и ждала суженаго. Нечистый въ образѣ жениха явится къ ней и станетъ приносить подарки. При этомъ она должна до тѣхъ поръ послать его за подарками, требуя себѣ то того, то другого, напр., по одной вещи полный подвѣничный нарядъ, пока не пропоетъ пѣтухъ. Какъ только пѣтухъ пропоетъ, нечистый исчезнетъ, а всѣ принесенные имъ подарки достанутся дѣвушкѣ. Если же она сразу потребуетъ себѣ всего, чего хочетъ, то „женихъ“ скоро же все и принесетъ, пѣтухъ не успѣть еще пропѣть, и нечистый ее задавить. Если же дѣвушкѣ въ этомъ году замужъ не выйти, то къ ней въ баню никто и не явится.

Садились также въ баню смотрѣть въ зеркало¹⁾). Вообще баня, какъ намъ уже приходилось говорить въ одной изъ предыдущихъ главъ, по мнѣнію сургутянъ, служить наиболѣе любимымъ мѣстопребываніемъ нечистаго духа, и потому дѣвушка, если она хочетъ узнать „всѣ ѿ сущу правду“ о своей будущей судьбѣ, неизменно отправляется въ баню съ тѣмъ или другимъ гаданьемъ. Но для этого надо обладать рѣдкою, по адѣшнему, смѣлостью,

¹⁾ При этомъ ставились два зеркала, одно противъ другого, и между ними дѣвушка. Смотрѣть нужно не моргнувъ, во все время сидѣнья.

такъ какъ сургутяне—какъ бабы, такъ и „мужики“—не только въ полночь, но даже и вечеромъ—боятся заходить въ баню по одиночкѣ. Такъ что всѣ эти гаданья въ банѣ, хотя и практиковались въ прежнее время, но далеко не всѣми.

Вотъ еще одно старинное гаданье въ крещенское водосвятіе.

Дѣвушка зарывалась въ сѣно въ загороди, гдѣ нѣть скота, и слушала: если ей послышится вѣнчальное пѣніе—выйти замужъ, отпѣваніе—умереть.

По другимъ разсказамъ, гаданье это происходило иѣсколько иначе, именно: къ зарывшейся въ сѣно дѣвушкѣ (и очертившейся предварительно Васильевскимъ огаркомъ), въ случаѣ предстоящаго ей замужества, долженъ явиться суженый въ своемъ настоящемъ видѣ и снять ее подымать. Какъ только она увидитъ суженаго и рѣшитъ его хорошењко въ лицо, дѣвушка должна расчеркнуть и нечистый, который приходитъ къ ней въ образѣ жениха, исчезнѣсть.

Кромѣ святочныхъ гаданий, только что описанныхъ нами, здѣсь существуютъ еще особыя гаданья въ „семикѣ“ (четвергъ передъ Троицей), на Троицу, въ ночь передъ Иваномъ-Купаломъ (23-го июня) и на Имянины.

Въ „семикѣ“ передъ Троицей дѣвушки съ парнями ъездятъ за „саину“¹⁾ завивать березки. Каждая дѣвушка сгибаетъ въ видѣ кольца переспущившуюся еще вѣтку березки, завязываетъ ее ленточкой и при этомъ загадываетъ: если эта вѣтка распустится—въ этомъ году выйти замужъ, если же засохнетъ или завянеть—оставаться въ дѣвкахъ. Разгадывать прѣѣжаютъ тоже съ парнями на Троицу и тогда происходитъ здѣсь другого сорта гаданье, именно: перевязанныя ленточками, въ видѣ кольца, вѣтки отрѣзываютъ и бросаютъ въ воду, примѣчая: чьи вѣтки потонуть, тому умереть.

Вечеромъ подъ Ивановъ день дѣвушки ходятъ за городъ, въ близъ лежащей лѣсъ, собирать 12 разныхъ травъ (какихъ придется).

¹⁾ Сайна—заливъ, образующійся отъ полой воды, которая заходитъ по оврагамъ длинными и узкими развѣтвленіями далеко вглубь береговыхъ лѣсовъ. Такихъ „сайнъ“ подъ Сургутомъ иѣсколько и въ глубинѣ ихъ есть березовые рощи, куда и прѣѣжаютъ дѣвушки завивать бересаки. Распускается береза въ сургутскомъ краѣ очень поздно, въ концѣ июня.

ся, обыкновенно набирают крапивы, попутника, осоки, пырея, мокрицы, лебеды, горлянки и др.). Ложась спать, обрашки этихъ травъ кладутъ въ платкѣ, вмѣстѣ съ кольцомъ, подъ подушку и при этомъ приговариваютъ: „суженый-ряженый, привидься мнѣ во снѣ“. Въ эту ночь не молятся Богу.

Въ ночь на именны дѣвушки вѣшаютъ къ образу на волоскѣ кольцо и ждутъ, что во снѣ суженый придетъ за нимъ.

Далѣе, запираютъ на замокъ: дѣвушки—косу, парни—запястье рубашки и во снѣ разсчитываютъ увидѣть, какъ суженый или суженая придутъ съ ключами отпирать этотъ замокъ.

Нашъ очеркъ, добрачныхъ отношеній у сургутской молодежи будетъ не полонъ, если мы не разскажемъ еще о существующихъ у сургутянъ „присухахъ“, т. е. средствахъ и способахъ присушить, приворожить къ себѣ любимаго человѣка. Средства эти, впрочемъ, практикуются не одной только молодежью, а нерѣдко также и женатыми парнями и въ особенности замужними женщинами, которые начинаютъ замѣчать охлажденіе своихъ мужей¹⁾.

Вотъ нѣкоторые изъ употребляющихся здѣсь присухъ.

Собираютъ съ 6-ти дворовъ щенки и сжигаютъ ихъ на шесткѣ, приговаривая: „какъ эти щенки горятъ, такъ пущай у него (имя рекъ) по мнѣ сердце горитъ“.

Берутъ кусокъ сахару, конфетку или пряникъ и носятъ его три дня подъ мышками, чтобы онъ пропитался потомъ, а затѣмъ даютъ сѣсть тому, кого хотятъ присушить.

Собираютъ въ банѣ поть (въ рюмку или еще во что) и даютъ, кому слѣдуетъ, въ водѣ или въ чаѣ. Или же на этомъ поту замышиваютъ тѣсто и пекутъ изъ него какую-нибудь „прикуску“, баковой и угощаютъ привораживаемое лицо.

Если дѣвушка хочетъ присушить парня, то даетъ ему выпить въ чаѣ или въ водѣ своихъ мѣсячныхъ кровей.

¹⁾ При этомъ сургутяне утверждаютъ, что если женатаго мужчину приворожить какъ-нибудь посторонняя женщина, то отворожить его отъ нея можно только въ томъ случаѣ, если у его законной жены и у приворожившей его женщины разныя имена. Но если у той и у другой одно и то-же имя, напр., обѣихъ зовутъ Марьями или Дарьими, тогда никакими способами нельзя отвлечь привороженнаго человѣка отъ посторонней женщины. И въ доказательство приводятъ нѣсколько такихъ случаевъ, бывшихъ въ Сургутѣ.

Если дѣвушка замѣчаетъ, что тотъ парень, съ кѣмъ она близка, начинаетъ измѣнять ейъ, то, чтобы „испортить“ его, прибегаетъ къ такому средству: дѣвушка старается какъ-нибудь, во время полового акта съ этимъ парнемъ, добыть „плоть“ (сперму); тщательно завязываетъ ее въ тряпочку и сжигаетъ на шесткѣ, послѣ чего парень, будто-бы, теряетъ силу и соперница такимъ образомъ становится не опасной.

Точно также и парень, если хочетъ приворожить начинающую охладѣвать къ нему дѣвушку, послѣ акта съ ней, тщательно обтирается тряпочкой и затѣмъ кладеть эту тряпочку на шестокъ, приговаривая: „какъ будетъ эта тряпочка сохнуть, такъ пущай и такая-то по мнѣ сохнетъ“.

Весной ловятъ пару лягушекъ, стараясь захватить ихъ во время полового акта и опускаютъ этихъ лягушекъ въ туясь¹), въ крышкѣ котораго продѣланы маленькия дырочки. При этомъ совсѣмъ, какъ можно крѣпче, затыкатъ уши, такъ какъ лягушки, будто бы, „доспѣютъ“ въ это время такой взг҃ъ, что никакое человѣческое ухо не можетъ его вынести, и если не заткнешь хорошенко ушей, то оглохнешь. Затѣмъ этотъ туясь съ лягушками относятъ въ лѣсъ и ставятъ въ муравейникъ. А черезъ нѣкоторое время приходятъ смотрѣть, при чемъ оказывается, что муравьи, проникнувъ чрезъ дырочки въ туясь, съѣдаютъ лягушекъ, и отъ послѣднихъ остается только груда костей. Изъ этихъ костей выбираютъ двѣ маленькихъ косточки—одну въ видѣ „петельки“²), а другую въ видѣ „крючечка“ (при чемъ сургутяне думаютъ, что первая есть женскій половой органъ лягушки, а вторая—мужской). И вотъ, чтобы приворожить какую-либо дѣвушку, слѣдуетъ какъ-нибудь, незамѣтно для нея, поддѣять ее за платье, или еще за что, этимъ крючечкомъ, а если нужно дѣвушку оттолкнуть, то употребляется петелька (или вилки).

Далѣе, отъ рукъ и отъ ногъ обстригаютъ ногти и спускаютъ иль въ чай или квасъ съ такимъ наговоромъ: „встану я, не благословясь, пойду я не перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ восточную сторону, подъ свѣтель мѣсяцъ, подъ часты звѣзды, на океанъ-море. Тамъ лежитъ алатырь-камень,

¹) Туясь (множ.—туясь)—берестянный жбанъ.

²) По другимъ рассказамъ, въ видѣ вилки.

на этомъ на камнѣ стоять престоль, на этомъ, на престолѣ сидить самъ сатана. Подойду я къ нему поближе, поклонюсь я ему пониже... Сослужи ты мнѣ службу, тѣлесную службу, чтобы (такая-то) госткова и горевала, день и ночь мало сната и меня (такого-то) на умѣ держала... За всю я тебѣ службу и изъ этого дѣла отдаю душу и тѣло"... Затѣмъ этотъ чай или квасъ даютъ выпить той дѣвушкѣ, которую привораживаютъ.

Въ лохань или шайку наливаютъ воды (и обмакнувъ ее чѣмъ нибудь—ковшомъ или чашкой, только три раза), съ этой водой салятся на порогъ двери лицомъ въ передний уголъ и моютъ поочередно ноги, сначала правую, потомъ лѣвую, до трехъ разъ, и всяки разъ приговариваютъ: „мнѣ ноги мыть, ему (парню) воду пить и меня любить“. Потомъ берутъ въ чайное блюдце воды и до трехъ разъ смотрятся въ воду, а затѣмъ эту воду выливаютъ къ тѣ, которой мыли ноги, и даютъ пить (въ квасу или чаю) парня, котораго хотятъ присушить.

У сучки вырѣзываютъ заднюю часть тѣла и зажариваютъ ее въ мясной пирогъ, по мѣстному „пряженникъ“, каковыи потомъ и угощаютъ привораживаемаго парня.

Наконецъ, существуетъ еще одинъ способъ порчи парней, почему-либо не взлюбившихся дѣвушкамъ. Дѣвушка, задумавшая испортить парня, собираетъ у себя съ живота потъ въ какую-нибудь посуду и потомъ, во время акта съ парнемъ, обмазываетъ этимъ потомъ его лобковую часть, послѣ чего, будто-бы, у парня должна сдѣлаться „рѣзачка“ (перелой). Чтобы избавиться отъ этой болѣзи, вырѣзываютъ у той дѣвки, которая испортила парня, лоскутъ одежды, какъ разъ противъ сердца, и, обмакнувъ этотъ лоскутъ въ растопленное скотское (коровье) масло, трутъ имъ у парня около „лупы“ раза два-три, пока не станетъ легче. Потомъ этотъ лоскутокъ сжигаютъ на шесткѣ и тщательно собираютъ пепель. Этотъ пепель пускаютъ по вѣтру на тотъ домъ, гдѣ живеть испортившая парня дѣваха, а если подходящаго вѣтра долго не бываетъ, то „сжидаютъ“, когда эта дѣвушка пойдетъ по улицѣ, и тогда, зашедши къ ней со стороны вѣтра, пускаютъ на нее пепель въ бумажкѣ. Послѣ этого болѣзнь перекинется къ ней, и ей будетъ вдвое тошнѣй и больнѣй, а парень совсѣмъ выздоровѣетъ.

VII.

Свадебные обычаи и обряды.

Устроиство браковъ въ Сургутѣ считается дѣломъ старшихъ. Въ добрачныя отношенія молодежи старшіе обыкновенно не вмѣшиваются. Парнямъ, конечно, предоставляется полная свобода гулять съ кѣмъ угодно, да и за дѣвушками надзоръ не особенно строгъ, и вообще отношенія между полами у здѣшней молодежи довольно свободны. Парни и дѣвушки довольно рано, лѣтъ съ 15—17, уже обзаводятся подружками и дружками, и нерѣдко имѣютъ ихъ по нѣсколько разъ прежде, чѣмъ дѣло дойдетъ до брака. Но эти добрачныя связи рѣдко сопровождаются какими-либо „незаконными“ послѣдствіями и обыкновенно не имѣютъ никакого значенія для послѣдующей судьбы дѣвушки, тѣмъ болѣе, что здѣсь установился такой обычай, стаейшій, какъ бы, общимъ правиломъ въ отношеніяхъ между молодежью: сколько бы парень не гулялъ съ той или другой дѣвушкой, и какъ бы онъ ни быть съ нею близокъ, онъ никогда не возьметъ ее въ жены... „Того же достоинства возьметъ дѣвушку,—говорятъ по этому поводу сургутяне, которымъ, конечно, хорошо извѣстенъ этотъ фактъ,—даже, можетъ быть, хуже, но непремѣнно другую“... Это—почти общее правило, съ крайне рѣдкими исключеніями, и сургутскіе парни объясняютъ его тѣмъ, что, будто бы, ни одна дѣвушка не бываетъ вѣрна продолжительное время своему другу, обязательно „достигнуть измѣн“; почему и парни отвѣчаютъ имъ тѣмъ же. Но, быть можетъ, это объясняется также и тѣмъ, что бракъ здѣсь не является союзомъ любви, а всегда извѣстной экономической слѣдкой, и при томъ, устраиваемой почти исключительно старшимъ. Это и пріучило молодежь свои сердечныя стремленія удовлетворять въ добрачныхъ отношеніяхъ, а на бракъ смотрѣть холодно и ѿдиферентно, какъ на чуждое для себя дѣло и почти какъ на неизбѣжное ѣло—жетерю воли для той и другой стороны....

Какъ бы то ни было, но лишь только парень вадумаетъ жениться, или родные въ тѣхъ или другихъ видахъ найдутъ нужнымъ его женить, сейчасъ же, собирается совѣтъ старшинъ, состоящій изъ родителей парня, если они живы, или, если они померли, изъ родственниковъ икъ замѣщающій, каковыми здѣсь

считываются такъ называемые „крестные“—„купельный“ и „некупельный“¹⁾), затѣмъ изъ разныхъ тетокъ, дядей и т. д. На этомъ совѣтѣ, не носящемъ у сургутянъ никакого опредѣленаго названія, и выбирается невѣста. Иногда парень самъ предлагаетъ ту или другую дѣвушку, которую онъ ранѣе намѣтилъ себѣ въ жены, но его предложеніе принимается только къ свѣдѣнію и не имѣть рѣшающаго значенія. Чаще же всего старшіе родные выбираютъ ему невѣstu и затѣмъ начинаютъ со всѣхъ сторонъ обсуждать этотъ выборъ и всѣ выгоды и невыгоды предстоящаго брака. При этомъ главную и исключительную роль играютъ чисто хозяйственныя соображенія и расчеты. Хотя и выставляется обыкновенно традиціонное требованіе, чтобы дѣвушка (будущая жена) была „дому хозяйка, мужу жена и дѣтямъ мать“, но на самомъ дѣлѣ предпочтеніе всегда отдается болѣе богатымъ и состоятельнымъ дѣвушкамъ. Ищутъ, чтобы дѣвушка была „одѣнина“, чтобы у ней было больше „лопати“ (одежи и нарядовъ), чтобы она была „коровница“ (могла въ приданое привести корову) и чтобы она была сильна, здорова (по пословицѣ: „брать сестру любить богатую, мужъ жену любить здоровую“) и работяща. Хворыя и больныя обыкновенно бракуются. Если же известная дѣвушка, хоть и богата (много имѣть „лопати“, „коровница“ и пр.), но дура или „халда“, то говорятъ: мужъ не „образуетъ“, если она при этомъ сварлива и зла,—мужъ ее „справить“, а на счетъ красоты замѣчаютъ, что „на лицѣ не блѣдечь, а на жѣ кнутъ сѣчь“... О любви, конечно, не бываетъ „бачи, по той простой причинѣ, что въ невѣсты намѣчается срѣдѣ сколько дѣвушекъ, болѣе или менѣе одинакового имущества и достатка, къ которымъ потомъ и засылаютъ сватовъ, и въ случаѣ отказа у одной, переходять къ другой, къ третьей и т. д. Бываютъ такие счастливцы, что переберутъ до десятка дѣвушекъ, при чемъ къ некоторымъ изъ нихъ навѣдываются по нѣсколько разъ, и всетаки отъ всѣхъ получатъ отказъ. Это, конечно,—самые захудалые и бѣдные

¹⁾ Некупельнымъ крестнымъ называется у сургутянъ тотъ, кто во время болѣзни ребенка дастъ ему свой крестъ, отчего ребенку, будто бы, бываетъ „легость“ (облегченіе изъ болѣзни), а давший ему крестъ становится черезъ это „крестнымъ“ и пользуется некоторымъ уваженіемъ со стороны „крестника“.

парни, обыкновенно же дѣло улаживается гораздо скорѣе^{1).}

Затѣмъ, когда извѣстная дѣвушка окончательно наимѣчена и взвѣшаны всѣ ея хозяйственныя достоинства, на этомъ же совѣтѣ старшихъ выбираютъ, кого бы послать сватомъ. Хотя здѣсь ходятъ также и сваты, но сваты—чаще, почему мы и поведемъ далѣе разсказъ примѣнительно къ послѣднимъ, при чёмъ все, что будетъ говориться о сватахъ, относится также и къ сватамъ. Быть сватомъ обыкновенно выбираютъ какую-нибудь почтеннуя женщи-ну изъ родственниковъ или близкихъ знакомыхъ, при этомъ обя-зательно—замужнюю или вдову, но отнюдь не дѣвушку, какой-бы ни имѣла она почтенный возрастъ. Точно также и холостые парни не могутъ быть сватами.

Наконецъ, когда выбрана и сватъя, всѣ присутствующіе на этомъ домашнемъ совѣтѣ поднимаются съ своики мѣсть, кто-нибудь зажигаетъ предъ иконой свѣчку и всѣ молятся Богу (не произнося никакихъ опредѣленныхъ молитвъ, просто крестятся). Затѣмъ сватъя отправляется въ домъ намѣченной девушки, а остальные родственники, продолжая тѣ же пересуды, остаются ждать ее возвращенія.

Съ этого момента и начинаются собственно здѣшніе свадебные обряды, которые открываются „сватовствомъ“, продолжаются „свиданьемъ или переводицами“ и „дѣвишникомъ“ и завершаются „пирожьемъ“.

Она же омъ изъ нихъ мы и разскажемъ въ отдельности.

а) Саратовство.

Пришедши въ тотъ дому, куда надо, сватья, посль обычныхъ привѣтствій, садится подъ матку и, помолчавъ нѣкоторое время,

*) Далее истолкуется браки русскихъ съ иностранными. Мы уже говорили выше о крайне презрительномъ и пренебрежительномъ отношении супруговъ къ оставкамъ. Естественно, что, при такихъ отношенияхъ, браки между russkimi и оставками должны быть крайне рѣдки. Къ сожалѣнію, намъ не удалось изслѣдоватъ этотъ вопросъ по метрическимъ книгамъ иѣстныхъ приличий, но сами супруги вполне подтверждаютъ это предположеніе и, при разспросахъ, не могли указать намъ иеродомого случая (въ теченіе послѣднихъ 50—70 лѣтъ) брака russkogo съ оставкой. Обратные же браки—russkikhъ на оставкахъ—бывають, но тоже очень рѣдко, и обыкновенно russkie берутъ только такихъ оставокъ, которыхъ ст҃ь малыхъ лѣтъ жили среди russkikhъ (чаще всего въ работникахъ у иѣстныхъ купцовъ), и лѣтъ обручили. Но за оставку, какъ бы она ни была богата, не пойдетъ акѣсъ ни одна russkaya zhivushchaya.

какъ бы, обдумывая всю важность лежащей на ней миссіи, подымается съ своего мѣста и, обращаясь къ родителямъ или старшимъ дѣвушкі, заявляетъ: „я до вашей милости, — Иванъ Петровичъ (отецъ жениха, — вообще здѣсь называютъ того старшаго, отъ лица котораго идетъ сватовство) желаетъ знать, нельзя ли судьбой заняться на Аниѣ Егоровнѣ (имя дѣвушки) за Василія Ивановича (имя жениха“^{*)}... На это заявленіе сватьѣ, пока ничего не отвѣчаютъ, но оно открываетъ цѣль ся посѣщенія, и потому сейчасъ-же начинаютъ ее угощать, какъ особенно цѣнную и рѣдкую гостью. Ставить самоваръ, подчутуть виномъ и проч. Разговоръ же ведется самый обыкновенный, о постороннихъ вещахъ, и больше уже ни разу, до самаго ухода сваты, не упоминается о сватовствѣ, какъ бы, давая этимъ возможность родителямъ невѣсты хорошенько обдумать отвѣтъ, который все-таки у нихъ рано или поздно потребуютъ. При этомъ дѣвушка, за которую пришли сватать, обыкновенно уходитъ изъ той комнаты, гдѣ сидитъ сваты. Нерѣдко за ней выходятъ и родители, по-одиночкѣ или вмѣстѣ, и здѣсь между собой обсуждаютъ отвѣтъ, а также и спрашиваютъ согласія дочери.

Наконецъ, когда сваты почувствуетъ себя достаточно угожденной и увидитъ, что пора итти и домой, она опять подымается и заявляетъ: „извольте-же пояснить мнѣ, какъ будуть ваши намѣренія“.... Тогда, если дѣвушка согласна и родители ничего не имѣютъ противъ предстоящаго брака, сваты такъ и отвѣчаютъ. Затѣмъ зажигаютъ у иконы свѣчку и молятся всѣ Богу. Постѣ этого сваты вынимаетъ изъ кармана платокъ, который она имѣть при себѣ нарочно для этой цѣли, и чрезъ платокъ подаетъ руку отцу дѣвушки, а мать разнимаетъ.

Этимъ сватовство и оканчивается въ первой, такъ сказать, премиинарной своей стадіи, когда родители „положать на слово“, т. е. далуть слово, что отадутъ свою дочку, и подтвердивъ его рукобитъемъ, помолятся Богу. Но оно еще не считается оконч-

^{*)} Вычурность этой фразы, приводимой нами, какъ стереотипной въ обращеніи сваты, не должна удивлять читателя, такъ какъ въ иѣстномъ сургутскомъ языке, среди необычайно образнаго и яркаго стариннаго народнаго говора, вплелась масса какихъ-то вычурныхъ старомодныхъ выражений иѣшансаго быта, а также и множество иностранныхъ словъ, въ розѣ, напр., фантазія, скожеть, гусакица, джиндендзъ и т. п., который часто придается далеко не надлежащій смыслъ.

тельно рѣшеннымъ,—таковымъ оно становится лишь въ день дѣвишика, о чѣмъ мы будемъ говорить ниже.

Итакъ, сватъя теперь можетъ ити и сообщить радостную вѣсть ожидающимъ ее родителямъ и родственникамъ жениха, но обыкновенно ее оставляютъ еще на короткое время, чтобы сообща обсудить разныя приготовленія къ свадьбѣ и, между прочимъ, назначить день для „свиданья“ или „проводинъ“—слѣдующаго важнаго момента здѣшнихъ свадебныхъ обрядовъ. При этомъ иногда родители невѣсты заявляютъ сватъя, чтобы женихова родня помогла имъ спровести свадьбу, т. е. дала-бы имъ ту или другую сумму денегъ на предстоящіе расходы или помогла-бы хоть съѣстными припасами, въ виду предстоящихъ многочисленныхъ угощений. Впрочемъ, такія заявленія дѣлаются очень рѣдко и къ нимъ прибѣгаютъ только въ случаѣ крайней бѣдности невѣстиной родни, а при малѣйшей состоятельности и возможности самимъ спровести свадьбу этихъ заявлений избѣгаютъ, такъ какъ они считаются здесь довольно предосудительными и влекутъ за собой очень не лестное для родителей невѣсты сравненіе съ остыками. Обыкновенно про тѣхъ, кто требовать отъ жениха помощи, здесь часто говорятъ съ нескрываемой укоризной, что они „продали дѣвку, какъ остыки“, „взяли колымъ“, и этимъ женихова родня будетъ долго попрекать молодуху.

Что-же касается жениха, то, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, онъ никогда не обратится за помощью къ невѣстиной роднѣ, а все свадебные издержки долженъ нести самъ, на свои собственные средства.

Но не всегда такъ скоро и легко, какъ мы только что изобразили, оканчивается здѣшнее сватовство. Даже если и не бываетъ отказа, окончательный отвѣтъ дается не сразу, а нерѣдко родители невѣсты заявляютъ сватъя, что отвѣтъ они пришлютъ послѣ, обыкновенно не позже слѣдующаго дня, или чтобы она сама явилась къ нимъ въ назначенное время. Откладывается отвѣтъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы хорощенько обсудить вопросъ о предстоящемъ бракѣ и посовѣтоваться съ ближайшими родственниками (таковыхъ часто и не бываетъ дома въ моментъ прихода сваты). И здесь, какъ и въ домѣ жениха, собираютъ совѣтъ старшихъ, на которомъ и решаютъ окончательный отвѣтъ, при

чемъ, конечно, и женихъ разсматривается исключительно съ точки зренія хозяйственныхъ интересовъ. На этотъ счетъ здѣсь говорятъ дѣвушкѣ: „за того жениха иди, у которого дровъ да сѣна много, тотъ можетъ быть дому хозяинъ и тебѣ мужъ (но не прибавляютъ: „и дѣтамъ отецъ“, какъ въ аналогическомъ совѣтѣ парни, какъ бы считая воспитаніе дѣтей исключительной обязанностью матери), а у кого сѣна ни клока и дровъ — ни полѣна, тотъ ужъ не хозяинъ и тебѣ не мужъ“...

На этомъ совѣтѣ старшихъ иногда спрашиваютъ согласія дѣвушки на бракъ съ тѣмъ парнемъ, за которого приходили сватать, иногда обходятся и безъ него. Но, во всякомъ случаѣ, согласіе или несогласіе дѣвушки въ дѣлѣ брака не имѣть никакого значенія. „Дѣвка, говорятъ по этому случаю сургутяне,—не можетъ понимать ничего дальніяго,—дѣвичій умъ, что вода—во всѣ стороны колышется“... И потому за нея рѣшаютъ старшіе. И если женихъ, напр., богатъ и представляеть выгодную партію, то какъ бы онъ ни былъ при этомъ дуренъ и неподходящъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, глупъ, старъ, безобразенъ, пьяница, драчунъ и т. д., это не бѣда... Если парень не красивый и хворый, то говорятъ: „за то капитальный“... Если онъ пьяница и драчунъ—„женится — перемѣнится“... И какъ бы онъ ни былъ противенъ дѣвушкѣ, какъ бы она не отказывалась пойти за него замужъ, сколько бы ни плакала и какъ бы ни убивалась,—на нее не обратить никакого вниманія: прикрикнуть, пригрозить, прибить и выдѣдуть за нелюбимаго, но богатаго мужа... Это общее здѣсь правило, повидимому, не имѣющее даже исключений. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ и не слыхали ни одного случая, чтобы бракъ былъ совершенъ противъ воли родителей. А воля ихъ всегда выражается въ одномъ и томъ же направленіи, въ направленіи корыстныхъ хозяйственныхъ разсчетовъ, безъ всякаго вниманія къ личнымъ симпатіямъ и склонностямъ...

Вотъ почему и наоборотъ, если тотъ или другой парень бѣденъ, не имѣть ни кола, ни двора, то, какими бы онъ ни обладать достоинствами, ему не найти въ Сургутѣ невѣсты. Это именно изъ тѣхъ счастливцевъ, о которыхъ мы упоминали выше, чьи, которые, перебравъ до десяти дѣвушекъ и вездѣ получивъ отказъ, готовы жениться хотя на остаткахъ... Хотя какая-нибудь дѣвушка,

вушка и согласна была бы пойти за такого парня замужъ, чо если у ней есть родители и она можетъ разсчитывать на болѣе выгодный бракъ, то какъ бы она ни любила парня—этому браку не быватъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда дочка засидѣлась въ дѣвкагъ и ее пора пристроить куда-нибудь къ мѣсту (что бываетъ въ Сургутѣ очень рѣдко, такъ какъ обыкновенно здѣсь рано разбрать дѣвушекъ и такъ называемыхъ „вѣкоухъ“ почти не бываетъ), родители соглашаются выдать свою дочь хоть за бѣднаго парня.

Если сватью ждетъ отказъ, то обыкновенно ее „упреждаютъ“ запиской, которую и посылаютъ къ ней передъ тѣмъ временемъ, какъ ей слѣдуетъ притти за отвѣтомъ, при чёмъ пишутъ, что, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не могутъ согласиться на бракъ. При этомъ обыкновенно никогда не выставляется, что это несогласіе вызвано жениховою бѣдностью или недостаточностью, а указывается какія-нибудь постороннія причины, въ родѣ, напр., того, что дѣвушкѣ еще рано выходить замужъ, пусть, дескать, посидѣть еще въ дѣвкахъ или что нѣть средствъ справить сейчасъ свадьбу и т. п. Между прочимъ, въ числѣ дѣйствительныхъ, а не фиктивныхъ только причинъ отказа нерѣдко высталяютъ такое мнѣніе, что младшую дочь нельзя выдавать раньше старшей: будеть не счастливое житѣе.

Если же сватью ждетъ благопріятный отвѣтъ, то ее „ожидаютъ“. А затѣмъ, когда она придетъ и, послѣ установленнаго недолгаго сидѣнья подъ маткой, встанетъ и спроситъ: каковъ же вашъ отвѣтъ?—ей и объявляютъ, что нужно, послѣ чего зажигаютъ предъ глазами свѣчи и продѣлываютъ все то, о чёмъ мы уже говорили выше.

Вернувшись къ своимъ, въ домъ жениха, сватъ и объявляетъ о результатахъ сватовства.

Ф Свиданье или переводнико.

Послѣ того, какъ состоялось сватовство, обѣ стороны бываютъ заняты различными приготовленіями къ свадѣбѣ и обыкновенно до тѣхъ называемаго „свиданья“ или „переводинъ“ женихъ и невѣста (равно какъ и родня ихъ) не видятся другъ съ другомъ. Въ первый разъ (въ качествѣ жениха и невѣсты) они встрѣчаютъ

ся на этомъ „свиданыи“, гдѣ, такъ сказать, официа́льно признаются женихомъ и невѣстой, въ знакъ чего обмѣниваются кольцами и другими подарками. Здѣсь же дарить невѣstu и женихова родна. Въ этомъ собственно и заключается весь смыслъ этого обряда—„свиданья“, почему-то называемаго также и „переводинами“.

Свиданье всегда бываетъ въ дому невѣсты. Время его опредѣляется различно, послѣ окончания сватовства, но обыкновенно стараются подогнать его къ какому-нибудь празднику или вообще къ свободному и удобному для обѣихъ сторонъ времени.

Въ назначенный день (приблизительно къ 4—5 часамъ вечера) женихъ собираетъ къ себѣ всю свою родню и наиболѣе близкихъ знакомыхъ и пріятелей, и затѣмъ уже изъ дома жениха всѣ, такъ называемые, жениховы гости идутъ къ невѣстѣ. Тамъ тоже къ этому времени собирается невѣстина родня, а также ея подружки и другіе близкіе знакомые. Такимъ образомъ, съ той и другой стороны набирается довольно много народа, а въ деревняхъ, которыя, впрочемъ, здѣсь очень малолюдны (дворовъ въ 15—20), на каждую свадьбу сходится почти вся деревня. При этомъ здѣсь существуетъ такое правило, что разъ кто побывалъ на свиданыи, онъ уже обязательно приглашается и на всѣ остальные акты до „блинчатаго стола“ включительно.

Пришедши въ домъ невѣсты, послѣ обычныхъ привѣтствій, жениховы гости, вмѣстѣ съ самимъ женихомъ, предводимые сватъ-ей, становятся по одну сторону комнаты, а невѣстина родня, знакомые и подружки группируются по другую. У передняго угла ставится столъ. Когда всѣ займутъ надлежащія мѣста, изъ толпы жениховой родни выступаетъ сватъ вмѣстѣ съ женихомъ и, обращаясь къ родителямъ невѣсты, говорить: „вотъ—нашъ князь, покажите намъ свою княгиню“. Тогда группа дѣвушекъ-подружекъ раздвигается и на средину комнаты выходить невѣста, которая до сихъ поръ стояла, какъ-бы, спрятавшись въ толпѣ дѣвушекъ, и кланяется на всѣ четыре стороны. Подружки сейчасъ же подаютъ ей подносъ съ рюмкой водки, и къ ней подходитъ женихъ, береть съ подноса эту рюмку, выпиваетъ и ставить обратно. Тогда подружки убираютъ рюмку, а на подносъ, который все это время молча держитъ невѣста, кладутъ дары отъ невѣсты, а поверхъ нихъ—кольцо. Кольцо женихъ надѣваетъ сейчасъ

же на руку, а прочие невѣстини дары (обыкновенно куски матеріи—на пиджакъ, на брюки, иногда рубашка, шарфъ и т. п.,—установленныхъ правиль для даровъ той и другой стороны здѣсь вѣтъ) цередаетъ сватъ, и, въ свою очередь, береть отъ нея свои дары и кладетъ ихъ на подносы, а на нихъ—кольцо. Дѣвушка тоже надѣваетъ кольцо на руку, а другіе жениховы дары (кусокъ какой-нибудь матеріи на платье, иногда шаль и т. п.) передаетъ подружкамъ. Постѣ этого женихъ и невѣста цѣлуются.

Затѣмъ къ невѣстѣ, которая все время продолжаетъ стоять съ подносомъ въ рукахъ, подходятъ по-очередно жениховы гости и прежде всѣхъ—сватъ, за ней—отецъ жениха, мать и т. д. до послѣдняго гостя и, подходя, каждый кладетъ ей на подносы тѣ или другіе дары и при этомъ цѣлууетъ ее (но она уже никого болѣе не угощаетъ водкой, кромѣ жениха). Эти дары состоять обыкновенно изъ разныхъ принадлежностей „лошати“: иногда, но очень рѣдко и только у богатыхъ, отецъ и мать жениховы кладутъ невѣстѣ на подносы по куску матеріи на платье, но чаще дарять ее просто полушалками, платками, „запанами“ (фартуками), полотенцами и т. п.,—„по состоянію глядя“.

Когда всѣ ее одарять и она передастъ подносы, нагруженный дарами, подружкамъ, къ ней подходитъ женихъ, береть ее за руку и они молятся Богу, а затѣмъ, повернувшись къ гостямъ, кланяются на всѣ четыре стороны. Въ это время родители жениха и невѣсты „награждаютъ ихъ крестнымъ знаменіемъ“. Постѣ этого женихъ и невѣста садятся въ передній уголъ за столъ, невѣста по лѣвой руке жениха, а за ними по старшинству, начиная со сваты, разсаживаются вокругъ стола и остальные гости, и начинается угощеніе. Пьютъ чай, вино, ъдятъ разную холодную и горячую закуску и пр., смотря по состоятельности родителей невѣсты. Присутствующая въ качествѣ гостей молодежь, подружки невѣсты и пріятели жениха, заводятъ иногда танцы, въ которыхъ принимаютъ участіе также и „нарѣченные“. Но обыкновенно женихъ и невѣста сидятъ весь вечеръ, обнявшись, за столомъ, причемъ имъ подается только одинъ приборъ, и время отъ времени, цѣлуются.

Спѣціальныхъ пѣсенъ на „свиданіи“ никакихъ не поется, но иногда, подвыпивши, гости затягиваютъ какія-нибудь проголос-

ная пѣсни. Угощеніе длится обыкновенно далеко за полночь, послѣ чего гости и женихъ, въ достаточной мѣрѣ угостившіеся, расходятся по домамъ.

Съ этого времени женихъ можетъ свободно ходить къ невѣстѣ, гдѣ собираются также и подружки, помогающія ей справлять свое приданое, шить бѣлье и т. п. При этомъ часто устраиваются и вечерки какъ у жениха, такъ и у невѣсты, не представляющія, впрочемъ, ничего особенного по сравненію съ обычнымъ типомъ сургутской вечерокъ.

в) Дѣвишникъ.

Недѣль черезъ двѣ-три послѣ „свиданья“ (а если спѣшать со свадьбой, то, конечно, и раньше, но определенныхъ сроковъ для этого не полагается) назначается „дѣвишникъ“, который всегда бываетъ вечеромъ, наканунѣ вѣнчанья. Утромъ въ этотъ день, около полудня, невѣста со своими подружками ходитъ въ баню. У богатыхъ при этомъ отправляютъ съ дѣвушками въ баню разные лакомства и сласти, но большинство не дѣлаетъ этого. Въ банѣ подружки расчесываютъ невѣстѣ голову и въ послѣдній разъ заплетаютъ ей „дѣвью косу“. По установленвшемуся обычаю, по выходѣ замужъ женщинѣ уже нельзя носить одну косу, а неизменно двѣ, и нельзя также ходить съ непокрытой головой, а обязательно чѣмънибудь накрывши голову. И вотъ теперь въ послѣдній разъ дѣвушкѣ-невѣстѣ предоставляется право ходить съ непокрытой головой и при одной косѣ.

По возвращеніи невѣсты изъ бани вскорѣ приходитъ сватъ, чтобы окончательно „зарѣшить“ сватовство. Повидимому, сватовство въ первой стадіи, которое мы описали выше, не признается окончательно рѣшающимъ дѣло и допускаетъ возможность разрыва, конечно, съ вознагражденіемъ потерпѣвшей стороны за понесенные ею расходы. Но послѣ того завершенія сватовства, которое происходитъ въ день дѣвишника, разрыва уже не бываетъ, во крайней мѣрѣ, сургутяне-рассказчики не могли припомнить намъ ни одного случая такого разрыва, хотя, впрочемъ, и послѣ первого „рукобитья“ разрывы бываютъ крайне рѣдко.

Такъ-же, какъ и въ первый разъ, послѣ непродолжительного сидѣнія подъ маткой, сватъ встаетъ и заявляетъ, что она приш-

за окончательную отвѣтъ и, по полученіи такового, у иконъ зажигаютъ свѣчи, молятся Богу и происходитъ послѣднее рукопаше. Также черезъ платокъ сватъ поперемѣнно подаетъ руку родителямъ невѣсты, а кто-нибудь третій разнимаетъ. Постѣ этого сватовство считается окончательно „зарѣшенымъ“.

По уходѣ сваты, выходить невѣста (обыкновенно, въ присутствіи сваты невѣста бываетъ въ другой комнатѣ) и узнавъ, что все дѣло уже кончено, припадаетъ на колѣни къ родителямъ, а также и другимъ родственникамъ, которые здѣсь слушатся, и начинаетъ „выть“—причитать и плакать о своей дѣвьей волѣ. Ей вторятъ нерѣдко и подружки и, въ особенности, мать. Когда она причитаетъ на колѣняхъ у матери, подружки расплетаютъ у неї косу, которую недавно заплели ей въ банѣ⁴⁾). Постѣ этого невѣста все время ходить съ распущенными волосами вплоть до прихода изъ-подъ вѣнца.

Когда невѣста обойдетъ всѣхъ присутствующихъ родственниковъ и у каждого на колѣняхъ попричитаетъ и поплачеть, начинаются приготовленія къ вечернему дѣвишнику.

Вечеромъ собираются гости какъ къ жениху, такъ и къ невѣстѣ. На этотъ разъ, кромѣ тѣхъ гостей, что были на свиданіи, невѣста приглашаетъ къ себѣ и всѣхъ своихъ ближайшихъ подружекъ, точно также и къ жениху собираются всѣ его пріятели-парни.

Какъ у жениха, такъ и у невѣсты посреди комнаты ставятъ столъ, на него разставляютъ разныя закуски и сласти, а вокругъ разсаживаются старшіе и почетные гости, оставляя въ переднемъ углу мѣсто для жениха или невѣсты. Молодежь же пристраивается на лавкахъ въ противуположной отъ входа сторонѣ. (У входа же, равно какъ и снаружи подъ окнами, всегда толпится масса посторонней публики, пришедшей посмотреть на дѣвишника).

Собственно дѣвишникъ начинается не скоро послѣ того, какъ жениху и къ невѣстѣ соберутся ихъ гости. Сначала-же невѣста отдаѣваетъ женихову родню, которая была на свиданіи и клада ей дары.

⁴⁾ Въ деревняхъ ниже Сургута (по Оби) поютъ при этомъ особую пѣсню, которая, якъ сказываютъ, написана. Въ Сургутѣ и верховскихъ деревняхъ ограничиваются единими причитаньями и плачемъ.

Какъ только сойдутся гости, невѣста посыпаетъ какого-нибудь посланца (не имѣющаго особаго названія) къ жениху, чтобы „шли ѿ дары“. Получивъ приглашеніе явиться за дарами, женихъ обыкновенно береть съ собой не всѣхъ тѣхъ гостей, что были на „свиданы“,— это было бы слишкомъ обременительно для невѣсты,— а только нѣкоторыхъ, особенно почтенныхъ: свату, которой, какъ мы уже видѣли, во всѣхъ свадебныхъ празднествахъ принадлежитъ первое мѣсто, родителей, крестныхъ. А прочие остаются въ домѣ жениха, гдѣ угощеніе идетъ своимъ порядкомъ.

По прибытии жениха съ избранными гостями къ невѣстѣ, когда они займутъ мѣста у стола, къ нимъ выходитъ невѣста и, прежде всего, происходитъ обменъ подарковъ между ней и женихомъ.

Это дѣлается такъ-же, какъ и на „свиданы“, т. е. начинается угощеніемъ жениха рюмкой водки изъ рукъ невѣсты, послѣ чего подружки кладуть къ ней на подносъ ея дары (то-же, что и въ первый разъ, только менышеї цѣнности) и, поверхъ нихъ, обязательно кольцо, которое женихъ тутъ-же надѣваетъ на руку, а дары передаетъ свату, и, въ свою очередь, береть отъ сваты и кладеть на подносъ свои дары и на нихъ—кольцо. Кольцо невѣста надѣваетъ на руку и цѣлуется съ женихомъ.

Послѣ этого невѣста начинаетъ одаривать всѣхъ прибывшихъ съ женихомъ гостей. Убравши жениховы дары, подружки кладутъ на подносъ поперемѣнно тѣ или другие приготовленные невѣстою подарки, аналогичные полученнымъ ею на „свиданы“, т. е. если ей подарили платокъ, то и она дарить платокъ,—если ей, напр., отецъ жениха подарилъ матеріи на платье, то и она отдастъ его кускомъ матеріи на пиджакъ или на брюки и т. д. Точно установленныхъ правилъ, кому что дарить и кого чѣмъ отдавать, здѣсь нѣть. Стараются мнѣяться равнотѣнностями, но исключительно изъ предметовъ „лопати“¹⁾.

Эти подарки невѣста и разносить на подносъ, кому слѣдуетъ, начиная по старшинству со сваты, при чѣмъ всякий, получивший даръ, отдаиваетъ невѣstu деньгами, кладя ихъ на подносъ, „по состоянію глядя“ и потомъ цѣлуется съ ней.

Послѣ того, какъ невѣста одарить всѣхъ жениховыхъ гостей, оставляютъ на короткое время для легкаго угощенія чадъ.

¹⁾ Одежды.

и виномъ. Женихъ, по обыкновенію, береть невѣсту за руку и заводить ее за столь въ передній уголъ, а вокругъ разсаживаются остальные гости. Въ это время, пока гости угощаются чаемъ, подружки невѣсты величаютъ ихъ, начиная съ самого жениха, особыми величанными пѣснями. Для этого посреди комнаты ставится стулья, на который и садится тотъ, кого величаютъ, лицомъ къ дѣвушкамъ, и ему онъ поютъ соотвѣтственную величанную пѣсню, по окончаніи которой дѣвушкамъдается какая-нибудь мелкая монета.

Вотъ иѣхотория изъ здѣшнихъ величанныхъ пѣсенъ:

Начиналь обыкновенно съ жениха и невѣсты. Имъ поютъ:

(Иванъ) сударь тончавый,

(Егоровичъ) кудреватый,

Онъ распахиваетъ полу соболиину,

Вынимаетъ гривну золотую,

Ни рублемъ, ни полтиною,

Золотой гривной.

На многія ему лѣта

Со своею со суженой

(Федосѣй Ивановной),

Со своимъ любимымъ

Со батюшкой (имя рекъ),

Со своей любимой

Со матушкой (имя рекъ).

Затѣмъ величаютъ женатыхъ:

Какъ во каменной во палатѣ,

Какъ на кисовой¹⁾ на кроватѣ

Ни голубь съ голубкою воркуетъ,

(Егоръ) сударь (Аннушку) цѣлуетъ,

Черезъ низано ожерелье.

Чрезъ пуговку золотую,

Чрезъ петельку шелковую...

На многія имъ лѣта. *76.*

А если у нихъ есть дѣти, тогда поютъ:

Какъ на дворѣ на (Егоровомъ)

¹⁾ Сургутное место, тѣ часто говорятъ „к“; какъ, напр., „въ этой кисѣ—, кисовой“ вместо „кисовой“, или „кѣсто“ вместо „кѣсто“ и по многому другому.

Стояла тутъ груша зеленая,
Супротивъ груши яблоня кудрявая,
Между ними цвѣтки лазоревые...
(Егоръ) сударь (Андреевичъ)
И (Анна) свѣтъ (Ивановна),
На многія имъ лѣта.

ая,
В. Смирнов

На многія имъ лѣта.
Когда всѣхъ жениховыхъ гостей отвеличаютъ, женихъ уволитъ ихъ къ себѣ домой. Тамъ не происходитъ ничего особеннаго, мѣдъ обычныхъ угощений и величаній, какъ и у невѣсты. Обычно вмѣстѣ съ парнями къ жениху собираются на дѣвишникъ и нѣсколько дѣвушекъ—родственницъ или близкихъ домашнихъ знакомыхъ. Опѣ-то и поютъ у жениха величания пѣсни, за которыя и тутъ также каждый, кого провеличиваютъ, платить имъ какую-нибудь мелочь.

какую-нибудь мелочь.

Въ это время у невѣсты начинаются, приготовленія къ ужину или закускѣ и, когда бываетъ все готово, къ жениху опять отправляютъ посланца съ приглашеніемъ пожаловать на ужинъ. На этотъ разъ женихъ беретъ съ собой всѣхъ своихъ гостей и съ большой компанией отправляется къ невѣстѣ. Здѣсь обычнымъ порядкомъ разсаживаются по своимъ мѣстамъ: старшіе и почетные гости, съ молодыми во главѣ, садятся за столъ, а остальные—гдѣ придется, и начинается ужинъ. За ужиномъ слѣдуетъ чай. Въ антрактѣ между тѣмъ и другимъ дѣвушки величаютъ вновь прибывшихъ гостей, а иногда устраиваются и танцы при участії парней, которыхъ приводить съ собою женихъ.

Послѣ чая и когда кончатся пляски, что бывает обыкновенно уже около полуночи, женихъ прощается съ невѣстой и уходить со всѣми своими гостями. Послѣ этого женихъ и невѣста больше уже не видятся другъ съ другомъ до самаго вѣчанья. Съ этого момента, т. е. съ ухода жениха и его гостей, и начинается собственно дѣвишникъ. Большинство гостей, достаточно угостившихъ, расходится по домамъ, и у невѣсты, равно какъ и у жениха, остается только молодежь, да немногіе близкіе знакомые и родные. Дѣвушки начинаютъ пѣть „свадебныя“ пѣсни, — ну — жениховы, и дѣвишникъ при-
— тическій характеръ, — въ кругу

Стояла тут груша зеленая,
 Супротивъ груши яблоня кудрявая,
 Между ними цветки лазоревые...
 (Егоръ) сударь (Андреевичъ)
 И (Анна) свѣтъ (Ивановна),
 На многія имъ лѣта.

Вѣдь же ей

Когда всѣхъ жениховыхъ гостей отвѣличаютъ, женихъ уводятъ икъ къ себѣ домой. Тамъ не происходитъ ничего особеннаго, кромѣ обычныхъ угощений и величаній, какъ и у невѣсты. Обычно вмѣстѣ съ парнями къ жениху собираются на дѣвишникъ и иѣсколько дѣвушекъ—родственницъ или близкихъ домашнихъ знакомыхъ. Онъ-то и поютъ у жениха величавыя пѣсни, за которыхъ и тутъ также каждый, кого провеличаютъ, платить имъ какую-нибудь мелочь.

Въ это время у невѣсты начинаются, приготовленія къ ужину или закускѣ и, когда бываетъ все готово, къ жениху опять отправляютъ посланца съ приглашеніемъ пожаловать на ужинъ. На этотъ разъ женихъ беретъ съ собой всѣхъ своихъ гостей. И съ большой компанией отправляется къ невѣстѣ. Здѣсь обычнымъ порядкомъ разсаживаются по своимъ мѣстамъ: старшіе и почетные гости, съ молодыми во главѣ, садятся за столъ, а остальные—гдѣ придется, и начинается ужинъ. За ужиномъ слѣдуетъ чай. Въ антрактѣ между тѣмъ и другимъ дѣвушки величаютъ вновь прибывшихъ гостей, а иногда устраиваются и танцы при участіи парней, которыхъ приводить съ собою женихъ.

Послѣ чая и когда кончатся пляски, что бываетъ обыкновенно уже около полуночи, женихъ прощается съ невѣстой и уходить со всѣми своими гостями. Послѣ этого женихъ и невѣста больше уже не видятся другъ съ другомъ до самаго вѣчанья. Съ этого момента, т. е. съ ухода жениха и его гостей, и начинается собственно дѣвишникъ. Большинство гостей, достаточно угостившись, расходится по домамъ, и у невѣсты, равно какъ и у жениха, остается только молодежь, да немногіе близкіе знакомые и родные. Дѣвушки начинаютъ пѣть "свадебныя" пѣсни, у невѣсты—невѣстини, у жениха—жениховы, и дѣвишникъ принимаетъ необычайно грустный и меланхолический характеръ.—Она въ послѣдній разъ сидитъ въ кругу особенно у невѣсты.... Она въ послѣдній разъ сидитъ въ кругу

подружекъ и теперь на вѣки прощается съ ними и съ своей дѣвичьей жизнью и свободой... Больше она ужъ имъ не пара. Съ завтрашнего дня для нея кончится беззаботное, веселое, свободное дѣвичье житѣе (по сургутской пословицѣ— „дѣвичье житѣе словно кошачье“), и придется надѣть ярмо нової жизни, Богъ вѣсть— съ какимъ мужемъ.... Это прощанье дѣвушки съ волей и является основной канвой, на которой свадбишныя пѣсни подружекъ и причитанья матери выводятъ различные, но всегда грустные узоры. И здѣсь действительно нерѣдко можно видѣть самыя искреннія слезы, какъ невѣсты и прощающихся съ нею подружекъ, такъ и въ особенности матери, которая горькимъ опытомъ познала всю тяжесть замужней жизни... Не даромъ же на этотъ счетъ у сургутянъ существуетъ пословица: „не наплачешься за столомъ, такъ наплачешься за столбомъ“. И дѣвушка-невѣста даетъ обыкновенно полную волю своимъ слезамъ... „Богъ съ тобой, родима матушка“,— причитаетъ невѣста, сидя на колѣнѣхъ у матери,— али я тебя опила, обѣла, али я тебя цвѣтными платьями обносила?... Не пожалѣла ты моей русой косы, не пожалѣла моей дѣвьей красоты... И обращаясь къ подружкамъ, прибавляетъ: „отходила я теперь, отгуляла я— деньги красные, деньги ясные, и со подруженьками, со голубушками, отвѣдилась я, распрошалась я.. Какъ я буду привыкать теперь и какъ я буду приставать теперь ко чужому роду— племени и ко людямъ все неизнакомымъ?“...

На это мать отвѣчаетъ дочери: „хоть и била я, хоть браница, я добру тебя учила, не пускала тебя шляться и шататься, не давала тебя добрымъ людямъ на смѣхъ, пакала¹⁾ я тебя и лелеяла и жала у своего сердца ретиваго“... А затѣмъ мать даетъ такие совѣты дочери: „будь-ты, дитятко, покорная и будь-ты, дитятко, пословная богоданинъ отцу-матери и своему мужу-хозяину... Не судачь, ты, родная, на меня, на матушку, не скучдалась я для тебя ни питьемъ, ни ъжею, ни цвѣтными платьями... Сама пожелала ты отдаться въ неволюшку, не пѣняй же, дитятко, на родиму матушку: не неволею идешь, а своей охотою“...²⁾

¹⁾ Нѣжна.

²⁾ Подлинныя слова, записанныя мною отъ одной разскавчицы; но такъ какъ эти общіиные причитанья, равно какъ и похоронныя, произносятся экспромтомъ, то

Послѣ этихъ причитаній на колѣняхъ у матери, невѣста садится на свое обычное мѣсто за столомъ, а подружки разсаживаются вокругъ и начинаютъ пѣть свадебныя пѣсни:

На зарѣ было, на зоренькѣ,
 На восходѣ красна солнышка
 Громко свищетъ перепелочка,
 Слезно плачетъ красна дѣвушка,
 Убуждастъ роднаго батюшку:
 Ужь ты встань-ко, убудися, другъ,
 Ты на этотъ часъ, на времячко,
 На мое благословеныще:
 Снарядить-то меня есть кому,
 Благословить-то меня некому...
 Миѣ сегодня темну ноченьку
 Мало сналось, во снѣ видѣлось,
 Какъ бы нашъ-отъ широкій дворъ
 Наставленъ весь каретами,
 А красно крыльце—лакеями,
 А новы сѣни—боярами,
 Нова горница—княгинями...
 Нова горница полна гостей,
 А все гости незнакомые,
 Незнакомые—незнамые...
 Только нѣть-отъ гостя батюшки,
 Дорогой-отъ гости матушки...
 Ты, родима моя матушка,
 Что такой у насъ за праздничекъ?
 И что такой у насъ за пиръ гостей?
 —Ты дитя-ли, мое дитятко.
 Мы тебя замужъ аговѣрили... *Сл.*

**

Какъ во садѣ было садичкѣ,
 Во зеленомъ виноградничкѣ,
 Ходилъ, гулялъ добрый молодецъ,

и слова ихъ карыдаются, и каждая матъ „причитаетъ“ то, что ей придется въ голову, оставивъ быть изгнанной только осенившей матинъ причитанья. Намъ производятся чудесные таинства мѣста.

Свѣтъ (Иванъ) сударь (Егоровичъ)
 Онъ чесать свою бѣну голову
 Черепаховой гребелочкой,
 Онъ чесаль, самъ приговаривалъ:
 Прилегайте, кудри русые,
 Ко моему лицу бѣлому.
 Ко моему ко румяному.
 Ко моимъ-же ко чернымъ бровямъ
 И къ моимъ-же ко яснымъ очамъ...
 Приставай, ты, душа (Фенюшка),
 Ко моему уму-разуму
 И ко нраву молодецкому
 И къ обычью княжепецкому...
 —Приставать мнѣ не хотѣлся,
 Мнѣ хотѣлось жить у батюшки,
 Мне хотѣлось жить у родного,
 У родимой моей матушки,
 Красоваться въ красныхъ дѣвушкахъ.

* *

Ужь какъ по-морю корабль бѣжитъ,
 По синю-морю чернѣется...
 На корабличкѣ людей немножко,
 Только семеро работничковъ,
 А восьмой—отъ кашеварничекъ,
 А девятый—добрый молодецъ,
 А десята—красна дѣвица...
 Онъ по кораблю похаживаетъ,
 Золоту трубку раскуриваетъ,
 Въ звончаты гусли поигрываетъ...
 За нимъ ходить красна дѣвица,
 Она просится ко батюшкѣ,—
 Ко родимой своей матушкѣ:—
 „Позабыла я золоты ключи,
 Гдѣ лежатъ дороги дары...
 Чѣмъ дарить буду свекра-батюшку?
 Чѣмъ дарить буду свекровь-матушку?
 Чѣмъ дарить буду всю большу родню?“

Какъ отвѣтъ держитъ добрый молодецъ:
 „Захочу—я тебя отпушу,
 Захочу—тебя неотпушу“...
 Она прочь пошла—заплакала,
 Сквозь слезы она слово молвила:
 „Ахъ ты воля—воля батюшкина,
 Тъха-нъга родной матушки,
 Красованье краснымъ дѣвушкамъ“...

* *

Какъ ни пава по сѣнямъ ходила,
 Какъ ни пава по новымъ гуляла,
 А сама къ терему припадала,
 Ко высокому она причитала:
 Отомкнися, отомкнися, мой высокъ теремокъ,
 Шитый-бранный положёкъ распахнися,
 Черныхъ соболей одѣяло раскройся,
 Родной батюшка убудися...
 Мнѣ не годъ жить, мнѣ не два жить,
 У тебя, родной батюшка, пожити,
 У тебя, государь, погостити...
 Едну ночку, едну тёмну ночевати,
 Едно слово, едно тайно съ тобой говорити...

* *

Какъ по морю-то—морю синему,
 Морю Хвалынскому
 Плавала лебедь, плавала лебедь,
 Лебедь бѣлая,
 Крыльями била объ сине море,
 Жалобу творила синю морю:
 „Море, ты, море, море синее,
 Море Хвалынское!
 Какъ я отстану отъ синя моря,
 Отъ Хвалынского?
 Какъ я пристану ко ржавчатой водѣ.
 Ко болотяной травѣ?
 Будетъ зима—зима студеная,
 Выпадутъ снѣги—снѣги бѣлые,

Будутъ же зы крещенскіе,
Подаяніи вожки лебединые"...

* * *

Сколько мы, девушки, говаривали,
Сколько мы, подруженьки, наказывали:
„Не ходи ты (Фенюшка) за Волгу гулять,
Не слушай ты (Фенюшка) (Егоровыхъ) гуслей...
(Егоровы) гусли обманываютъ,
Отманять тебя отъ батюшкъ,
Отъ родимой твоей матушки...
Приманять тебя къ свекру-батюшкѣ,
Къ свекровь-матушкѣ,
Ко чужому роду-племени"...

* * *

Какъ у матери, у Волги-рѣки,
Ни краю нѣту, ни бережку,
Ни желта сыпуча песку...
Мостяты мосты калиновые,
Перекладины таволжены...
Какъ никто по мостамъ неайдеть,
Какъ никто по калиновымъ неайдеть,
Туть и шель, туть и переходитъ
Разудалый добрый молодецъ,
(Егоръ) сударь, свѣтъ (Ивановичъ).
За собой онъ ведеть дѣвушку,
(Федосью) свѣтъ (Андреевну).
Онъ ведеть самъ приговариваетъ:
„Ты не упади, Фенюшка,
Ты не упади, Андреевна" — ...
„Хотя я, сударь, и упаду,
За тебя я не схватаюсь,
Я схватаюсь за батюшку,
Я схватаюсь за рѣваго,
За его, за ручку правую,
За его перстни злаченые" ...
Поется до трехъ разъ, во второй разъ поютъ:
„Я схватаюсь за матушку" и т. д.

А въ третій:

„За тебя я, другъ, схватаясь,
За твою за ручку правую,
За твои перстни злаченые”...

**

Кленъ-деревцо спошатилося,
Вѣточка поклонилася,
Ягодка покатилася...

По полю катилась жемчужинкой,
Лѣсомъ шла—соболемъ прошла,
Улицей шла—стѣрой утицей,
Къ морю подошла—бѣлой лебедью,
Красной дѣвицей...

Она спрашиваетъ: „это чьи корабли“?—
„Эти корабли свекра-батюшки.“—
„Эти корабли мнѣ не надобны“...

Во второй разъ:

....Она спрашиваетъ: „это чьи корабли“?—
„Эти корабли свекровь-матушки.“—
„Эти корабли мнѣ не надобны“...

Въ третій разъ:

....Она спрашиваетъ: „это чьи корабли“?—
„Эти корабли мила ладушки.“—
„Эти съ чѣмъ корабли?“— „Съ краснымъ золотомъ“:
Эти корабли очень надобны...

**

Отъ столба, столба дубоваго,
Отъ колечка красна золота
Оторвался нашъ добрый конь,
Онъ повытолталъ нашъ зеленъ садъ
Со калиною, со малиною,
Со черною смородиной...
Ты не плачь, моя умная,
Ты не плачь, моя разумная,
Наживемъ мы съ тобой зеленъ садъ
Со калиною, со малиною
И со черною смородиной...

**

с-

Ты король, государь, королевичъ,
 (Егоръ) сударь, свѣтъ (Ивановичъ),
 Поносила тебя родна матушка
 Во утробушкѣ девять мѣсяцевъ,
 Породила тебя родна матушка
 Во великую большую пятницу.
 Принимала тебя родна баушка
 На свои на ручки бѣлныя.
 Обмывала тебя родна баушка
 Изъ колодечку ключевой водой,
 Обтирала тебя родна баушка
 Разукрашеннай трубчатой тафтой,
 Пеленала тебя родна баушка
 Во пеленочкѣ во шелковенькой,
 Во снивальничкѣ во тафтъяпенькомъ,
 Отдавала тебя родна баушка
 Родной матушкѣ на бѣлы руки.
 Берегла тебя родна матушка
 И отъ вѣтру и отъ вихрю,
 И отъ Божьей немилости.
 Не казала тебя родна матушка
 Ни князьямъ и ни боярамъ,
 И не тѣмъ купцамъ-корабельщикамъ,
 Только узрила тебя и усмотрѣла
 Душа красна-дѣвица
 Изъ высокаго тебя изъ терему,
 Скrozь окошечко косящатое,
 Скrozь стеколинку стеколичату...
 —Воть идетъ мой суженый,
 Воть идетъ мой риженый,
 Государь (Егоръ Ивановичъ)...

Это уже специально жениховская пѣсня и ее поютъ только у
 жениха, но такъ какъ такихъ специальныхъ (какъ и вообще свад-
 бенныхъ) пѣсень здѣсь мало, то и у жениха на дѣвищникѣ по-
 ють тѣ же пѣсни, что и у невѣсты. Ихъ нерѣдко повторяютъ, а
 наиболѣе патетическія пѣсни поютъ даже по нѣсколько разъ.

Незадолго передъ тѣмъ временемъ, когда приходитъ пора рас-

ходиться, женихъ выбираетъ себѣ дружку. Это обыкновенно бываетъ какой-нибудь молодой женатый парень изъ пріятелей жениха. Первая его обязанность заключается въ томъ, чтобы отвезти невѣстѣ коробку съ жениховыми подарками. Подарки эти состоять изъ разныхъ мелкихъ принадлежностей женского туалета: зеркала, мыла, гребня, чулокъ, подвязокъ, башмаковъ и т. п., а также и конфектъ. Послѣднія предназначаются и подружкамъ невѣсты.

Передъ этимъ со стола, за которымъ все время сидѣлъ женихъ съ своими пріятелями и присутствующими дѣвушками, убираютъ разныя закуски и слasti и кладутъ на него хлѣбъ-соль (каравай бѣлаго хлѣба и солонку соли), а передъ хлѣбомъ ставить икону (лицомъ къ жениху). Этими иконой и хлѣбомъ-солю завтра будуть благословлять жениха подъ вѣнецъ. Здѣсь же на столѣ кладутъ и коробку съ подарками. У стола ставится стульѣ и на него садится выбранный въ дружки парень. Ему сначала подносятъ рюмку водки, а потомъ зажигаютъ у иконъ свѣчи,—дружка и всѣ прочие молятся передъ иконами, послѣ чего родители жениха благословляютъ его, и онъ отправляется съ коробкой къ невѣстѣ.

Тамъ тоже въ это время прибираютъ столъ, за которымъ сидѣть невѣста,—снимаютъ съ него слasti и вместо нихъ ставить хлѣбъ-соль и икону, предназначенные для завтрашняго благословенія невѣсты. При входѣ къ невѣстѣ дружки для него также ставится у стола особый стульѣ, на который онъ и садится, держа пока коробку у себя на колѣнѣ. Тогда невѣста выходитъ изъ-за стола и подноситъ дружку рюмку водки, послѣ чего онъ ставить коробку съ подарками на столъ, а невѣста дарить ему платокъ. Этимъ платкомъ дружка перевязываетъ себѣ правую руку у плеча, а на „отдарокъ“ даетъ невѣстѣ ключъ отъ коробки. Послѣ этого дружку угощаютъ чаемъ и виномъ, а дѣвушки еще разъ величаютъ его пѣснями. Послѣ угощенія и расплатившись съ дѣвушками, дружка уѣзжаетъ обратно.

По уходѣ дружки невѣста выбираетъ себѣ „приданницу“—обыкновенно какую-нибудь почтенную замужнюю женщину, но отнюдь не дѣвушку, чтобы отвести къ жениху свое приданое. „Приданницу“ снаряжаютъ такъ же, какъ и дружку: садятъ—на стульѣ, подносятъ ей вина, зажигаютъ у иконъ свѣчи, молятся

Богу, и затѣмъ приданница, получивъ отъ родителей невѣсты благословеніе и сопровождаемая обыкновенно всѣми подружками невѣсты, отправляется къ жениху.

Приданое невѣсты составляеть обыкновенно сундукъ, наполненный, главнымъ образомъ, той или другой „лопатью“—платьями, полуслалками, бѣльемъ и т. п., и обязательно—перина съ подушкой, простыней и одѣяломъ. У богатыхъ бываетъ нѣсколько сундуковъ „лопати“, а у бѣдныхъ—одинъ и тотъ маленький, но эта часть приданаго въ глазахъ сургутянъ не представляеть такой важности, какъ перина съ ея принадлежностями. Сундукъ можетъ быть и не быть, это—дѣло невѣсты и не касается будущаго мужа, но перина должна быть обязательно. На чѣмъ же будутъ спать молодые?—такъ разсуждаютъ сургутяне. И потому перину, а отчасти также и „лопаты“ дѣвушки начинаютъ заготавливать еще съ раннихъ лѣтъ. Все это копится понемногу въ сундукѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и исключительно изъ скучныхъ средствъ самихъ дѣвушекъ, которыхъ онъ могутъ достать, продавая ягоды, кедровые орѣхи, какое-нибудь рукодѣлье и т. п., такъ какъ въ дѣлѣ созиданія дочерняго приданаго родители обыкновенно не принимаютъ никакого участія.

Утромъ, въ день дѣвишика, родители невѣсты велятъ ей на время очистить сундукъ, затѣмъ зажигаютъ свѣчи, молятся Богу и кладутъ на дно сундука на четыре угла деньги,—„по состоянію глядя“, иногда мѣдные, иногда серебряные монеты, а посрединѣ—крашку хлѣба. Послѣ этого родители благословляютъ дѣвушку и она начинаетъ укладывать въ сундукъ свои вещи. Этимъ и ограничивается вся помощь родителей въ дѣлѣ устройства приданаго своимъ дочерямъ.

Вотъ эти-то сундукъ и перину и отвозятъ теперь „приданница“ къ жениху. Ес тамъ принимаютъ съ тѣмъ же почетомъ, какъ дружку принимали у невѣсты. Ставятъ ей стулъ, угожаютъ водкой, а затѣмъ женихъ даритъ приданницѣ какой-нибудь подарокъ (обыкновенно что-нибудь изъ одежи), въ отарокъ на который она отдаетъ жениху ключъ отъ сундука, гдѣ хранится приданое. Дѣвушекъ, прибывшихъ съ приданницей, угожаютъ различными сластями, послѣ чего онъ вскорѣ уѣзжаетъ обратно къ невѣстѣ, а приданница остается у жениха на ночь караулить

приданое. Дѣло въ томъ, что послѣднее, кромъ перинъ и всѣхъ прочихъ постельныхъ принадлежностей, здѣсь считается собственностью невѣсты и будущей жены, а отнюдь не мужа, почему приданница и остается у жениха оберегать приданое невѣсты, чтобы завтра, послѣ вѣнца, передать его молодой въ цѣлости и сохранности.

Дружка тоже остается ночевать съ женихомъ и ихъ обыкновенно кладутъ вмѣстѣ спать на ту перину, которую привозить приданница. Такимъ образомъ, жениху предоставляется уже въ эту ночь воспользоваться той частью приданаго, на которую онъ имѣть право въ качествѣ мужа.

Дѣвушки обыкновенно не расходятся въ эту ночь по своимъ домамъ, какъ у невѣсты, такъ и у жениха, и почуютъ у нихъ.

г) Продолженіе дѣвишника и вѣнчанье.

Дѣвишникъ продолжается и на стѣдующій день, вплоть до вѣнца и даже нѣсколько далѣе, до такъ называемаго „окрученія“, о которомъ будетъ рѣчь ниже.

Въ день вѣнчанья къ жениху и невѣстѣ уже съ ранняго утра собираются всѣ ихъ вчерашніе гости, и начинается обычное угоженіе чаемъ, виномъ и пр. Дѣвушки опять поютъ свадбішныя пѣсни, тѣ самыя, что играли наканунѣ, и величаютъ тѣхъ гостей, кого не успѣли провеличать раньшѣ. Затѣмъ дружка посылается женихомъ къ невѣстѣ узнать, какъ она проводила ночь и освѣдомиться о ея здоровьѣ.

Въ это время женихомъ выбирается еще нѣсколько новыхъ должностныхъ лицъ въ здѣшнемъ свадебномъ ритуалѣ: тысяцкій, большои бояринъ, сваха и „проводжата“. Первыми двумя могутъ быть и женщины, но въ свахи и „проводжаты“ избираются только замужнія женщины. Обязанность тысяцкаго состоять въ томъ, чтобы приглашать священника отслужить молебны, которые бываютъ передъ вѣнцомъ у жениха и у невѣсты, а равно и обвѣнчать по томъ свадьбу, расплатиться съ нимъ, купить вѣничальные свѣчи и пр. Роль большого боярина въ здѣшнемъ свадебномъ ритуалѣ не совсѣмъ ясна и сейчасъ онъ служить, повидимому, лишь такъ сказать, для украшенія свадебнаго кортежа, не выступая нигдѣ въ болѣе активной роли. Обязанности свахи и „проводжаты“ выписаны ниже.

Когда дружка пріѣдетъ отъ невѣсты и объявитъ, что она находитъся въ вождѣніи здравіи, женихъ съ тысячию бѣгутъ къ священнику. По возвращеніи ихъ и узнавши, когда прибудетъ священникъ служить молебенъ, дружка опять отправляется къ невѣстѣ съ извѣщеніемъ о времени прибытія священника. Его всякий разъ принимаютъ у невѣсты съ обычнымъ почетомъ и угощаютъ чаемъ, вишней и пр. Тогда невѣста начинаетъ одѣваться къ вѣнцу, по предварительному она тоже выбираетъ себѣ сваху и „проводжату“, которыми также могутъ быть только замужнія женщины. На первыхъ порахъ сваха и „проводжата“ вмѣстѣ съ подружками помогаютъ невѣстѣ одѣться къ вѣнцу. Въ то время, какъ одѣвается невѣста, девушки поютъ:

Какъ ни вьюнъ по тафтѣ извивается,

Широка тафта растягивается...

(Егорушка) на конѣ спотыкается,

Душа (Феанишка) въ терему спаряжается,

Въ высокомъ она сподобляется...

Снарядилась она, сама расплакалась,

Родному батюшкѣ разжаловалась:

Тебѣ Богъ судья, тебѣ Богъ судья, родной батюшка,

Молоду отдаешь во чужie люди,

Во чужie люди, во незнакомые...

Какъ буду жить во чужихъ людяхъ,

Во незнакомыхъ?

Какъ буду звать свекра-батюшку,

Свекровь-матушку?

Свекромъ звать?—такъ не хочется.

На имя звать?—такъ не водится.

Звать-то не звать роднымъ батюшкой,

Родной матушкой...

А у жениха, когда онъ одѣвается, поютъ:

У броду, броду,

У калиноваго моста,

У князева перекола

Тутъ стояли кони,

Тутъ стояли вороные...

Они все подъ козрами,

Они вѣдь гладкими,
 Одинъ конь подъ ковромъ,
 Одинъ конь же подъ шелковымъ...
 Какъ иначе коня не чешеть,
 Какъ иначе коня не гладить,
 (Егорушка) свѣтъ ходить,
 Опъ добра коня гладить,
 По крутымъ бедрамъ треплеть,
 По сивой гривѣ чешеть,
 Самъ дружку снаряжаетъ:
 Ты пойдь-поѣль, дружка,
 Ко (Федосину) двору.
 Ты спроси-спроси, дружка,
 Снарядна-ли невѣста.
 —Какъ еще она не готова,
 Какъ еще она не снарядна...

Поютъ до тѣхъ поръ, пока не одѣнется женихъ; въ послѣдній разъ поютъ:

Какъ совсѣмъ она готова
 И совсѣмъ она снарядна...

Когда священникъ отслужитъ у жениха и у невѣсты молебны, то обыкновенно сейчасъ-же (это бываетъ приблизительно около 11—12 часовъ дня) приглашаетъ ихъ въ церковь для вѣнчанья. Предъ отправленiemъ къ вѣнцу и по уходѣ священника жениха и невѣstu благословляютъ хлѣбомъ-солью і^г иконой.

Женихъ становится посреди комнаты, а его родители, спачала отецъ, за нимъ мать, берутъ поочередно со стола икону и крестообразно благословляютъ ея жениха. Потомъ то-же продѣлываютъ и съ хлѣбомъ. Вмѣстѣ съ родителями благословляютъ жениха и его крестные—отецъ и мать, каждый—своей иконой. При этомъ женихъ кланяется въ ноги отцу и матери, а также и крестнымъ, и цѣлуется съ ними.

Затѣмъ, по окончаніи благословенія, женихъ, дружка, тысяцкая, большой бояринъ, сваха и провожата отправляются къ невѣsti, а родители жениха, крестные и всѣ остальные гости остаются дома.

У невѣсты тѣмъ же порядкомъ происходитъ благословеніе

иконой и хлѣбомъ-солью¹⁾), но не одной невѣсты, а вмѣстѣ съ женихомъ, при чёмъ женихъ и невѣста также кланяются въ ноги родителямъ невѣсты и ея крестнымъ и цѣлуются съ ними. При этомъ дѣвушки поютъ:

Какъ ни груша зелена въ зеленомъ саду зашумѣла,
Какъ ни (Егорушку) у батюшки благословляютъ,
Благословляетъ меня родной батюшка
Ко злату вѣнцу итти
Со суженою, со ряженюю,
Со (Федосьей) душой (Ивановной)...

Затѣмъ женихъ и невѣста, сопровождаемые всей жениховой компанией, а также невѣстиной свахой и провожатой, отправляются въ церковь, а прочие невѣстинны гости и родные остаются въ ея домѣ до тѣхъ поръ, пока не получать, уже послѣ вѣнца, приглашенія на пировые къ моленіямъ.

Впереди свадебнаго поѣзда идетъ невѣстину благословенную икону, а по приходѣ въ церковь сваха разстилаетъ подножки и подъ нихъ кладетъ деньги, чтобы молодые были богаты. Во время вѣнчанья, когда священникъ вѣнчаетъ вѣничальные кольца, тысяцкій трижды мѣняетъ ихъ у жениха и у невѣсты, и при томъ такъ, чтобы въ послѣдній разъ невѣстину кольцо досталось жениху, а его—невѣстѣ. Когда зажигутъ вѣничальные свѣчи, замѣчаютъ, чья свѣча больше сгорѣть, тогдѣ раньше умретъ²⁾.

Послѣ вѣнца, тѣмъ-же порядкомъ, предводимые благословенной невѣстиной иконой, всѣ, бывши въ церкви, возвращаются въ домъ жениха.

Въ то время, какъ идетъ вѣнчанье, собравшуюся у жениха и у невѣсты молодежь угощаютъ обѣдомъ и чаемъ, послѣ чего невѣстинны подружки переходятъ въ домъ жениха, гдѣ и остаются до „окручанья“ молодой, а затѣмъ вся молодежь—какъ парни, такъ и дѣвушки—расходятся по домамъ и въ „пировъ“ уже не

¹⁾ При этомъ адѣль существуетъ такая привѣтка. На дѣвушкѣ невѣста обѣщаетъ своимъ подружкамъ: „замужъ пойду и вѣсь вѣсь за собой уведу: подъ вѣнчанью пойду и скатерть сборою“.. И вотъ если невѣста, выходя съ женихомъ изъ церкви пойдетъ съ скатертью сборою, то это значитъ, что и все подружки, что пировали у неї, выйдутъ въ этотъ годъ замужъ.

²⁾ Есть привѣтка и относительно погоды: если во время свадьбы случится вьюга, то у молодыхъ будетъ „несугласная“ женщина.

принимаютъ участія: При возвращеніи съ вѣнца молодыхъ встрѣчать на крыльцѣ дѣвушки пѣсней:

У рябинушки вершинушку сломали,
А добру коню подъ копытчико бросали...
Стой-постой, рябинушка, безъ вершинушки,
Ты живи-поживи, родной батюшка,
Безъ любезной своей дочери...

Поютъ два раза, во второй разъ обращаются къ родной матушкѣ.

При входѣ молодыхъ въ избу родители жениха берутъ со стола хлѣбъ-соль и, высоко поднявъ руки, держать ихъ на манеръ арки, подъ которой и проходятъ молодые. При этомъ молодой садятся, при входѣ въ домъ свекра, ступить правой ногой на три порога или на 3 ступени,—для того, чтобы любила мужнина семья, а равно и самъ мужъ. Обсыпать хмѣлемъ и встрѣчать молодыхъ въ вывороченныхъ шубахъ здѣсь нѣтъ обычая.

Когда молодые пройдутъ подъ этой аркой и станутъ посреди комнаты, родители и крестные молодого еще разъ благословляютъ ихъ иконами и хлѣбомъ-солью (тѣми самыми, которыми уже благословляли жениха), послѣ чего молодые кланяются въ ноги всѣмъ благословлявшимъ и цѣлются съ ними. Тогда всѣ присутствующіе начинаютъ поздравлять молодыхъ съ законнымъ бракомъ.

Послѣ этого молодой заводить жену за столъ на свое обычное мѣсто и начинается угощеніе чаемъ. Въ то время, какъ пьютъ чай и бываетъ „окручанье“. „Провожаты“ подходятъ къ невѣстѣ и, держа передъ ней полотенце, какъ бы скрываютъ за голову отъ взоровъ присутствующихъ. А свахи въ это время занимаютъ у невѣсты съ головы наколку и, распустивши волосы, начинаютъ заплѣтать ихъ въ двѣ косы, каждая въ свою „косичечку“. При этомъ свахи стараются опередить другъ дружку и какъ можно скорѣе заплести свою косу, такъ какъ здѣсь существуетъ примѣта, что если невѣстина сваха скорѣе заплѣтеть косу, то мужъ помретъ напередъ жены, а если женихова, то наоборотъ: жена умретъ раньше мужа.

Въ это время дѣвушки поютъ окружальную пѣсню, послѣднюю въ здѣшнемъ скадебномъ ритуалѣ:

Зерно мое, зернышко,
Голубиное сѣмячко,

Не могу тебя застяти,
 Не могу тебя завстяти.
 Ни двумя, ни тремя полыми...
 Ни бѣла лебедь возгаркала,
 (Федосья) душа (Ивановна)
 Вздыхала, восплакала
 По своей отъ по русой косѣ,
 По девической красотѣ:—
 Какъ доселъва русую косу
 Заплетали красны дѣвушки
 И вплетали алу ленточку,
 Косоплеточку шелковую...”
 А теперича русую косу
 Разнимаютъ две-на-двое
 Двѣ сваши и двѣ голубушки
 И вплетаютъ косоплеточку,
 Обвивають кругъ буйной головы,
 Надѣваютъ скиму золоту,
 Отдаютъ въ руки (Егорушкѣ):
 Ты владѣй, владѣй (Егорушка),
 Ты владѣй, сударь (Ивановичъ),
 Ты душою-ли красной дѣвушкой,
 (Федосьей) свѣть (Ивановной).

Пойти три раза, пока не „окрутятъ“, т. е. заплетутъ молодой косы и на голову надѣнутъ бабью наколку. Тогда всѣ посторонніе парни и дѣвушки уходятъ со свадьбы и начинается пировье.

§ Пиро́въ.

Мы уже говорили выше, что родители невѣсты (теперь молодой) и всѣ прочие гости съ ея стороны все это время остаются въ ея домѣ. Прежде, чѣмъ ихъ пригласить на пировье, молодыи кладутъ „подъ подклѣть“.

Какъ только окончится „окручанье“, молодые выходятъ изъ за стола и передъ тѣмъ, какъ ити въ „подклѣть“, кланяются въ ноги родителямъ и просятъ у нихъ благословенія „на разрушено дѣства“, на что тѣ благословляютъ ихъ крестнымъ замѣсѧмъ.

„Подклѣтъ“, это—пустая комната, какой-нибудь чуланъ, чаще всего бания, и туда сопровождаютъ молодую всѣ свахи и провожаты, а молодого—дружка. Они же даютъ молодымъ соотвѣтствующія наставленія и первые обозрѣваютъ результаты. „Разрушение дѣства“ считается у сургутянъ святымъ дѣломъ, если пара невинна, и по этому поводу здѣсь говорятъ, что при этомъ дѣлѣ самъ Христосъ присутствуетъ и помогаетъ неопытнымъ.. При осмотрѣ результатовъ свахи замѣчаютъ, что „если кровь на рубашкѣ будетъ ала, то родится мальчикъ, а если сроза, то—дѣвочка“.

Затѣмъ эту рубашку несутъ къ свекру и свекрови, а также показываютъ и всѣмъ прочимъ гостямъ, при чемъ, въ случаѣ благопріятныхъ результатовъ, родители молодого молятся передъ иконами. Если молодая окажется невинной, то, не надѣвая на себя верхнаго платья, она, въ одной бѣлой юбкѣ и повязавшись бѣлымъ платкомъ, обноситъ всѣхъ присутствующихъ водкой, послѣ чего надѣваетъ верхнее платье и убираетъ голову наколкой.

Потомъ съ этой рубашкой свахи, провожаты и дружка отправляются къ родителямъ молодой, которые, пока къ нимъ не приведутъ удостовѣренія въ невинности ихъ дочери, ни за что не пойдутъ на пирожье. Про это здѣсь говорятъ, что родители молодой „ищутся“. И горе той дѣвушкѣ, которая окажется виновной или, какъ въ Сургутѣ выражаются, „никѣмъ“... Тогда ея мужъ и его родня страшно позорятъ ее въ присутствіи всѣхъ гостей, а нерѣдко даже и бьють. Родители же ея въ такомъ случаѣ чуть не цѣнныя сутки „ищутся“, т. е., не смотря на всѣ просьбы и приглашенія со стороны жениховой родни пожаловать къ нимъ на пирожье (а безъ нихъ оно никогда не бываетъ), упорно и многократно отказываются, а затѣмъ, когда прѣѣжаютъ, то еще круче расправляются съ провинившейся дочерью... Любопытно, между прочимъ, что если молодой очень ужъ „ищется“ въ невинности своей жены, то на это ему обыкновенно говорятъ: „ты чего хорохоришься, вѣдь, тебѣ не въ попы ставать“, такъ какъ, по мнѣнію сургутянъ, только отъ поповъ требуютъ, чтобы они брали себѣ въ жены совершенно невинныхъ дѣвушекъ, и что, будто бы, при посвященіиъ объ этомъ спрашиваютъ: „съ поведеніемъ-ли бралъ дѣвушку“, или „безъ поведенія“, и въ послѣднемъ случаѣ не посвящаютъ...

Но нерѣдко, когда даже все обстоитъ благополучно, тесть и его родня все-таки долго не являются на пировье къ молодымъ. Это они „куражатся“, какъ говорятъ сургутяне. А покуражиться въ такихъ случаяхъ здѣсь очень любятъ. И вотъ дружку разъ за разомъ посылаютъ къ родителямъ молодой, пока-то, наконецъ, они прибудутъ съ своими гостями на пировье.

Во дворъ ихъ встрѣчаютъ всѣ собравшіеся у молодыхъ гости во главѣ съ самими молодыми, которые первымъ дѣломъ кланяются въ ноги тестю и тещѣ, при чемъ молодой нерѣдко благодарить ихъ за то, что они „соблюли свою дочку, а ему жену“... Постъ этого тесть и теща благословляютъ молодыхъ крестомъ и поздравляютъ ихъ съ законнымъ бракомъ. Все это происходитъ на крыльцѣ или въ сѣняхъ. Затѣмъ всѣ входятъ въ домъ и начинается собственно пировье.

Молодые засаживаются за столъ въ передній уголъ, а кругомъ разживаются всѣ прочіе гости. Обыкновенно угощеніе начинается чаемъ, за которымъ слѣдуетъ обѣдъ, за нимъ опять чай, а вечеромъ нерѣдко устраиваются и танцы, въ которыхъ принимаютъ участіе присутствующіе на свадьбѣ женатые пары и замужнія женщины, а изъ холостой молодежи—только самые близкіе родственники.

Пирорье обыкновенно продолжается три дня, начиная съ того, когда была свадьба.

При этомъ здѣсь существуетъ любопытный обычай, называемый „выставлять сибирь“. Въ разговорѣ сургутянъ въ свадебные дни часто можно услышать такія выраженія: „Гдѣ ты былъ?—На сибири.—Куда идешь?—На сибирь“.—„Ну какова тамъ была сибирь?—Да ничего себѣ: выставили четверть водки, закуску, ба-бамъ подавали пряники, сахарники“... Дѣло въ томъ, что здѣсь существуетъ обыкновеніе всѣмъ постороннимъ, пришедшімъ поздравить молодыхъ съ законнымъ бракомъ, устраивать (или выставлять) „сибирь“, т. е. угощеніе. Эта „сибирь“ всегда (и даже зной) устраивается на дворѣ. Выносится столъ съ приличной случью выпивкой и закуской и къ нему приставляется кто-нибудь изъ родственниковъ жениха, который и углашаетъ всѣхъ присутствующихъ на дворѣ постороннихъ, которые поздравляли молодыхъ при входѣ въ домъ жениха. Повидимому, это очень старинный

обычай и раньше, по съезде сургутянъ, практиковался въ болѣе широкихъ размѣрахъ и никого не шокировалъ; теперь же, хотя тоже почти на каждой свадьбѣ бываетъ эта „сибирь“ (только уже разъ самые бѣдные не выносятъ угощенія постороннимъ), но на днѣ уже стѣсняются ходить и говорять, что для этого нужно быть смѣлымъ, либо нахальнымъ...

На другой день свадьбы бываетъ, такъ называемый, „блиничатый столъ“. Какъ только молодые выйдутъ утромъ къ чаю, невѣстинна сваха подаетъ имъ на тарелкъ столу блиновъ для предстоящаго стола, за что молодые дарятъ ее обыкновенно полушалкомъ или шалью, которую сваха тутъ-же на себя и надѣвается, и угощаетъ ее виномъ. Въ этотъ день молодая считается уже полной хозяйкой, и первымъ дѣломъ ея хозяйстванья въ днѣ молодого бываетъ угощеніе ею чаемъ гостей, которые съ ранняго утра начинаютъ собираться къ молодымъ. При этомъ сюда приходятъ только, такъ называемые, жениховы гости, а невѣстинны собираются въ днѣ тестя.

Послѣ чая молодой, вмѣстѣ съ тысяцкимъ, отправляется дарить тестя и тещу и всю ихъ ближайшую родню.

Прибывши къ тестю, послѣ обычныхъ привѣтствій, тысяцкій требуетъ подносъ, который и вручаетъ молодому, а самъ кладетъ на него тѣ или другіе подарки (обычнаго типа: что-нибудь изъ одежды—матерію на пиджакъ, брюки, женщинамъ—полушапки, платки и проч.), которые молодой и относитъ, кому слѣдуетъ, начиная, конечно, съ тестя. Въ отдарокъ молодому кладутъ на подносъ деньги, которая принимаетъ отъ него тысяцкій, а самъ кладетъ слѣдующій подарокъ и т. д. Когда молодой одарить всѣхъ, кого надо, его и тысяцкаго угощаютъ виномъ, чаемъ и пр.

Обыкновенно молодой остается до тѣхъ поръ, пока не соберутся къ тестю всѣ его гости. Тогда онъ приглашаетъ ихъ всѣхъ на „блиничатый столъ“ и ведеть къ себѣ. Въ отсутствіе мужа молодая, въ свою очередь, также обдариваетъ мужчину родню, начиная со свекра. Каждому на подносъ дается предназначенный заранѣе подарокъ, за что и ей также въ отдарокъ кладутъ на подносъ деньги. По прибытіи молодого съ тестемъ и его гостями начинается обѣдъ, на которому первымъ блокомъ подаютъ тѣлени, которые устроили прінесла сваха, почему отоль и называется „блиничатромъ“.

чаться". А затѣмъ идетъ обычное угощеніе тѣмъ-же порядкомъ, что и наканунѣ, съ тою лишь разницей, что молодые не садятся за блинчатый столь, а, въ качествѣ хозяевъ, только подчуютъ гостей. Угощеніе, какъ и всегда, затягивается до глубокаго вечера.

На третій день бываетъ, такъ назынаемый, „почестный столь“. Если молодые состоятельны, то пируютъ „на хохайско“, а если бѣдны, то устраиваютъ складчину, кто сколько дастъ, и на эти деньги покупаютъ главнымъ образомъ водку, закуску же къ ней представляютъ обыкновенно сами молодые.

Вечеромъ въ третій день у молодыхъ бываетъ вечерка, на которую приглашаются всѣ тѣ лѣвушки, что были на дѣвицѣ какъ у жениха, такъ и у невѣсты; парни же являются безъ особыхъ приглашеній, какъ и на всякую сургутскую вечерку.

Этой вечеркой у молодыхъ и заканчивается свадьба, а затѣмъ начинается обычная трудовая, будничная жизнь и, въ большинствѣ случаевъ, съ первыхъ-же дней очень не сладкая для молодой.. Я

Въ заключеніе мы считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ о семейныхъ отношеніяхъ у сургутянъ.

Фактически главою семьи у сургутянъ является отецъ, но, по мѣстнымъ обычаямъ, мать считается важиѣе отца, и сургутяне указываютъ массу случаевъ такого привилегированнаго положенія матери. Такъ, напр., они говорятъ: „съ матерью нельзя ити въ судъ—судиться по какому либо поводу (изъ-за наслѣдства, или еще о чёмъ), а съ отцомъ можно“. На мать нельзя занести руку, а на отца можно, если, конечно, онъ вызвать на это. Но мать во всякомъ дѣлѣ права передъ сыномъ (о дочери и говорить нечего). Дѣти обязаны кормить мать, а не отца. Проклятие матери считается самымъ страшнымъ проклятиемъ. Въ случаѣ смерти мужа наслѣдствомъ завѣдуетъ его жена, и если у нихъ есть дѣти, то отъ нея (матери) зависитъ: выдать дѣтямъ какую нибудь часть илипустить ихъ голыми.. „Не дастъ—и ничего не подѣлаешь, не имѣешь права ваять насилию“,—говорить по этому поводу сургутяне и указываютъ нѣсколько случаевъ, какъ мать (вдова) завладѣвала всѣмъ имуществомъ умершаго отца и выдавала дѣтямъ, даже со-вершеннолѣтнимъ и взрослымъ, лишь то, что ей вадумается. Въ связи съ этимъ стоитъ здесь обычай по матери называть всю

семью, таковы, напр., уличные фамиліи¹): Глафириныхъ (по имени бабки Глафиры), Глащихиныхъ (по имени бабки Глашихи-Глазковой) и т. п.

Сургутяне думаютъ, что и писаный законъ (по вопросу о тяжбѣ съ матерью) на ихъ сторонѣ, т. е. въ то время, какъ въ тяжбѣ, напр., сына съ отцомъ будетъ вестись слѣдствіе, при чемъ сынъ можетъ еще избѣжать наказанія,—въ тяжбѣ же съ матерью—по первому заявленію постѣдней—судья (исправникъ²) сразу постановляетъ рѣшеніе въ пользу матери, и непокорный сынъ строго наказывается. Къ сожалѣнію, мы не можемъ подтвердить, дѣйствительно ли полицейскія власти въ Сургутѣ всегда такъ относились къ заявленіямъ матерей и сразу принимали ихъ сторону, такъ какъ при нась не было ни одного случая тяжбы дѣтей съ родителями, каковыя тяжбы, а тѣмъ болѣе съ матерями, здѣсь встречаются крайне рѣдко.

Такое правовое главенство матерей сургутяне объясняютъ тѣмъ, что „мать изъ-за нась болѣзнь принимаетъ, смѣртность, отъ этого и въ пословицѣ говорится про мать: чужой вѣкъ понеси, а свой положи... Это понимаютъ и начальники“ (т. е. судьи)...

Это уваженіе къ матери прекрасно, однако, уживается у сургутянъ съ величайшимъ деспотизмомъ мужей надъ ихъ женами. И вообще положеніе замужней женщины въ Сургутѣ представляется далеко не завиднымъ. Не даромъ же сами сургутяне говорятъ по этому поводу: „замужъ пойти не вѣтку ломить, туть тебя заставлять скакать и плясать и всякому споровлять... По мостинѣ то, говорять, иди, а на другую не переступай... Не такъ живи, какъ хочется, а какъ придется“...

Переходя, затѣмъ, къ иѣкоторымъ ненормальнымъ явленіямъ семейной жизни, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что столь распространенное въ крестьянской средѣ „снохачество“ совершенно неизвѣстно въ Сургутскомъ краѣ. Ни теперь, ни раньше сургутяне не могутъ указать ни одного случая сожительства свекра со свекристою, и даже самого слова „снохачь“ иѣть въ сургутскомъ обиходѣ и оно имъ непонятно.

¹⁾ У сургутянъ почти все имѣютъ по двѣ фамиліи: одну, такъ сказать, официальную, по паспорту, и другую уличную—прозвище, при чемъ вторая зачастіе лучше первой.

²⁾ При нась въ Сургутѣ не было никакого другого суда, кроме полицейского.

Но зато сургутяне указывают на сколько случаев--и нынѣ существующихъ и практиковавшихся въ прежнее время—сожительство родного брата съ родной сестрой. Случаи эти, правда, теперь крайне рѣдки, и обыкновенно ихъ скрываютъ. Общественное мнѣніе относится къ нимъ не совсѣмъ одобрительно, хотя и нельзя сказать, чтобы очень строго. Но раньше такія ненормальные сожительства встрѣчались, повидимому, гораздо чаще и даже пользовались покровительствомъ и поощреніемъ со стороны родителей, какъ на это указываетъ существующій у сургутянъ такой разсказъ: дочь говорить матери: „мама, отданъ меня замужъ, я хочу замужъ пойти“... „А, лура,—отвѣчаетъ мать,—зачѣмъ за чужого мужика ходить, вонъ свой братъ на полатяхъ лежитъ“..

Такъ было въ старину,—говорятъ разсказчики,—но теперь этотъ обычай выводится. Зато въ здѣшнемъ краѣ рѣшительно не считается предосудительными связи „братаниковъ“ съ „сестренцами“ (двоюродныхъ братьевъ съ двоюродными сестрами), и такія связи среди молодежи встречаются очень не рѣдко. На связи же въ дальнѣйшихъ степеняхъ родства, а тѣмъ болѣе свойства, не обращается никакого вниманія, такъ какъ эти родственники и собственники считаются почти совершенно чужими другъ другу. О такомъ родствѣ адѣль существуетъ такая поговорка: „Эка велика родня! У бабушки подоль горѣль, а онъ пришелъ, да руки погрѣть“...

Въ заключеніе разскажемъ еще объ одномъ любопытномъ обычай, который, по словамъ сургутянъ, существовалъ, будто бы, здѣсь даже не въ особенно давнемъ времени. Какъ только дѣвушка подростала настолько, что могла считаться невѣстой, родители, будто бы, водили ее по городу, по всѣмъ домамъ, гдѣ были холостые парни, и предлагали въ жены... Отъ этого,—впрочемъ, очень сомнительнаго,—обычая теперь осталась адѣль только поговорка. Такъ, иерѣдко можно услышать, какъ, напр., бабы, встрѣтившись на улицѣ, ведутъ между собой такой разговоръ: „Ну что, мать моя, замужъ не отдаешь дочку-то?“—спрашиваетъ одна.—„Я за кого ее отдамъ,—отвѣчаетъ другая; развѣ по Сургуту поведу.... Нѣть жениха, не отдашь за быка“...

VIII.

Обычай и обряды при различныхъ случаяхъ обыденной жизни и разныя суевѣрія и примѣты.

Мы говорили уже выше (въ главѣ первой) о нѣкоторыхъ обрядахъ существующихъ у сургутянъ при постройкѣ нового дома. Теперь мы разскажемъ о томъ, съ какими обрядами сургутяне переносятъ въ новый домъ и переводятъ скотину изъ старой загороди въ новую.

Какъ только выстроенный домъ будетъ окончательно готовъ— сложены печи, вставлены рамы, перенесена мебель, назначается особый день для перехода и приглашаются гости. При этомъ въ новыхъ горницахъ полъ устилается сѣномъ, а у иконъ зажигаютъ свѣчи. Гости собираются прямо въ новый домъ раньше хозяевъ и ждуть ихъ, при чёмъ обыкновенно стараются устроить такъ, чтобы среди гостей былъ хоть одинъ опытный старый человѣкъ, которыхъ умѣлъ бы принимать хозяевъ.

На которое время собравшіеся гости молча и съ торжественнымъ видомъ сидятъ и ждутъ. Затѣмъ появляются хозяева, при чёмъ хозяинъ несетъ хлѣбъ съ солью и икону, а хозяйка—кошку, курицу и квашенку. Когда они придутъ и станутъ у дверей стучать, изнутри ихъ спросятъ: „Кто тамъ стучитъ?“ На что они должны отвѣтить: „Хозяинъ съ хозяйствой идетъ, за собой лѣтей ведетъ и скотину ведетъ и святую икону несетъ¹⁾. Господи Іесусе Христе, Сыне Божій, помилуй наасъ!“ За дверьми на это добавляютъ „аминь“. А хозяева говорятъ: „спасибо на аминь“. Этотъ диалогъ повторяется до трехъ разъ. Въ третій разъ говорящій изнутри послѣ „аминь“ прибавляется: „милости просимъ на вѣчную вашу жизнь; дай вамъ Богъ тутъ вѣчно жить и быть“... Постѣ этого хозяева входятъ въ домъ, и начинается пирожье. Пирутъ обыкновенно три дня, при чёмъ въ первую ночь непремѣнно удерживая ночевать стороннихъ людей.

При перемѣнѣ старой загороди на новую, скотъ ведутъ черезъ разостланную шерстяную „опояску“ (поясь), пекутъ маленький хлѣбъ.

1) По другимъ рассказамъ,—хозяева отвѣчаютъ: „Хозяинъ съ хозяйствомъ съ солью, съ пѣтухомъ и курицей, съ кошкой и съ сусѣдушкой“. О переводѣ въ новый домъ старой сусѣдки мы уже говорили раньше, въ гл. I.

бецъ и кладутъ въ новой загороди подъ матку, съ обычнымъ прічетомъ: „вотъ тебѣ, матушка-сусѣдушка, хлѣбъ да соль, а ты солюди нашу скотинушку“...

Въ загородяхъ держать воткнутыми въ стѣну маѣнъки рябиновыхъ вильцы и.и просто рябиновый прутъ: хорошо, говорять, будеть скоту.

Здѣсь будеть кстати сказать о святыхъ, которымъ сургутяне приписываютъ особенное покровительство той или другой скотинѣ. Такими богами здѣсь считаются: Флоръ и Лавръ—конскіе „боги“. Когда лошадь жеребится или опасно заболѣть, имъ ставить свѣчи въ церкви (на святцы) или носить свѣчи въ тотъ домъ, гдѣ имѣется икона этихъ святыхъ.

Модестъ и Власій—коровы „боги“. Имъ тоже ставить свѣчи въ тѣхъ-же случаяхъ, какъ Флору и Лавру. Когда теленокъ играетъ, то, чтобы его не сглазили, его крестятъ и при этомъ говорятъ: „Власій святой надъ тобой! Чего это ты разыгрался?...“

Кирикъ и Улита считаются куриными „богами“, а Акиній пра-ведный—овечій „богомъ“.

При поѣздкѣ куда-нибудь, хотя бы даже не очень далеко, напр., на весновку, верстъ за 10—15 отъ города, здѣсь считается необходимымъ присѣсть на короткое время, при чемъ въ тотъ день, когда кто собирается въ отлучку, не метуть избы, пока онъ не уѣдетъ и не пройдетъ послѣ его отѣзда часа или двухъ.

Если отправившійся на промыселъ встрѣтитъ „пустого“ человѣка (не несущаго чего-нибудь)—кудая примѣта,—ничего не добудетъ; а если повстрѣчается человѣкъ съ ношней,—пустой не вернется съ промысла. Поэтому отправляющимся на промыселъ сургутяне высказываютъ пожеланія: „съ полнымъ встрѣчу!“ И встрѣтившагося такого человѣка (съ пошней) обыкновенно благодарятъ и обѣщаютъ дать ему что-нибудь изъ добычи за то, что попался „полнымъ“.

Если, когда снаряжаешься въ дорогу, на промыселъ или еще за чѣмъ, идетъ дождь или снѣгъ, вообще начинается несчастье, —это предвѣщаетъ счастливое и успѣшное окончаніе пути и предпріятія.

А если, отправившись на охоту или на промыселъ, что-нибудь позабудешь и вернешься съ дороги домой,—промыселъ или ох-

та будуть неудачны. „Когда иллюстрировать въ такихъ случаяхъ, —такъ шуты не будетъ”...

Тоже, если зайцъ перескочитъ дорогу.

Встрѣча съ попомъ¹⁾ въ дни худа: идешь-ли на промыселъ, или въ гости—успѣха не бывать. Если же хочешь, чтобы былъ успѣхъ, то не слѣдуетъ проходить мимо, а нужно подойти къ этому человѣку, если это попъ—подъ благословеніе, а если дьяконъ, то просто поздороваться за руку. Если же пройдешь мимо, то лучше вернуться: успѣха не будетъ.

Въ случаѣ избавленія отъ какого-нибудь несчастія, напр., бури на рѣкѣ, благополучнаго возвращенія послѣ блужданія по лѣсу или во время тумана на рѣкѣ, а также послѣ выздоровленія отъ какой-либо тяжкой болѣзни—сургутяне даютъ обѣтъ (по мѣстному „обѣтъ”, „обѣщаніе”) отслужить молебенъ тому или другому святыму или той или другой иконѣ, при чёмъ, въ случаѣ излеченія отъ болѣзни, дѣлаютъ литые изображенія тѣхъ частей тѣла, которая болѣли, и привѣшиваютъ ихъ къ иконамъ.

При несчастіяхъ дѣлаютъ обѣты завести какую-нибудь икону, или почтать тотъ день, въ который случилось несчастіе; если это небольшой праздникъ, „кладется каятѣ”, чтобы праздно проводить этотъ день, а не въ дѣлахъ и работѣ.

При раздѣлѣ семьи здѣсь исполняется такой обрядъ: передъ дѣлежомъ всѣ участующіе садятся за столъ, на столъ кладется каравай хлѣба, и старшіе разрѣзываютъ его на части по числу дѣлящихся, а затѣмъ приступаютъ къ дѣлежу, который соразмѣряется съ разрѣзаннымъ хлѣбомъ.

Когда начинаютъ садить на огородахъ рѣпу (чѣмъ занимаются здѣсь исключительно женщины), то обыкновенно приговариваются: „Господи, благослови—на вора, на маюра и на разбойничка”... Но практикуется-ли этотъ причетъ и при посадкѣ другихъ овощей, мы не можемъ сказать. Что же касается воровства съ огородовъ овощей, то оно здѣсь широко распространено и отнюдь не считается преступленіемъ, при чёмъ этимъ дѣломъ сплошь и рядомъ занимаются не только дѣти, но и взрослые. Этимъ, между прочимъ, сургутяне объясняютъ то, что на огородахъ они ничего не садятъ, кромѣ картофеля и рѣпки, изрѣдка и „скрадомъ” (тай-

¹⁾ Или вообще со-всѧкими человѣкомъ въ расѣ.

но) лука и рѣпы, хотя здѣсь могли бы хорошо родиться также стурцы, морковь, горохъ и проч. „Не для чего садить, все раскрадутъ, не дадутъ созрѣть“,—жалуются сургутяне и продолжаютъ по прежнему засаживать огороды однимъ только картофелемъ и рѣдькой.

Въ иѣкоторыхъ деревняхъ и селахъ Сургутскаго округа существуетъ обычай заповѣдыванія кедровыхъ орѣховъ, именно: строго воспрещается (какъ взрослымъ, такъ и дѣтямъ) сбивать кедровыя шишки ранѣе 15-го августа, Успеніеваго днія, времени полнаго созрѣванія орѣха. Въ этотъ же день всѣ жители выходятъ въ близъ лежащія кедровыя рощи и производится шумный и веселый сборъ шишечекъ, конечно, только для собственнаго потребленія, такъ какъ сборъ орѣха на продажу (кедровый промыселъ) начинается позже и происходитъ на сравнителѣю отдаленныхъ отъ селеній кедровыхъ островахъ. Къ сожалѣнію, въ самомъ Сургутѣ нѣтъ этого прекраснаго обычая и кедровыя шишки въ окрестныхъ кедровникахъ (такъ называемыхъ „кедровыхъ саимахъ“) оклачиваются за-долго до ихъ созрѣванія, при чёмъ нерѣдко практикуется варварскій обычай срубать молодыя кедрники, на которыхъ нельзя вѣтъ за шишками.

Во время пожара вокругъ горящаго дома обносятъ икону, а въ огонь бросаютъ „пѣтушиное яйцо“, которое, по словамъ сургутянъ, пѣтухъ несетъ передъ своей смертью (по другимъ разсказамъ—черезъ каждые три года).

Если ничего не добудешь въ „перевѣсъ“ (сѣть, которую ловить утокъ) въ то время, какъ другое, спящіе рядомъ, добыли, это значитъ, что „перевѣсъ изурочили“ (сглазили). Въ такомъ случаѣ къ камнямъ на „ушахъ“ перевѣса (которые тянутъ сѣть внизъ) привязываютъ въ тряпочкѣ богословской травы или же обкуриваютъ этой травой весь перевѣсъ (въ поваренку берутъ жару, сыплютъ туда богословской травы и обносятъ вокругъ перевѣса).

Чтобы въ молокѣ было больше „снимку“ (сливокъ), парять подойникъ осиннымъ гнѣздомъ. Нашедши гдѣ-нибудь въ полѣ осинное гнѣзда, осторожно набрасывать на него платокъ и, засунувши въ него, кладутъ гнѣзда на печку, где оно вскипѣстъ, а оси умираютъ. Тогда въ подойникѣ вспахаютъ кипятку и опускаютъ оси.

склонь туда... ушеное осиное гнѣздо, а затѣмъ подойникъ плотно прикрыва, чѣмъ-нибудь часа на два, на три, пока неостынетъ вода, чтобы онъ хорошенько напрѣтъ, послѣ чего подойникъ пріобрѣтаетъ, будто-бы, силу сообщать молоку большій снимокъ.

Съ той-же цѣлью горшокъ, въ которомъ держать молоко, моютъ кислымъ квасомъ съ солью (на горшокъ поль-горсти соли) и ставятъ въ печку, чтобы онъ хорошенько прогрѣлся.

Чтобы вывести изъ дома клоповъ, поступаютъ такъ: берутъ 9 клоповъ, завязываютъ ихъ въ тряпичку и на утренней зарѣ бросаютъ въ рѣку. Такъ дѣлаютъ до трехъ разъ и клопы, будто-бы, выводятся. Кроме того, существуетъ еще слѣдующій заговоръ отъ клоповъ: "я самъ себѣ гость, тѣло мое, какъ кость, кровь моя—смола кипучая, клопъ клопа ъши, самъ себѣ съѣшь". Заговоръ произносится шепотомъ наль кроватю, до трехъ разъ, при чёмъ воспрещается рассказывать объ этомъ другому, иначе заговоръ теряетъ свою силу. Отъ клоповъ помогаютъ также стружки, получившіяся при тесаніи гроба. Ихъ собираютъ и втыкаютъ подъ матку, послѣ чего клопы, будто-бы, разбѣгаются.

Если потерялась собака, то нужно позвать ее по имени до трехъ разъ чрезъ печную трубу въ то время, когда изъ только что затопленной печки выходитъ первый дымъ, и собака явится.

Не стѣдуется возить собаку на лошади, иначе лошадь "возпрѣть" и "пристанеть". Собака, хотя-бы и самая маленькая, необыкновенно будто-бы "парить" лошадь, словно ни вѣсть какая тяжесть.

То-же бываетъ, если въ возу случайно окажется мышь. Подобно собакѣ, она также сообщаетъ возу необыкновенную тяжесть.

Примѣты изъ сферы обыденной жизни.

Лобъ чешется (зудится, свербитъ)—кланяться.

Глаза (или "подглазицы"—скулы)—плакать.

Брови: правая—хвалить, лѣвая—хаить.

Переносица—къ покойнику.

Кончикъ носа— выпить или смотрѣть на пьяного.

Ноадри: правая—ктонибудь родить сына, лѣвая—дочь.

Губы или усы—гостиныѣ ъсть, въ гостяхъ бытъ.

Борода—царапаться.

Языкъ „стrekчется“ (зудится)—съ „вѣтрянымъ“ говорить, т. е. съ такимъ, кто пришелъ съ вѣтру, съ незнакомымъ.

Лицо или уши горятъ—кто-нибудь пересуживаетъ.

Правая ладонь чешется—„корысть“, деньги получать, лѣвая—отдавать.

Локоть—упасть на него.

Правая колонка—„любого“ (любимаго) гостя встрѣчать или „въ любы гости ити“, лѣвая—обратно.

„Сердце“ (подъ ложечкой) чешется—къ досадѣ, спина или жизнь—къ печали.

„Ичется“ (инаяется)—поминаютъ, легко ичется—хорошо поминаютъ, тяжело—рутатъ.

Поперхнешься—кто нибудь торопится.

Если сахаръ расколется при кусанье на части—къ прибылому, —кто нибудь придетъ („и не ждешь, да будетъ“).

Если крошки невзначай выпадаютъ изо рта,—къ покойнику.

Если въ чашкѣ послѣ чая останется спитой чай, это предвѣщаетъ „корысть“ (прибыль).

Закусанный зубами кусокъ нельзя оставлять послѣ себя:—человѣкъ худѣеть отъ этого, а непремѣнно стѣдуется сейчасъ—же его дѣсть; если же кусокъ большой и видно, что сразу его не сѣсть, то не надо брать весь кусокъ, а нужно отломить или отѣлить потребную часть руками.

Уголья изъ печки „выпрыгиваютъ“ (выбрасываются)—къ прибылому.

Пѣтухъ днемъ въ 12 часовъ пропоетъ—къ покойнику.

Если „перевѣсникъ“ (паукъ) спускается прямо противъ глазъ или противъ лица, это предвѣщаетъ „письмо“ (полученіе въ скончаніи времени какого-либо интереснаго письма).

Корова ночью реветь—къ покойнику.

Собаки воютъ—къ неблагополучію.

Если случайно надѣть одежду на изнанку—быть побитымъ, или будешь пьянымъ и упадешь.

Если заговорять вражъ двое или трое—къ прибылому.

Ножикъ тыльемъ стоять—„на свѣжу рыбу ворожить“ (предвѣщаетъ добычу рыбы).

Если въ комнату залетить чайная птица—къ неблагополучію.

Если на человѣка прыгнетъ мышь или ночью забѣжть къ нему подъ одежду или въ волоса,—къ большому несчастію (къ болѣзни его самого или къ смерти кого-либо изъ близкихъ родственниковъ).

Если ночью кто умочится—къ „притчѣ“, къ неблагополучію.

Если ночью кто вздрагиваетъ—къ росту, растеть.

Если при игрѣ въ карты выпадаютъ у кого изъ рукъ карты, тому „остаться“ (въ проигрышѣ).

Если въ именини хозяїки замыщанное ею тѣсто удастся хорю, то предстоящей годъ она проживетъ благополучно.

На „женату постель“ нельзя садиться постороннему: жену съ мужемъ разлучишь. Того, кто сѣть, считаютъ любовникомъ, т. е., какъ будто бы, жена предоставила ему право, въ виду близкихъ взаимныхъ отношений, садиться на кровать.

Если въ „перевѣсѣ“ добудешь „мужичка“—гуся (самца,—гуси крайне рѣдко попадаютъ въ перевѣсъ), то жена родить мальчика, а если „женку“ (самку), то—дѣвочку.

Шить или зашивать одежду на человѣкѣ нельзя: „зашьешь память“.

Если при шитьѣ узлы вяжутся: „неспоровыи“ человѣкъ, кому шьется одежда.

Если кто ночью во снѣ „скорчагаетъ“ (скрипитъ) зубами,— недолговѣкій.

Рыжій человѣкъ—„урочливый“: онъ межеть „уркнуть“, „изурочить“ (сглазить) въ красотѣ, въ удачѣ, въ здоровье.

Черный—счастливый.

У кого волосы жестки—злой (скучной).

У кого волосы пизко растутъ (на шѣѣ)—„семейный“, будешь имѣть большую семью.

Кто боится щекотокъ—ревнивый.

Безбородый—крѣпкотѣлый.

У кого каріе глаза—лукавый, хитрый.

Если ребенокъ смеется во снѣ или синть только на половину, закрывши глаза—недолговѣкій.

Не слѣдуетъ изъ печи выбрасывать головни,—это служить примѣтой, что и всегда онъ будуть оставаться.

Разгадывание сновъ.

По поводу сна у сургутянъ есть повѣрье, что глаза человѣка выскакиваютъ иногда по ночамъ изъ своихъ „глазницъ“ (орбитъ) и блуждаютъ по землѣ. Что они увидятъ, то и будетъ сновидѣніе.

По мнѣнію сургутянъ, сны разсказывать не слѣдуетъ: не будуть больше сниться.

Если видишь во снѣ, что поднимаешься на гору, это значитъ: „на горѣ“, т. е. къ горю, къ печали; спускаешься съ горы,—„съ горя“, т. е. если было какое-либо горе, значитъ, горя не будетъ, —къ радости.

Видѣть во снѣ: сѣно—будеть съ кѣмъ-либоссора, шумъ; муку—будеть мука, непріятность; попа или образъ—къ немочи; вожь—другъ добра желаетъ; лошадей—врагъ будеть; коровъ—„коровѣство“—съ кѣмъ нибудь короводиться, иногда—„смутни“; ситець или холстъ—будеть дорога.

Видѣть кого-либо въ черной шубѣ—бульть досада или печаль, новые сапоги—новое подворье, т. е. на новую квартиру или въ новый домъ переселиться; печь—къ печали.

Если увидѣть, что въ печи упало чено—въ домѣ будеть покойница: тоже, если во снѣ увидишь, что выпалъ зубъ, и если при этомъ было больно, шла кровь—умреть кто-нибудь изъ близкихъ (кровныхъ) родныхъ, въ противномъ случаѣ—изъ дальнихъ.

Если жена увидѣть, что потеряла головной платокъ или егъ снесло съ головы вѣтромъ, то скоро умреть мужъ.

Видѣть во снѣ мѣдпня деньги—къ слезамъ; бумажная—къ счастью: баню—„баснѣ“, къ новостямъ; дѣвокъ—къ диву; бруски—къ радости; черни ягоду—къ слезамъ.

Когда видишь во снѣ, что цѣлуешься съ кѣмъ-нибудь, то нужно, проснувшись, сейчасъ-же укусить подушку (края ея). Если этого не сдѣлаешь—заболить губа; а когда укусишь подушку, то губа заболить у того, съ кѣмъ во снѣ цѣловался.

Плакать во снѣ—къ радости, парня родить—къ „корысти“, воду черпать—къ слезамъ, при чемъ, если во снѣ видишь, что черпать проходится изъ проруби или изъ рѣки, то—чужое горе, въ чужихъ людяхъ плакать, а если изъ калки дома, то предвидится какое-нибудь свое горе.

Если во снѣ увидишь, что поймалъ утку—къ свадьбѣ; видѣть пароходъ или лодку—къ покойнику; пожаръ или покойника—къ морозу.

Быстро въ кладахъ и о разныхъ способахъ сдѣлаться богатыемъ и удачливымъ.

У сургутянъ есть поговорка: „богаче Строгановыхъ не будешь“. Въ объясненіе того, какъ разбогатѣли Строгановы здѣсь существуетъ такое повѣрье.

Даже когда-то жили два брата Строгановы. Оба они были промышленники. Разъ на промыслѣ ночевали они вмѣстѣ. Одному не сталоось. Вдругъ онъ видитъ: катятся по землѣ двѣ звѣздочки. Чѣмъ за ними. Чтобы не забыть дороги, онъ сталъ строгать палку,—стружки и указывали пройденный имъ путь. Звѣздочки, езконецъ, прикатились къ сундуку и затѣмъ повернули обратно къ тому мѣсту, гдѣ ночевали братья, и здѣсь исчезли. Въ это время какъ разъ проснулся другой братъ и говорить первому: „ахъ, какой я дивный сонъ видѣлъ! Будто въ лѣсу подъ деревомъ стоять сундукъ, а въ немъ много, много денегъ“... На утро оба брата пошли по стружкамъ и нашли огромный кладъ. Съ тѣхъ поръ и разбогатѣли.

Такіе случаи внезапнаго обогащенія встрѣчаются, однако, крайне рѣдко и выпадаютъ на долю лишь немногихъ счастливцевъ; но, по мнѣнію сургутянъ, и всякий человѣкъ можетъ пріобрѣсти себѣ богатство, если онъ раздобудетъ только „неразмѣнныи рубль“ или „шапку-невидимку“. Правда, добыть эти вещи очень трудно, но, во всякомъ случаѣ, не невозможно.

Чтобы достать „неразмѣнныи рубль“, обладающій свойствомъ всегда возвращаться къ своему собственнику, если хоть копѣйка отъ этого рубля осталась въ его карманѣ,—прежде всего необходимо запастись „черной кошкой“. Дѣло это, однако, не легкое, такъ какъ нечистый обыкновенно забираетъ себѣ всѣхъ черныхъ кошекъ, сейчасъ-же, при ихъ появленіи на свѣтъ. Поэтому приходится очень зорко слѣдить за какой-нибудь беременной кошкой и лишь только у ней появится черный котенокъ (совершенно черный, безъ малѣйшей иной шерсточки, чтобъ случался весь ма рѣдко), сейчасъ-же надо взять его въ руки. Разъ кошка по-

бывала въ рукахъ человѣка, нечистый уже не можетъ воспользоваться ею. Потомъ съ этой ялкой нужно пойти въ Христовскую заутреню въ церковь и сѣсть на паперти, и когда священникъ, послѣ обхода вокругъ церкви, выйдетъ на паперть и возгласитъ: Христосъ воскресе! — то слѣдуетъ всѣ три раза отвѣтить: „у меня черная кошка есть”... Тогда къ обладателю черной кошки явится нечистый (сургутяне не объясняютъ, въ какомъ видѣ) и станетъ требовать себѣ эту кошку, обѣщая за нее горы золота и всякия блага. Тутъ-то у него и надо требовать неразмѣнныи рубль. А когда онъ дастъ его, нужно какъ можно скорѣе уходить съ этимъ рублемъ изъ церкви, при чёмъ зажженную пасхальную свѣчу слѣдуетъ нести бережно, чтобы не погасла до самаго дома; здесь ставить ее въ передній уголъ подъ столъ, дверь защираютъ и кроплять святой водой, чтобы не могъ зайти нечистый. А онъ непремѣнно погонится, чтобы отнять обратно неразмѣнныи рубль, но будетъ уже поздно. Чтобы задержать нечистаго, прежде чѣмъ нести кошку въ церковь, ее перевязываютъ веревкой со множествомъ крестообразныхъ узловъ и въ такомъ видѣ вручать нечистому. Получивъ кошку, нечистый затрудняется этими узлами и пока возится съ ними, счастливый обладатель рубля успѣває добѣжать до дому и принять всѣ означенныя мѣры противъ вторженія нечистаго.

По другимъ рассказамъ, неразмѣнныи рубль добывается иѣсколько иначе. Именно: берутъ обыкновенный рубль (депозитку) и кладутъ его во время чтенія въ церкви „Дѣяній“ на каменку въ черной банѣ, а затѣмъ, когда вокругъ церкви пойдутъ съ крестнымъ ходомъ, слѣдуетъ взять этотъ рубль, обтереть имъ черную кошку и пойти съ нимъ въ церковь (самую же кошку въ церковь не носять), гдѣ, ставши на паперти, точно такъ-же, какъ и въ первомъ случаѣ, на возгласъ священника: „Христосъ воскресъ“ — отвѣтить три раза: „у меня неразмѣнныи рубль есть“ (въ рифму съ „воскресъ“). Послѣ того рубль этотъ пріобрѣтаетъ свойство „неразмѣннаго“, т. е. всегда возвращается къ своему хозяину въ цѣлости, лишь-бы только онъ получилъ на него хоть грошикъ сдачи.

Но, однако, есть и средство лишить этотъ рубль его свойствъ; для этого нужно проткнуть (приколоть) его иголкой или наса-

дить на проволоку, и тогда ужъ онъ не убѣжитъ и не вернется къ своему прежнему обладателю. А узнать его и отличить среди прочихъ рублей очень не трудно: онъ всегда шевелится, или, какъ говорятъ сургутяне, "имѣть трепетанія", какъ живой...

По некоторымъ рассказамъ, неразмѣнныи рубль, кроме свойства возвращаться въ цѣлости къ своему хозяину, обладаетъ еще способностью вытягивать тѣ деньги, съ которыми онъ бываетъ положенъ; поэтому, если замѣчено (по трепетанію), что среди денегъ есть неразмѣнныи рубль, то не слѣдуетъ его класть въ кошелькъ къ своимъ деньгамъ, иначе онъ ихъ уведетъ.

Здѣсь будетъ не лишнимъ привести одну сургутскую примѣту относительно денегъ. По мѣсяцю сургутянъ, чтобы деньги вошли и дальше держались въ кошелькѣ, ихъ нужно нещемѣнно складывать лицевой стороной наружку и оборотной внутрь; въ противномъ же случаѣ онъ скоро уѣтуетъ.

Есть другой еще способъ разбогатѣть, кроме обладания неразмѣннымъ рублемъ, это—достать папоротниковъ цвѣтъ. Дѣбывается же онъ такъ: замѣтивши заранѣе гдѣ нибудь въ лѣсу папоротникъ, слѣдуетъ въ ночь на Ивана Купала прийти въ лѣсъ и, очертившись Васильевскимъ огаркомъ, сѣсть около куста папоротника и караулить, когда онъ зацвѣтѣтъ. Разцвѣтаетъ же онъ въ самую полночь. Тогда нужно его сорвать и, молча и безъ оглядки, нести домой. Но дорогѣ будуть попадаться разные люди—знакомые и родные, которые станутъ заговаривать, будутъ страшать, но на нихъ не слѣдуетъ обращать никакого вниманія, иначе цветокъ потеряетъ свою силу. Пришедши домой, нужно сейчасъ же, полночи, положить этотъ цветокъ въ церкви подъ престолъ, гдѣ онъ долженъ лежать до Крещенія. Когда въ Крещеніе изъ церкви пойдутъ на юрданъ, слѣдуетъ заскочить въ алтарь и изъ-подъ престола вытащить цветокъ и идти съ нимъ на рѣку. Тутъ явится нечистый и станетъ, во что-бы-то ни стало, добиваться этого цветка. Тогда-то и слѣдуетъ требовать отъ него, чего хочешь, и онъ ни въ чёмъ не откажеть, дастъ какое угодно богатство...

Въ полночь на Ивановъ день дѣлаютъ еще вотъ что: достаѣши совершенно черную кошку, варять ее въ котлѣ въ черной банѣ. Затѣмъ, когда кошку разварятъ до костей, начинаютъ пе-

ребирать всѣ кости передъ зеркаломъ такимъ образомъ: возьмутъ кость, оботрутъ ее полотенцемъ, посмотрятъ черезъ нее въ зеркало и откладываютъ въ сторону. Черезъ иѣкоторое время, будто-бы, непремѣнно дойдешь до такой кости, что когда станешь чрезъ нее смотрѣть въ зеркало, то ничего не увидишь—ни себя, ни кости. Эту косточку и берутъ: она имѣеть свойство скрывать человѣка въ родѣ шапки-невидимки, и у кого она есть, тому легко прошкнуть куда угодно, совершенно не будучи видимымъ другими.

Впрочемъ, у сургутянъ есть повѣрье и относительно шапки-невидимки.

Добывается, по ихъ словамъ, она такъ. Нужно одѣться во все совершенно новое и въ крещенское водосвятіе зарыться на загородѣ въ сѣно, но это сѣно должно быть заготовлено особымъ ма-неромъ еще съ лѣта, а именно: оно должно быть накошено совершенно новой литовкой, на коей не должно быть рѣшительно ничего старого, до черена включительно, сгребено новыми граблями и сношено новыми носилками. Въ загородѣ явится нечистый и начнетъ всячески вышроваживать изъ сѣна, пустить въ ходъ ласки, обѣщанія всякихъ благъ и т. д., но выходить не слѣдуетъ, иначе нечистый тутъ же вилами и задавить. Нужно требовать отъ него шапку-невидимку. Когда онъ ее дастъ, изъ сѣна можно выйти безъ всякаго вреда¹⁾.

Хорошо также имѣть, въ видахъ обогащенія, „разрывъ-траву“. Она уничтожаетъ всякия преграды, вродѣ замковъ, запоровъ и т. д. и даетъ свободный доступъ къ чужому добру. Добыть же ее можно такъ: надо отыскать гнѣздо дрозда (дроздъ кладется въ дуплахъ деревьевъ), входъ въ это дупло заколотить, а кругомъ подъ деревомъ разостлать простыню. Дроздъ, чтобы прошкнуть въ гнѣздо, неизвѣстно откуда принесетъ разрывъ-траву, приложить ее къ затычкѣ, и послѣдняя разлетится, а трава упадетъ на простыню и станетъ достояніемъ искателя.

Эта трава добывается еще такимъ способомъ: если при косьбѣ

¹⁾ По другому разсказу, чортъ на Крещенье зарывается въ такое сѣно, и во время водосвятія слѣдуетъ ити съ лушкой въ загородъ и стараться замочь это сѣно; тогда-то нечистый и замолится, чтобы не зажигали сѣна, тутъ съ него и надо требовать шапку-невидимку.

свалился липовка, то траву, о которую она сломалась, нужно вырвать и сейчас же нести на реку: часть ея всплынет и пойдет против течения, другая потонет. Первая и есть именно разрыв-трава.

Расскажем теперь о тѣхъ средствахъ, которыя, по мнѣнію сутути, сообщаютъ человѣку удачу въ томъ или другомъ отвѣзеніи; напр., въ игрѣ, въ охотѣ, въ добычи дичи и пр.

Чтобы быть удачливымъ въ карточной игрѣ и никогда не проигрывать, совѣтуютъ сдѣлать вотъ что: положить въ кошелекъ копіаку и съ этимъ кошелькомъ пойти въ полночь на кладбище къ тому покойнику, чье имя носишь, и попросить у него „землю на картежную игру“. Затѣмъ, взявши съ могилы землю, возвратить домой, отнюдь не оглядываясь назадъ, чтобы тамъ не представлялось (иначе покойникъ задавитъ); — и имѣя при себѣ эту землю (въ кошелькѣ), никогда не будешь проигрывать.

Чтобы была хорошая добыча дичи, совѣтуютъ, отправляясь въ полѣ, не умываться, Богу не молиться, стельки въ бродняхъ перевернуть съ носковъ на пятки и ни съ кѣмъ не разговаривать — и тогда вернешься съ большой добычей.

Если змѣиной шкурой промыть ружье, то тогда оно будетъ бить безъ промаха, только то мѣсто почернѣеть, куда ударить.

Мыть ружье передъ Христовской заутренней и во время заутрии дѣлаютъ изъ него холостой выпаль. Тогда это ружье будетъ хорошо бить: далеко брать, мѣтко попадать и наполовину убивать.

Если сглазить ружье, то его съ заговоромъ (каковой намъ не удастся записать) ставить на три дня въ ручей, гдѣ люди не ходятъ, казенникомъ по теченію, чтобы вода протекала сквозь стволъ.

Не позволяется женщинамъ старше 22—15 лѣтъ перешагивать черезъ ружье, сѣти, неводъ и пр.: не будетъ удачи въ охотѣ или въ промыслѣ. Дѣвочкамъ — можно.

Если у змѣи вынути „жало“ и зашить его въ руку (сдѣлавъ нѣсколько наручъ и вложивъ туда „жало“), то никто не удержитъ ее отъ укуса: „жало“ будешь смертный“.

Суевьрамъ возвѣтъ сургутанъ на природу и на разныхъ представителей животнаго міра.

«О громъ никто не можетъ знать, кроме Ивана Предтечи, да и толь начать было рассказывать о громъ Божей Матери—и замѣтъ ирикуситъ»,—такъ отзываются сургутяне всякой разъ, когда ихъ спрашиваешь о явленіяхъ грозы, грома и молніи. Но во всякому случаѣ, они полагаютъ, что это—Илья-пророкъ разбѣжаетъ по небу въ огненной колесницѣ и на огненныхъ коняхъ,—это этого мы слышимъ громъ; а отъ колесницы сыплются искры, это и есть молнія. Въ дальнѣйшія же поясненія не входятъ, считая эти явленія совершенно необъяснимыми.

Во время грозы зажигаютъ свѣчи у всѣхъ иконъ и молятся Богу, при этомъ непремѣнно закрываютъ трубу и выгоняютъ изъ дома кошекъ и собакъ, а на окна и въ продушины кладутъ камни (булыжникъ), такъ какъ думаютъ, что чреазъ камень не можетъ проникнуть въ домъ „громова стрѣла“.

Что же касается этихъ громовыхъ стрѣлъ, то мы уже видѣли, что это—тѣ стрѣлы, которыми Богъ, время отъ времени, и по сей часъ поражаетъ дьявола. По мнѣнію сургутянъ, громова стрѣла ищетъ дьявола, гонится за нимъ и ударяетъ его, а онъ въ это время старается принять видъ какого нибудь животнаго: въ полѣ или въ лѣсу видъ мыши или какой-нибудь гадины, а среди жилья поселеній—видъ кошки или собаки,—вотъ почему этихъ послѣднихъ (въ особенности черныхъ) и выгоняютъ во время грозы изъ дома, чтобы онъ своимъ присутствиемъ не навлекли на домъ громовой стрѣлы. У Бога, будто-бы, на этотъ счетъ былъ во времія онѣ разговоръ съ дьяволомъ. Богъ пригрозилъ однажды дьяволу и сказалъ: „буду я насытать на тебя громовыя стрѣлы“... „А я за раба твоего (т. е. за человѣка) спрячусь“,—возразилъ дьяволъ. „Я и рабомъ не пошажу“,—ответилъ Богъ. „Я за линь твой (т. е. за икону) спрячусь,—сказалъ тогда дьяволъ. „Я и линь свою не пошажу“—во гнѣвѣ заключилъ Богъ.... И съ этихъ поръ, по словамъ сургутянъ, всегда можно видѣть, какъ во время грозы начинаютъ бѣгать около человѣка и жаться къ нему разныя животныя: въ полѣ—мыши, а дома кошки или собаки. Это и есть дьяволъ, который въ образѣ мыши или кошки прячется за человѣка отъ громовой стрѣлы...»

По словамъ сургутянъ, цѣлая громовая стрѣла—въ родѣ птицы: и ясъ, и крылья—все, какъ у птицы. Но въ такомъ видѣ она встречается рѣдко, а чаще попадаются лишь осколки ее въ родѣ длинныхъ камней—снаружи черные, а какъ по скоблишь, то бѣлые, какъ мука, и столь твердые, что только се-мой хорошій ножикъ береть ихъ скоблить.

Если молнія разобьетъ дерево, это значитъ, что въ него попала громовая стрѣла, которая черезъ тридцать лѣтъ выйдетъ изъ земли, изъ того мѣста, гдѣ ударила въ дерево. При этомъ сургутяне тщательно собираютъ всякий разъ съ разбитаго молніей дерева всякие щепочки и кусочки, которые имѣютъ значеніе въ мѣстной народной медицинѣ.

Если громовую стрѣлу положить въ переднемъ углу подъ бѣлую чистую скатерть, то можно замѣтить, какъ во время грома она будетъ двигаться подъ скатертью. Вообще сургутяне считаютъ громовую стрѣлу „божиимъ даромъ“, къ которому слѣдуетъ относиться съ большой почтительностью.

Относительно грома здѣсь существуетъ такая примѣта: если громъ два раза ударить надъ стоящимъ на одномъ мѣстѣ человѣкомъ, то непремѣнно нужно отойти (перемѣнить мѣсто), а то въ третій разъ—убить.

Не менѣе загадочными, чѣмъ явленія грома и молніи, представляются для сургутянъ тѣ пятна, что бываютъ видны на лунѣ.

По мнѣнію сургутянъ, это—два брата, Каинъ и Авель, и Авель сидитъ верхомъ на Каинѣ (какъ бы, отмщая ему за свое убийство).

Если пристально и долго смотрѣть на луну, то съ нея можетъ спуститься человѣкъ (одинъ изъ этихъ двухъ братьевъ¹) и оторвать голову смотрящему. Чтобы избѣжать этого, нужно поступить такъ: какъ только замѣтишь, что человѣкъ начнетъ сходить съ луны, такъ сейчасъ же слѣдуетъ бѣжать домой, накрыть столь скатертью, какъ бы, приготовляя закуску, и на столь поставить пустой горшокъ, а самому спрятаться подъ столь. Тогда человѣкъ, что сойдетъ съ луны, войдетъ въ домъ, отыскивая того, кто на него смотрѣлъ, и, увидя горшокъ, приметъ его за голову, спасти обѣими руками и разобьетъ въ дребезги, а самъ исчезнетъ.

¹ Какъ думаютъ сюда луна можетъ спуститься съ неба.

„стокъ задуль, — говорятъ сургутяне, — мало доброго будетъ”); зимой — къ бурану, лѣтомъ — къ дождю.

Полуденный вѣтеръ — „вѣдрый” („вѣтеръ полдень — либо западъ — надо быть вѣдру”).

„Шелопникъ” — Ю.-З. — „развѣдривать”.

„Глубинкъ” — С.-З. — ненастивый.

„Обѣденникъ” — Ю.-В. —уже всѣхъ ненастивый.

„Полупочинкъ” — С.-В. — ни то, ни сѣ.

Если вѣтеръ перемѣняется въ такомъ начинѣ, что послѣ, напр., западнаго дуетъ южный, а за нимъ восточный и т. д., то сургутяне говорятъ: „иши вѣтеръ-то перемѣнился не по-божьи, жди ненастья; въ противномъ же случаѣ, т. е. когда вѣтеръ перемѣняется въ обратномъ порядке — „по-божьи”, то солнцу”, съ запада переходить на сѣверъ, на востокъ и т. д., ургутяне ждутъ хорошей погоды.

Съ какой стороны раздается эхо на вечерней вѣтре, съ той на завтра будетъ вѣтеръ.

Точно также замѣчаютъ: куда „лицомъ” на вѣтеръ садится куропатка, съ той стороны на слѣдующій день будетъ вѣтеръ.

Если облака идутъ въ одну сторону, а вѣтеръ дуетъ въ другую, — предвѣщаетъ перемѣну вѣтра, и именно съ той стороны, откуда идутъ облака.

Если послѣ ненастья, вѣтеръ перешетъ на западъ или на „глубинкъ” — „будетъ прояснявать”.

Если на сѣверъ показался „синій морокъ” (синія тучи), — лѣтомъ — къ ненастью, зимой — къ теплу („морочаетъ съ сиверу, надо быть, отапливать” — говорятъ зимой).

А появившіеся на сѣверѣ болны просвѣты предвѣщаютъ холодъ („все забылось въ сиверу-то, — холодъ будетъ”).

Если солнце „закатается” въ тучу — къ ненастью, чисто — къ вѣдру, „жарѣ” (оранжевый закатъ) — къ вѣтру.

Солнце „въ рукавицахъ” (ложный солнца) или въ столбахъ, — утромъ — къ холоду, вечеромъ — къ теплу.

Если солнце зайдетъ чисто и сразу попадетъ въ тучу, день будетъ плохой.

Если надъ солнцемъ дуга рогами въ противоположную къ солнцу сторону, азотъ и голубаго цвета, — къ снѣгу и къ морозу.

жде красноватые нарости, это— „кукушкин слезы“. А самп листья от этого изнути и блекнутъ.

По другому разсказу, о которомъ намъ приходилось уже упоминать раньше, въ главѣ II. кукушка—проклята Богомъ за то, что на Благовѣщенье вздумала гнѣздо себѣ вить. Отъ этого она теперь и летаетъ по чужимъ гнѣздамъ.

Кукушка считается „вѣщей“ птицей, т. е. способной предсказывать будущее. Такъ, если въ первый разъ услышишь кукаркии кукушки впереди себя, это предвѣщаетъ счастливый годъ, если въ правое ухо—счастливый годъ, т. е. будетъ хорошая добыча всего: рыбы, дичи, звѣря; въ лѣвое ухо—несчастливый годъ, а если сяди себя, то—къ смерти. Она же предсказываетъ, сколько кому осталось лѣтъ жить. Для этого надо подойти къ дереву, где она сидитъ, и спросить: „кукушка, кукушка, сколько мѣсяцій жить жить?“ Она въ это время замолчитъ, а потомъ станетъ кукарковать. Сколько разъ она прокукуетъ, столько лѣтъ и жить.

Лягушка тоже считается у сургутянъ превращенной царской дочерью. Но какъ это произошло, намъ не удалось узнать отъ рассказчиковъ. Указываютъ только, что у лягушки „основы“ та же, какъ у человѣка, тѣ же пять пальцевъ на рукахъ и сзади ноги, и голосъ походитъ на человѣчий.

Больше же всего, по мнѣнію сургутянъ, походить на человѣка по своему обличью—медвѣдь. Онъ обладаетъ и значительной понятливостью, едва-ли не превосходящей даже понятливость самого человѣка,—но о суевѣряхъ сургутянъ, касающихся медвѣдя, повидимому, заимствованныхъ ими отъ остяковъ, мы уже говорили выше въ главѣ III.

Метеорологические ярины.

По мнѣнію сургутянъ, перемѣны погоды, главнымъ образомъ, связаны съ рожденiemъ и ущербомъ мѣсяца. Именно: если мѣсяцъ родился днемъ, то до ущерба простоять хорошая погода, если—ночью, будетъ худая, но опять таки до ущерба. А съ ущербомъ—нужно ждать новой перемѣны погоды, которая опредѣляется по тѣмъ же признакамъ: если ущербъ начнется днемъ, жди худшей погоды до новолуния, ночь—будетъ дурная.

Восточный вѣтеръ (по жѣсткому „стокъ“)—„ненастливый“

Другое совѣтуетъ въ такомъ случаѣ спрятаться подъ поганое корыто (въ которомъ моютъ бѣлье), откуда тоже лунный человѣкъ не можетъ достать смотрѣвшаго.

Вообще, по мнѣнію сургутянъ, во избѣженіе этихъ непріятностей, не слѣдуетъ смотрѣть на луну слишкомъ долго и пристально. Точно также нельзя мочиться противъ луны: будетъ голова трястись.

Обращаясь къ суевѣрнымъ воззрѣніямъ сургутянъ на различнѣйшихъ представителей животнаго міра, мы разскажемъ прежде всего повѣрье о рябчикѣ, объясняющее его сравнительно малую величину, но большой шорокъ, производимый имъ при полетѣ.

Раньше, по словамъ сургутянъ,—впрочемъ очень давно, когда еще Божія Матерь жила на землѣ,—рябчикъ былъ такой же большой птицей, какъ и глухарь, и съ такимъ же бѣлымъ и пѣжнымъ мясомъ, какъ и сейчасъ у него. Но вотъ, однажды шла Божія Матерь по лѣсу и крѣпко о чемъ-то задумалась. Вдругъ вспорхнулъ рябчикъ и, какъ сумасшедшій, бросился въ чащу и своимъ „порхотомъ“ испугать Владычицу... Тогда она сказала ему: „будь же ты отнынѣ малой птицей, но съ большимъ шорокомъ, чтобы всякий охотникъ могъ скорѣе отыскать тебя“. А его пѣжное бѣлое мясо подѣлила между всѣми птицами и животными, оставивъ самому рябчику самую малость. Вотъ почему у каждой лѣсной птицы, у каждого животнаго, даже у рыбъ есть ключки бѣлаго мяса. Это „рябчиково наслѣдство“, подѣленное между всѣми Божіей Матерью...

О кукушкѣ существуетъ у сургутянъ два повѣрья.

По одному, это—превращенная царская дочь, проклятая своей матерью. Проклята же она за то, что разъ, сидя у окна и шали, все говорила: „куку, куку“... И сколько ни останавливалась мать, она все повторяла свое „куку“. Тогда мать разсердилась и прокляла ее, сказавъ: „вѣкъ бы тебѣ въ лѣсу куковать и гнѣздить не сливать“ (по другому варианту: „вѣкъ бы тебѣ государства не вить и все время въ лѣсу жить“)... Послѣ ственного гнѣзда не вить и все время въ лѣсу жить)... Послѣ этого царская дочь и превратилась въ птицу-кукушку, которая каждую весну „такъ-то ли жалостно кукуеть“. И когда она кукуетъ, то плачетъ, и на листьяхъ тѣхъ деревьевъ, где обыкновенно садится кукушка, послѣ этого плача появляются маленькие

если белого и голубаго—къ снѣгу и къ теплу.

Мѣсяцъ въ кругу—къ бурану.

Если новый мѣсяцъ „рогомъ стоять”—къ холоду, а если „котломъ вѣсится”—къ теплу.

Звѣзды сыплются (падаютъ)—къ холоду.

Если роса выпада холодная—къ ведру, теплая—къ ненастю.

Если дождь начнется съ ранняго утра, то къ полдню превѣрить,—поэтому поводу сургутяне говорятъ: „ранній дождь до обѣда”,—а если онъ начнется близъ полдня, то весь день не перестанетъ.

Гдѣ ухаетъ ночью филипъ, оттуда днемъ будетъ вѣтеръ.

Собаки траву щиплютъ—къ ненастю.

Кошки или собаки катаются по травѣ—къ ненастю, по снѣгу—къ бурану.

Кони „храпаютъ”—къ бурану, ложатся—къ теплу.

Куры „щиплютъ“ (ощипываютъ на себѣ перья)—къ бурану, а если поколачиваютъ носомъ въ курятникъ, клюютъ стѣны,—къ морозу.

Кошки „чишуть“ (чихаютъ)—къ ненастю, къ бурану.

Куры встряхиваются: зимой къ снѣгу, лѣтомъ—къ дожду.

Куры „горюютъ”—къ холоду.

Коровы кверху подымаютъ „норку“ (ноздри), нюхаютъ воздухъ,—къ хорошей погодѣ.

Сороки клюются—къ морозу.

Если вороны каркаютъ и отряхиваются,—къ теплу; а если сидѣть молча, нахохлившись,—къ холоду или къ бурану.

Если въ ясную погоду вороны садятся на „сушину“ (на верушки сухихъ деревьевъ),—къ ненастю; а если въ ненастную погоду они садятся на „сырой“ (зеленый) лѣсъ, это предвѣщаетъ перемѣну погоды къ лучшему.

Къ ненастю обыкновенно, по наблюденіямъ сургутянъ, появляются стадами какія-то маленькия „пташки“ и начинаютъ свистывать: „ши-ши-ши“, или, какъ сургутяне говорятъ, „пить, пить, пить“. Появленіе этихъ шикающихъ, или просящихъ пить, пташекъ вѣрнѣе всего предсказываетъ перемѣну погоды къ худшему.

Если „коршунья“ поднимается кверху и скрикиваетъ,—къ

хорошей погодѣ, а если... лягутъ низко—къ худой.

Гагара стонеть и... зачать, какъ ребенокъ,—къ ненастю, гагара гогочеть („ко-ко-ко“)—къ ведру.

Если насѣкомыя (жары, мошки и пр.) подымаются кверху, —жди ненастія.

Если быть хорошей, ведрой погодѣ, то лягушка—холодна, какъ ледъ, а къ ненастю она становится тепла, какъ будто ее кто-нибудь согрѣлъ.

Мочка уха чешется—къ теплу.

Зъ ухъ „сѣра кипитъ“ (въ ухъ зудится, „гамазитъ“—скопляется „сѣра“)—къ теплу, если человѣкъ родился въ теплое время—къ теплу, къ холоду, если родился въ холода.

Въ чель сажа горить—къ морозу.

Если лѣсть „блѣтѣть“—къ холоду, къ бурану; зеленѣть—къ теплу.

Всѣ до сихъ поръ переданныя нами метеорологическія примѣты сургутянъ касаются, главнымъ образомъ, ближайшихъ перемѣнъ погоды, но здѣсь есть цѣлый циклъ примѣтъ, по которымъ сургутяне узнаютъ о болѣе отдаленныхъ моментахъ и которые предвѣщаютъ характеръ цѣлыхъ временъ года, напр., указываютъ, какова будетъ весна, осень, лѣто и т. д. Въ особенностіи здѣсь много существуетъ примѣтъ, по которымъ сургутяне предугадываютъ характеръ наступающей весны и количество имѣющей быть „полой“ воды (весеннаго половодья). Нужно замѣтить, что это послѣднее обстоятельство—характеръ весеннаго половодья—имѣеть чрезвычайную важность для мѣстной промысловой жизни. Обыкновенно весенніе промыслы—ловля рыбы, ружейная охота и ловля сѣтями („перевѣсами“) утокъ и гусей и пр.—всѣ эти промыслы тѣсно связаны и въ сильнѣйшей степени зависятъ отъ того или иного разлива воды и отъ тѣхъ или другихъ особенностей весны, а потому знаніе таковыхъ или возможность предугадыванія ихъ являются для сургутянъ крайне важными, столь-же важными, какъ для крестьянина-земледѣльца примѣты, касающіяся сельско-хозяйственныхъ periodовъ. И сургутяне, действительно, выработали (можетъ быть, конечно, и позанимствовали отчасти отъaborигеновъ—инородцевъ) цѣлый рядъ отсоящихся сюда примѣтъ.

По замѣтамъ сургутянъ, вода въ Оби начинаетъ прибывать съ 1-го апрѣля, съ какового момента здѣсь считается наступленіе весны, ио прилетѣ весенній птицъ начинается иѣсколько раньше. Первой весенней птицей, вмѣсто нашихъ жаворонковъ или грачей, которыхъ тамъ нѣть, въ Сургутѣ считается ворона, которая улетаетъ на зиму (хотя, впрочемъ, зимуетъ не особенно далеко отъ Сургута—въ Тобольскомъ уѣздѣ) и прилетаетъ въ 10-хъ числахъ марта. Мартъ здѣсь такъ и зовется „воронинъ мѣсяцемъ“—прилетаетъ ворона. За нею, къ Благовѣщенью или около того, появляются лебеди такъ называемой „большой станицы“ и „селеznii“ (кряковые утки). Они сплошь и рядомъ прилетаютъ такъ рано, что на рѣкахъ не бываетъ еще полной воды, и первые времена ютятся около „живцовъ“ (при впаденіи въ рѣку быстрыхъ и теплыхъ ручьевъ, гдѣ обыкновенно ледъ бываетъ очень тонкій и рано таетъ) или около незамерзающихъ всю зиму полыней. 1-го апрѣля прилетаетъ „мартышка“ (чайка). Съ этого времени начинаетъ прибывать вода и появляются кой-гдѣ „закраины“ (щолая вода на рѣкѣ близъ берега). „Закраины“ эти все болѣе увеличиваются и къ Василію Наріпскому (12 апрѣля) воды прибываетъ уже около аршина. Появляются гуси, сначала „большой станицы“—буякъ, лехъ, а затѣмъ и малой—„казарка“, „тиковой“—и лебедь „малой станицы“—„лапка“. За ними прилетаютъ утки, сначала „стѣрая утка“: чирки (которыхъ сургутяне называютъ „крестьянами“), вострохвостыя („казаки“), „свеан“ („мѣшане“), плосконосныя („стяки“)¹⁾, а потомъ и „черная“: гоголи („поттары“), чернѣли, головни, кархали, савъ-кулики, лутки и многія другія. Потомъ прилетаетъ болотная птица: зуйки, кулики, бекасы и пр.

Вмѣсть съ утками (въ 10-хъ числахъ апрѣля), когда на по-ляхъ появляется уже небольшія черные „плѣшки“ оттаявшей изъ лоды стѣга земли, прилетаетъ „мышевовъ“ (совы), который тоже улетаетъ на зиму. На зиму улетаютъ отсюда и другія лѣсныя птицы: орёль, коршунъ (обратно прилетаютъ въ февраль, когда здѣсь стоитъ еще полная зима, и потому не считаются весенними птицами) и остаются только тетери („глухарь“—самецъ и „глухарка“—его самка, „кохачъ“—самецъ и „полюшка“—его самка). „Слезки“ (кряковые утки) у сургутянъ известны подъ именемъ „мушковъ“.

ка), куропатки и рабчики, да разныя мелкія „пташки“—дятлы, сороки, снегири и др. Кажется, на зиму остается еще и воронъ.

Послѣдней весенней птицей прилетаетъ кукушка къ Николину дню (9 мая), это уже конецъ весны. Птица садится на гнѣзда или пролетаетъ далѣе на сѣверъ. И хотя промыселъ—ружейный и сѣтями на утокъ и гусей—продолжается, но гласный „лѣтъ“ икъ уже прошелъ. Еще недѣля—двѣ и начинаютъ снимать „перевѣсы“ на утокъ и убирать „станки“ на гусей и лебедей. Но, конечно, бываютъ такія „протяжныя“ весны, когда промыселъ захватываетъ и начало юня. обыкновенно же онъ оканчивается въ 20-къ числахъ мая. Все зависитъ отъ того, велика или мала бываетъ вода, и какова вообще весна. Объ этомъ сургутяне „загадываютъ“ еще съ осени и уже тогда начинаютъ стѣдить за своими примѣтами.

Если осень поздняя, то и слѣдующая за нею весна тоже будетъ поздняя.

Если снѣга больше, то и вода весной будетъ большая. При этомъ у сургутянъ существуетъ замѣта: сколько снѣгу выпадетъ до Николина дня (6-го декабря), столько—и послѣ него въ теченіе всей зимы.

Если на Крещеніе вода выйдетъ изъ „іордани“ (проруби) и затопить крестъ,—большая вода будетъ, а если не затопить—быть малой водѣ.

Если у щукъ потроха зимой жирные—весной будетъ большая вода.

Если мыши зимой вьютъ себѣ гнѣзда высоко въ стогахъ,—къ большой водѣ.

Какова ночь на Авдотью (1-го марта), таковы ночи будуть и всю весну. Ночь наблюдается адѣль потому, что весенне промыслы въ Сургутѣ (ловля въ „перевѣсахъ“ утокъ, ружейная охота на „лывахъ“, въ гумныхъ и лебединыхъ станкахъ и пр.) производятся ночью—на утренней и вечерней заряхъ, и адѣль особенно важно, будетъ ли ночь тихая и „скромная“ или вѣтряная и бурная, когда нельзя сидѣть въ „перевѣсахъ“, да и ружейная охота бываетъ неудачная.

Впрочемъ, говорятъ и такъ: каковъ Авд. „въ день, такова и весна.“

Если въ тѣ числа, когда въ февралѣ было тепло, и въ мартѣ тепло, то весна будетъ ранняя и теплая.

Наблюдаютъ по снѣгу: если въ котлѣ отъ снѣга образуется много воды (наполненный снѣгомъ котелъ при таяніи на огнѣ дастъ $\frac{1}{2}$, и болѣе воды), это предвѣщаетъ большую воду, а если воды отъ снѣга при таяніи получится менѣе $\frac{1}{2}$, котла—къ малой водѣ.

Если сороки начнутъ "топтаться" (спариваться, или иначе еще "раститься") въ февралѣ,—къ ранней веснѣ, въ мартѣ—къ поздней.

Если "желна" (большой сѣрий дятель) начнетъ "трещать" (колотить носомъ въ дерево) въ мартѣ или въ февралѣ,—весна будетъ ранняя, а если въ апрѣлѣ, то—поздняя.

Если "желна" при этомъ бьетъ носомъ часто,—весна будетъ "скороматная" (короткая), а если рѣдко, то—"протяжная", долгая.

Съ Алексѣя Бож്�яго человѣка (17 марта) ледъ отъ воды, снѣгъ отъ земли загорается" (таеть). При этомъ сургутянѣ замѣ чаютъ: если на снѣгу рано появится корка ("настъ") и внутри образуются пустоты, напр., въ серединѣ марта, тогда какъ обычно, "настъ" появляется здѣсь лишь въ началѣ апрѣля,—это предвѣ щаетъ малую воду, а если снѣгъ всю весну лежитъ сплошной, безъ "наста", это—къ большой водѣ; въ первомъ случаѣ, по словамъ сургутянъ, снѣгъ таетъ отъ земли, во второмъ—отъ солнца.

Если "соски" на крышахъ появятся рано,—весна будетъ поздняя; если они при этомъ малы и коротки,—"скороматна" весна, долги—протяжна.

Если весной съ крышъ спускаются большие енѣговыя навѣсы, —къ большой водѣ, а если "свѣсу" иѣть—къ малой.

Если ранней весной (когда только-что стаетъ снѣгъ и когда въ здѣшней мѣстности далеко еще нельзя опредѣлить, большая или малая будетъ вода, такъ какъ она прибываетъ здѣсь до конца июня) въ бору появится много мышей и кротовъ, это предвѣ щаетъ большую воду.

По замѣтамъ сургутянъ, большая вода бываетъ по три года подрядъ, а затѣмъ смѣняется на неопределенный срокъ малой или средней водой.

Чѣмъ раньше начнеть прибывать вода, тѣмъ меныше она бываетъ.

Если вода сначала прибываетъ тихо и понемногу, напр., по вершку, по два въ сутки, это предвѣщаетъ большую воду, а, въ свою очередь, быстрая и большая сразу „прибыча“ воды, напр., по $\frac{1}{2}$, по $\frac{1}{4}$, аршина въ сутки,—указываетъ на малую воду, и про нее говорять, въ такомъ случаѣ, что она скоро „прокатится“.

Приведемъ теперь примѣты сургутянъ, касающіяся другихъ временъ года.

По словамъ сургутянъ, если Сидоровъ день (14 мая) ведрый, то и лѣто будетъ вѣдрое.

Если въ концѣ августа у снятыхъ съ бѣлокъ шкурокъ обнаружится бѣлая мездра, это предвѣщаетъ „скороматину“ осень и указываетъ, что бѣлка „дошла“ (до нормы), такъ какъ у „дошлихъ“ бѣлки вся шкура споднizu бываетъ бѣла, а если не вся бѣла, то шкурка, значитъ, не дошла. Ихъ такъ и продаютъ здѣсь вывороченными шерстью внутрь и головой шкурой наружу, по которой торговцы и опредѣляютъ ея „дошливость“.

Семеновъ день (1 сентября)—хорошій и вся осень хороша.

Если осенью на деревьяхъ появится большая „куржакъ“ (иней)—будетъ урожайный годъ (на ягоды, на гадровые орѣхи и пр.).

Если снѣгъ на „талую“ землю падь—хорій годъ будетъ для людей и для скота.

Если скотина зимой, выходя изъ загороди, несеть во рту „волотъ“ (обѣдки сѣна), или даже осенью, идя съ поля, несеть во рту траву,—это значитъ, что она „чуєтъ голодъ“—въ слѣдующемъ году будетъ голодъ для скота.

Если у весеннихъ утокъ „коробки“ куесныя,—будетъ урожай ягодъ.

Если первый весенний громъ ударить тогдѣ, когда народъ еще голоденъ, напр., ночью передъ утромъ, то это предвѣщаетъ голодный годъ, а если громъ загремитъ, когда люди уже поѣдятъ насыто, то годъ будетъ „сытый“.

Если первый громъ ударить на ледъ, т. е. когда на рекѣ стоять еще ледъ,—это предвѣщаетъ „рыбный годъ“—обильную добычу рыбы.

IX.

Народная медицина.¹⁾

Сдѣлаться знахаремъ (или лекаремъ), по мнѣнію сургутянъ, вовсе не хитро. Стоитъ только взять „Васильевскій огарокъ“ и, отправившись съ нимъ ночью на Ивановъ день (28 июня) въ лѣсъ, забраться въ самую чащу, гдѣ больше всякихъ разныхъ травъ, и, очертивши этимъ огаркомъ широкій кругъ, засѣсть въ него и дожидаться полуночи... А что будетъ въ полночь, обѣ этомъ сургутяне рассказываютъ такъ: „Въ полночь заговорять травы, и всякая трава начнетъ сказывать своимъ голосомъ, отъ какой она болѣзни лечить. Та скажетъ: я лечу отъ хрипоты, другая: а я отъ ломоты... И пойдутъ промежъ нихъ разговоры, всякая трава начнетъ, какъ бы, хвастаться, а ты только сиди, да слушай, да запоминай. А потомъ, расчертившись (огаркомъ въ обратномъ направлениіи тому, какъ очерченъ былъ кругъ), нарви себѣ этихъ травъ, и будешь большими знахаремъ, будешь доподлинно знать отъ какой болѣзни какая трава помогаетъ“... „Но только,—прибавляютъ обыкновенно рассказчики,—для этого большая смѣтливость нужна... Жутко въ лѣсу сидѣть одному до полуночи, а какъ заговорить всякая трава по-своему и начнутъ на нихъ прыгать ёгоньки—на всякой травѣ свой огопекъ: то зеленый, то синій, то красный,—такой страхъ нападетъ, что не выдержишь, только успѣешь расчертиться и убѣжишь“...

Такъ рассказываютъ сургутяне обѣ ужасахъ Ивановской ночи, и въ эту ночь, дѣйствительно, боятся ходить въ лѣсъ, а лекарственные травы предпочитаютъ собирать днемъ, но непремѣнно наканунѣ Ивана Купала. Этимъ дѣломъ обыкновенно занимаются старухи-лекарки, которая и лечать потомъ безвозмездно или за самое скромное вознагражденіе—„чѣмъ поблагодарять“—всѣхъ обращающихся за ихъ помощью больныхъ. Къ врачу или фельдшеру сургутяне обращаются рѣдко, съ большой неохотой и только въ тѣхъ случаяхъ, когда переберуть всѣ свои домашнія средства и послѣднія окажутся бессильными побороть болѣзнь. А въ

¹⁾ Настоящія очеркъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ былъ уже напечатанъ въ „Литературномъ Сборникѣ въ память женщины-врача Е. П. Серебренниковой“, С.-Пб., 1900 г. Здѣсь онъ перепечатывается съ нѣкоторыми дополненіями.

деревняхъ и селахъ, гдѣ, какъ мы видѣли, нѣтъ никакой медицинской помощи, кромѣ жалкихъ оспопрививателей, и поневолѣ приходится прибѣгать только къ доморощеннымъ лекарямъ и лекаркамъ (послѣднихъ здѣсь больше) и лечиться „своими средствіями“.

Эти послѣднія здѣсь столь разнообразны, что нечего и думать о томъ, чтобы описать ихъ въ сколько-нибудь систематическомъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ лекарственными травами тутъ идетъ въ дѣло и масса другихъ разнообразнѣйшихъ средствъ,—начиная какой-нибудь „молчаной волы“ или „переносной землей“ и кончая „спомъ Пр. Богородицы“. Ниже мы представимъ лишь рядъ наиболѣе распространенныхъ въ здѣшнемъ краѣ болѣзней и всѣ известные намъ мѣстные способы ихъ лечения. При этомъ мы будемъ придерживаться исключительно воззрѣй самихъ сургутянъ, такъ что въ ряду этихъ болѣзней, съ одной стороны, могутъ оказаться и нѣкоторая проблематическая, въ родѣ, напримѣръ, болѣзни, появляющейся, по словамъ сургутянъ, отъ того, что съѣшь какую-нибудь пищу, которую понюхала собака или кошка, а съ другой—въ этотъ рядъ могутъ не попасть и нѣкоторая очень существенная болѣзнь, скрываясь въ такихъ неопределенныхъ выраженіяхъ, какъ простуда или ломота въ костяхъ. Вообще нужно замѣтить, что сургутскія болѣзни, повидимому, несложны, по крайней мѣрѣ, по опредѣленію самихъ сургутянъ. Такъ, они различаютъ слѣдующія болѣзни: „лихорадочную болѣзнь, которая, беретъ жаромъ и дрожжомъ“—иначе она называется здѣсь „лихоманкой“ или „кумахой“¹⁾, „сердечную болѣзнь“, подъ которой разумѣютъ отнюдь не болѣзнь сердца, а какое-то желудочно-кишечное разстройство (боль подъ ложечкой сургутяне называютъ: „сердце болитъ“), „горлannую болѣзнь“ (болѣзнь горла), „путрячу боль“ или „боль по внутренностямъ“, „безумку“ (сумасшествіе) и пр.

Наиболѣе распространенные въ сургутскомъ краѣ болѣзни являются лихорадки, ревматизмы и вообще простудные заболѣвания.

¹⁾ Что значитъ слово „кумаха“ въ какого оно корня,—мы не знаемъ, но въ Сургутѣ есть даже пѣсня, гдѣ поется: „кумаха чена не трясывала, громовая не искашивала“... Кромѣ того, употребляются также выражения: „водь ты къ кумахѣ!“ „А кумаха ее знаетъ!“ и т. п.

ванія, что объясняется какъ климатическими и почвенными усло-
віями мѣстности, такъ и образомъ жизни населенія края. Евро-
пейскому жителю трудно даже представить себѣ то обиліе воды,
какое появляется здѣсь лѣтомъ, когда разольется Обь. Намъ уже
приходилось говорить выше, что вода въ Оби начинаетъ прибы-
вать съ 1-го апрѣля и прибываетъ безъ перерывовъ вплоть до
Петрова дня (29-го іюня), т.-е. безъ малаго въ теченіе трехъ мѣ-
сяцевъ, тогда какъ въ европейскихъ рѣкахъ разливъ продол-
жается не болѣе 2—3 недѣль. Затѣмъ зѣкоторое время Обь стоя-
ть на одномъ уровнѣ и лишь съ середины іюля вода начинаетъ
сбывать, чтобы только къ сентябрю стать „въ трубу“. Такимъ об-
разомъ, помимо естественныхъ болотъ, которыхъ здѣсь тоже дѣ-
статочно, Обь своими разливами дѣлаетъ болотистыми на лѣтнее
время (по спаду воды) и всѣ затопляемыя ею окрестности и этимъ
создаетъ, конечно, благопріятную почту для всевозможныхъ ли-
хорадочныхъ заболѣваній. Кромѣ того, этому же способствуютъ
и мѣстные промыслы, особенно рыбные, которые происходятъ здѣсь
главнымъ образомъ весной и осенью; при суровомъ и крайне не-
постоянномъ сургутскомъ климатѣ и при необходимости все это
время бродить въ водѣ, эти промыслы, конечно, не мало содѣй-
ствуютъ развитію ревматическихъ и легкихъ простудныхъ забо-
лѣваній. Словомъ, для развитія „костѣй болѣзни“, какъ выра-
жаются сургутяне, куда они относятъ и лихорадку, такъ какъ отъ
ней кости ломить, здѣсь слишкомъ же достаточно причинъ.
И дѣйствительно, трудно встрѣтить сургутянина, который въ той
или другой формѣ не отдалъ бы дань лихорадкѣ или не страда-
ль бы ревматизмомъ, особенно подъ старость, не говоря уже о
легкихъ простудныхъ заболѣваніяхъ, которымъ, впрочемъ, сургу-
тияне не придаютъ значенія и обыкновенно не принимаютъ про-
тивъ нихъ никакихъ особыхъ мѣры: склонять въ баню и поста-
райтесь, если есть возможность, отлежаться дома. Но что касается
лихорадки, то здѣсь ее считаютъ одной изъ самыхъ злыkhъ бо-
лезней, отъ которой ужъ не отдѣлаешься одной баней, и противъ
ней сургутяне употребляютъ массу всевозможныхъ средствъ. А о
самой болѣзни здѣсь существуетъ даже повѣре, что это—цѣлая
семья, состоящая изъ 12 сестеръ, которыхъ трясутъ и колотятъ че-
ловѣка, при чемъ, когда наступаетъ особенно сильный пароксизмъ

болѣзни, это дѣйствуетъ самая главная сестра—12-я¹). Всѣ эти 12 сестеръ—порожденіе знаменитой Иродіады, жена Ирода, потребовавшей голову Іоанна Крестителя. Въ силу этого же повѣрья специальнымъ цѣлителемъ лихорадки считается Іоаннъ Креститель, или, какъ чаще зовутъ его сургутянѣ, Иванъ Предтеча, котораго обыкновенно величаютъ въ такихъ случаяхъ: „многомилостивъ и исцѣлитель всей костной болѣзни!“.

По мнѣнію сургутянъ, лихорадка можетъ принимать иногда даже и человѣческий образъ и вообще дѣйствовать, какъ какое-то особое живое существо. Поэтому однимъ изъ самыхъ радикальныхъ средствъ отъ лихорадки сургутянѣ считаютъ лечение въ черной банѣ. Сущность этого лечения состоитъ въ томъ, что больной на время приступа лихорадки долженъ въ банѣ (обязательно черной) залѣзть на каменку и лежать тамъ безмолвно и неподвижно. Во время приступа лихорадки къ нему въ банию явится сама лихорадка въ человѣческомъ образѣ (только, по словамъ сургутянъ, лица у неї не видно) и начнетъ всячески страшить больного, будто его задавить „банна сусѣдка“, или что вотъ на него упадетъ печка и задавить его камнями и пр. И станетъ эта „лихорадка“ всячески вызывать больного на разговоръ или на какое-нибудь дѣйствіе. Но больной долженъ все время молчать и лежать, какъ мертвый, и даже не можетъ перекреститься. Если онъ выдержитъ это испытаніе, то „лихорадка“ разозлится, что не сумѣла никакъ потревожить больного, облюетъ ему лицо и убѣжитъ. Послѣ этого у больного лицо „опрыщивѣть“ (покроется прыщами) и ему станетъ легче. Значить, лихорадка его бросила. Но если же больной какъ-нибудь пошевелится или чтонибудь проговорить на застращиванія „лихорадки“, то послѣдняя примется еще злѣй и тошнѣй его трепать.

Второе средство отъ лихорадки—уйти въ погребъ, при чёмъ ити на погреба обязательно нужно „взапятки“ (задомъ), и про-

¹) Эту 12 сестеръ лихорадки напоминаютъ другую болѣзнь, которая бываетъ въ Сургутѣ на скотѣ и известна здесь подъ наименіемъ „ноготь круглой“. Болѣзнь эта, по словамъ сургутянъ, бываетъ какъ у коровъ такъ и у лошадей и выражается въ томъ, что у скотины голова „стынетъ“, и скотина не можетъ ходить, тащить задний ногу а затѣмъ ломается, не есть и окочѣваетъ. По мнѣнію сургутянъ, „ноготь круглой“ тоже, подобно лихорадкѣ, состоять изъ 12 „ногтей“. Послѣдній—12-й самый сильный. Если захаръ выпечетъ 12-и „ногтей“, то скотъ должна помрѣсть.

сидѣть тамъ все это время одному взаперти. Повидимому, это значить просто скрыться отъ лихорадки, конечно, съ известными предосторожностями (взапятки, чтобы слѣдъ шелъ отъ погреба). Но лихорадка тѣмъ не менѣе будетъ искать больного, и если не найдетъ, то больному будетъ легче. Если же въ это время, несмотря на запоры, кто-нибудь явится къ больному въ погребъ, это значитъ пришла лихорадка въ человѣческомъ образѣ, которая, разыскавъ свою жертву, станетъ еще больше ее мучить. Съ этой же цѣлью скрываться отъ лихорадки совѣтуютъ подъ опрокинутую кадку или накрываютъ больного во время пароксизма „поганымъ“ корытомъ (въ которомъ моютъ болѣе и которое здѣсь имѣеть какое-то особенное значеніе и употребляется при нѣкоторыхъ гаданьяхъ).

Впрочемъ, по понятіямъ сургутянъ, лихорадка можетъ принимать и не только человѣческий образъ. Такъ, если во время пароксизма болѣзни на больного сядеть муха, то совѣтуютъ сейчасъ же ловить эту муху и садить ее въ какой нибудь кожаный мѣшочекъ (предпочтительно въ „пузырь“ отъ тетерьки—опорожненный тетеревинный желудокъ). А затѣмъ этотъ мѣшочекъ съ мухой бросить въ печку, и когда онъ сгоритъ, то болѣзнь, по словамъ сургутянъ, будетъ вырвана съ корнемъ.

Обращаясь теперь къ другимъ средствамъ, которыхъ употребляютъ сургутяне отъ лихорадки, въ нижеслѣдующемъ спискѣ я отнюдь не думаю исчерпать ихъ всѣ, а привожу лишь наиболѣе известныя. Вотъ эти средства.

1) Если тихо подкрасться къ тому дереву, на которомъ кукуетъ кукушка, и взять изъ-подъ дерева землицы или отколупнуть съ этого дерева кусочекъ коры, то эта землица или кора помогаютъ отъ всѣхъ болѣзней, но „наиначе отъ лихоманки“.

Специально же отъ лихорадки употребляются слѣдующія средства:

2) Пить настой полыни (такой консистенціи, чтобы онъ былъ „жаркого“ цвѣта). Если съ полыни вырвать больного, то этой рвотой обмазываютъ ему все тѣло до лица включительно. Послѣ этого, по словамъ сургутянъ, на тѣлѣ и на лицѣ больного должны появиться прыщи и другія „больнички“. Это значитъ, что лихорадка „оплевала“ больного и бросила, послѣ чего больной

обязательно долженъ выздоровѣть. Вообще, если больной лихорадкой „опрыщается“, это всегда служить симптомомъ выздоровленія. Съ этой же цѣлью во время пароксизма напиваются до рвоты виномъ и затѣмъ мажутъ себя этой рвотой, послѣ чего больной, будто-бы, долженъ „опрыщевѣть“ и выздоровѣть.

3) Даютъ пить больнымъ настоящий въ водкѣ нюхательный табакъ съ сырымъ яйцомъ (чѣмъ крѣпче, тѣмъ лучше).

4) Пьютъ настоящий въ теплой водѣ порошокъ мамонтова рога.

5) Поятъ больныхъ рѣдечнымъ сокомъ, выжатымъ изъ тертой рѣльки, съ какимъ-то наговоромъ.

6) Пьютъ дѣтскую мочу (отъ дѣтей не старше 5-лѣтняго возраста), мужчины—отъ мальчиковъ, женщины—отъ дѣвочекъ.

7) Пьютъ медвѣжью желчь, настоящую въ водкѣ.

8) „Нахлебываются“, сколько можно вмѣстить, простокваші.

9) Пьютъ настой въ водѣ или въ водкѣ (густой, какъ смола) осенней коры, при чемъ, однако, въ дѣло идетъ не всякая осина, а отыскиваютъ непремѣнно группу изъ трехъ осинъ и съ одной изъ нихъ берутъ кору.

10) Ложатся спать на навозной кучѣ.

11) Купаются въ холодной водѣ.

12) Окачиваютъ врасплохъ больного холодной водой.

13) Пугаютъ больного, наприм., стрѣляютъ изъ ружья близъ ~~своего~~.

14) Мажутъ дегтемъ руки, ноги и спину больного (крестообразно).

15) Даютъ глотать катышки чернаго хлѣба, съ какимъ-то наговоромъ на бумажкѣ, завернутой въ хлѣбъ.

16) Кладутъ подъ подушку или вообще подъ постель высушенную змѣю или надѣваютъ на шею больному зашитый въ тряпочку змѣиный „кожухъ“ (оставленную ею кожу при линяньи, которую иногда находятъ въ лѣсу).

17) Даютъ ъсть больному пирогъ съ начинкой изъ сороки.

18) Кладутъ подъ подушку кости падали такъ, чтобы больной не знать обѣ этомъ.

19) Прячутся въ печь передъ приступомъ лихорадки.

20) Пьютъ настой „троецвѣтки“ (трава съ тремя цветками „шишечкой“—голубымъ, алымъ и желтымъ) въ водѣ или водкѣ,

настоянныи до тѣхъ поръ, чтобы получился „жаркій“ цвѣтъ. Настой въ винѣ считается болѣе полезнымъ.

21) Съ дерева, разбитаго молнией, берутъ щенки и обкуриваютъ ими въ комнатѣ больного или кладутъ ихъ больному подъ подушку.

Отъ простуды, выражающейся въ появлениіи большого жара, часто съняемаго ознобомъ, ломотой костей и проч., пьютъ настой бодульнника вмѣсто квасу. Пьютъ еще отъ простуды настой пихты. Съ толкихъ вѣтокъ пихты соскабливаютъ кожницу :: вмѣстѣ съ иглами наступаютъ въ водкѣ. Пьютъ чатошакъ по рюмкѣ и больше. Настой пихты пьютъ еще и отъ чахотки¹⁾.

Отъ ломоты въ ногахъ простуднаго происхождения дѣлаютъ „муравейну ванну“. Приносять изъ лѣсу въ мышкѣ муравьевъ и всыпаютъ ихъ въ кадку съ горячей водой, чтобы они околѣли. Затѣмъ охлаждаютъ воду до того состоянія, чтобы было „въ утерпѣ“ (можно было терпѣть), и ставятъ туда ноги, закрывши ихъ одѣяломъ, и держать ихъ до тѣхъ поръ, пока не остываетъ вода. Дѣлаютъ это до трехъ разъ черезъ день. Кроме того, отъ той же болѣзни употребляютъ еще ванны изъ кислой гущи изъ-подъ квасу, „елочекъ“ (хвор) пихты и конскаго кала. Всѣ эти ванны приготавливаются тѣмъ же способомъ, какъ и описанная выше „муравейна ванна“.

Наконецъ, отъ ревматизма въ погахъ носять въ стелькахъ (на днѣ обуви) волчье лыко или кладутъ ноги въ свѣжіе березовые листья. Даѣте, отъ ломоты въ костяхъ втираютъ въ большое място размоченную въ водѣ болягу или, какъ ее называютъ сургутяне, „вотягу“, „вишь“.

Прикладываютъ къ больному мяstu лютикъ (растеніе, извѣстное и сургутянамъ подъ именемъ лютика же)—средство въ родѣ мушки, но сильнѣе. Какъ и при мушкѣ, отъ лютика нарываетъ водяністый пузырь. Дѣйствуетъ только свѣжій, только-что сорванный съ корня.

При ломотѣ въ костяхъ и боли въ спинѣ, или въ груди, или

¹⁾ Отъ чахотки же, къ слову сказать, весьма мало распространенной въ Сургутскомъ краѣ, пьютъ еще „дегтеву воду“. Деготь кладутъ въ отварную воду, потомъ воду сливаютъ и процѣдываютъ сквозь чистую ватошку и пьютъ по три рюмки въ день.

въ головъ (простудного происхождения) „жгутъ ядно“. На больное мѣсто кладутъ кусочекъ сырого трута величиной съ кедровый орѣхъ и зажигаютъ. Когда трутъ прогоритъ, образуется рана, которую прикладываютъ свѣжей зайчиной съ мыломъ. Рана загнаивается и изъ нея вытекаетъ „дурь“,—по объясненію сургутянъ, эта „кровь перегнаивается и дѣлается дурью“, ее протираютъ ветошкой и затѣмъ вновь накладываютъ заячьей шкурой съ мыломъ. Первая зайчина лежитъ сутки, но въ теченіе этого времени ее нѣсколько разъ снимаютъ и „обиживаютъ“: спрыскиваютъ свѣжей водой и вновь намыливаютъ. Когда рана начнетъ заживать, больному станетъ легче. Средство это употребляется здесь вмѣсто баниокъ или пылькоѣ для пускания крови.

При ломотѣ въ поясницѣ встряхиваютъ больного такъ, чтобы у него „хрупнуло“ въ спинѣ. Если въ спинѣ при этомъ „хрупнуть“, то, по словамъ сургутянъ, больному станетъ легче.

Кромѣ того, при боли въ пояснице ложатъ еще на тѣлѣ медвѣжій зубъ, такъ чтобы онъ лежать на пояснице.

Отъ ломоты въ руку, когда говорятъ, что „рука развилась“, обвязываютъ руку у кисти или у плеча (смотря по тому, гдѣ сильнѣе чувствуется боль) ниткой, свитой „наотмашь“ (за спиной).

Отъ зубной боли, которая здесь тоже очень распространена и, вѣроятно, всего чаще вызывается простудой, сургутяне употребляютъ слѣдующія средства: прикладываютъ къ больному зубу завернутый въ ветошку толченый чернильный орѣшекъ, кладутъ на зубъ, тоже въ ветошку, листовой табакъ или трубочный сокъ, прикладываютъ къ зубу рѣпчатый лукъ, совѣтуютъ есть мышиные объѣдки, т. е. обгрызенный мышами хлѣбъ или что-нибудь подобное, и употребляютъ еще какіе-то наговоры.

Послѣ простудныхъ болѣзней, которыя мы только что разсмотрѣли, наибольшее распространеніе въ Сургутскомъ краѣ имѣютъ болѣзни, такъ сказать, бытовыя, т. е. обусловленныя самимъ образомъ жизни и обстановкою быта сургутянъ. Сюда можно отнести накожные болѣзни, обусловливаемыя, главнымъ образомъ, грязью и нечистоплотностью, какъ домашней, такъ и промысловъвой обстановки, травматическія поврежденія, вызываемыя промысловымъ образомъ жизни, и разстройство кишечно-желудочнаго

канала. Эти послѣднія тоже вызываются чисто мѣстными условіями и прежде всего недоброкачественностью воды, которая лѣтомъ почти вездѣ получаетъ болотистый характеръ. Кромѣ того, у сургутянъ существуетъ скверный обычай есть гнилую, совершенно протухлую и рѣжущую глаза рыбку (такъ называемую, по мѣстному „загорѣлу“), которая издаетъ такое зловоніе, что даже мимо того дома, где єдятъ эту рыбку, нельзя пройти, не затыкая носа. А между тѣмъ рыбку въ такомъ состояніи сургутяне єдятъ отнюдь не отъ недостатка или бѣдности, но считаютъ ее лакомствомъ, находя въ ней какой-то особенный вкусъ.

Мы не говоримъ уже о томъ, что сургутяне, подобно всѣмъ вообще сибирякамъ, съ большимъ удовольствіемъ єдятъ сырую рыбку, какъ мералую (такъ называемую „стружанину“ или, по сургутски „патанку“), такъ и только-что пойманную изъ воды, при чемъ ее сплошь и рядомъ тутъ же на вашихъ глазахъ распарываютъ и съѣдаются. А благодаря всему этому, кромѣ катаральныхъ разстройствъ желудка, здѣсь перѣдки случаи солитера и глистовъ.

Обращаясь къ накожнымъ болѣзнямъ, мы прежде всего встрѣтимы съ разнообразными средствами, употребляемыми сургутянами для лечения чирьевъ и прыщей на лицѣ. Такъ, для устраниенія ихъ моются „четвережной“ (иначе „четверговой“) солью.

Когда нарывается чирій, отыскиваютъ какой-либо сукъ и крестять по суку безъимяннымъ пальцемъ, приговаривая: „какъ сукъ сохнетъ, такъ и чирій сохни“, до трехъ разъ. Затѣмъ, приговаривая то же самое, чертятъ тѣмъ же пальцемъ по чирю.

Иногда просто потираютъ по чирю безъимяннымъ пальцемъ, приговаривая: „какъ безъимянному пальцу имени нѣть, такъ и тебѣ, чирю, мѣста нѣть“.

Прикладываютъ къ чирю овечью шерсть со сметаной. Прикладываютъ также свѣжую запчину, небольшой лоскутокъ, шкурой къ чирю, шерстью вверхъ.

Найденецъ, отыскиваютъ таракана, разрываютъ его и мажутъ чирій.

Отъ рябинъ (пятенъ на лицѣ) мажутъ лицо березовымъ сокомъ. По мнѣнію сургутянъ, если утереться тѣмъ же полотенцемъ, которымъ утирается больной этими рябинами, то пятна могутъ пе-

рейти, но только со старшаго на младшаго по лѣтамъ или на ровню, а не наоборотъ: съ младшаго на старшаго пятна не переходить. Также переходять, по мнѣнію сургутянъ, отъ старшаго къ младшему, и тѣ пятна, чѣмъ бываютъ на лицѣ у беременныхъ женщинъ (такъ называемыя „матежи“), но только переходять они съ женщины на женщину же, при чѣмъ могутъ перейти и къ небеременнымъ, если утереться полотенцемъ, которымъ утирались женщины съ „матежами“. Чтобы избавиться отъ нихъ, совѣтуютъ пойти въ баню съ той женщиной, отъ которой перешли „матежи“, и тайкомъ отъ нея утереться воротникомъ ея бывшей рубашки, которую она приносila на приемъ въ баю.

Отъ корости мажутся леѣтъ или сметаной съ толченымъ купоросомъ. Это же средство (сметану съ толченымъ купоросомъ) употребляютъ и отъ венерическихъ болѣзней¹), когда появляются струпья. Кроме того, струпья отъ венерическихъ болѣзней присыпаютъ еще солью.

Къ нарываемъ, отъ чего бы они ни происходили, прикладываютъ рубленую морковь (лѣтомъ свѣжую, зимой обмоченную въ водѣ),—вытягиваетъ жаръ и способствуетъ заживленію.

Прикладываютъ еще кашу изъ солдатской крупы на молокѣ, теплую, и когда она остынетъ (высохнетъ) замѣняютъ ее свѣжей и теплой. Гдѣ быть провалу, тамъ почернѣть, тогда на это мѣсто прикладываютъ чѣго-нибудь „ядучаго“—сѣную лепешку на меду или на постномъ маслѣ. Если нарывъ не прорвется и послѣ этого, тогда кладутъ на него какую-нибудь серебряную вещь, напр., монету. Когда сдѣлается провалъ, тогда вѣрятъ желтый воскъ на деревянномъ маслѣ, въ родѣ пластыря, и прикладываютъ его на ветошкѣ къ больному мѣсту,—вытягиваетъ жаръ и живитъ.

Если же нарвы бываютъ подъ мышками, что сургутяне называютъ: „собачи титьки“ (отчего они приходить сургутяне не объясняютъ,—мнѣ же не доводилось ихъ увидѣть), то лечать ихъ, прикладывая къ нарываемъ кислое тѣсто изъ ветошкѣ. При этомъ употребляютъ какой-то наговоръ. Хлѣбъ въ томъ бросаютъ собакѣ.

¹⁾ Вопреки общераспространенному мнѣнію, среди русского населения Сургутскаго края сифилис и вообще венерические болѣзни встречаются очень рѣдко, что, вероятно, объясняется совершеннымъ отсутствиемъ въ этомъ дикомъ краѣ продолжительной проституціи.

Отъ „притки“ (опухоль и краснота на ногахъ или на щекахъ) прикладываютъ красное сукно, натертое мѣломъ. (А отъ „колки“ (колотья) въ груди прикладываютъ къ больному мѣсту синее сукно, или синюю сахарную бумагу, и пьютъ синьку).

Отъ язвы, которая бываетъ на пальцахъ и известна у сургутянъ подъ именемъ „эмъевца“, прикладываютъ къ больному мѣсту свѣжій человѣческій калъ, и когда онъ подсохнетъ, замѣняютъ его новымъ.

Обвязываютъ также палецъ нюгательнымъ табакомъ. О самой болѣзни сургутяне думаютъ, что въ пальце зарождается какой-то мохнатый червь, который, если его вѣ-время не уничтожать, вырастаетъ и можетъ „щениться“, и отъ него пойдутъ мелкие черви. Поэтому, пока „эмъевецъ“ (иначе „олосень“) въ самомъ начать, надо его „заморить“, опуская болѣй палецъ въ горячую воду и держа его тамъ, сколько можно терпѣть.

Отъ „ячменя“ (на глазу) некуть небольшой каравашекъ изъ кислого тѣста, разламываютъ его и горячимъ паромъ отъ него подпариваютъ „ячмень“, а затѣмъ хлѣбъ этотъ бросаютъ собакѣ (при чёмъ непремѣнно почему-то сукѣ).

Отъ летучаго огня, или когда губы трескаются (по мѣстному: „перевѣриваются“), мажутъ „сѣрой“ изъ ушей. „Летучий огонь“ еще пересѣкаютъ искрой: подставивъ легонько плашку (огниво) къ больному мѣсту, высѣкаютъ надъ послѣднимъ огонь и стараются такъ, чтобы искры попали на „больнушку“, отчего, будто бы, она проходитъ.

Отъ „золотухи“ собираютъ листья смородины и настаиваютъ ихъ въ водѣ (полъ горшка листьевъ и половина воды). Горшокъ этотъ замазываютъ прѣснымъ тѣстомъ, въ родѣ покрышки, и ставятъ на сутки въ печку. Настоемъ мочатъ голову, если золотуха выражается въ головныхъ сыпяхъ, и затѣмъ завязываютъ голову чѣмъ-нибудь теплымъ, чтобы она не охлаждалась. Кромѣ того, пьютъ этотъ настой вмѣсто квасу.

При этой болѣзни, по словамъ сургутянъ, нельзя есть „щучину“, яицъ, чернаго хлѣба, свинины, соленаго и нельзя пить кислого кваса. Если золотуха выражается въ нарывахъ, то къ этимъ наривамъ кладутъ тонкую лепешку изъ круичатой муки на меду или на деревянномъ маслѣ. Нарывъ тогда лопается и

выходить „дурь“. Медовая лепешка скорѣе „прорываетъ“, а съ деревяннымъ масломъ скорѣе „заживляетъ“ рану.

Пить еще отъ золотухи окуневый жиръ и имъ же смазываютъ опухоли.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію лечения травматическихъ поврежденій, мы разскажемъ здѣсь объ употребляемыхъ сургутянами средствахъ для заживленія переломовъ и порѣзовъ, а также и о леченіи разныхъ укусовъ, уколовъ и проч.

При порѣзахъ для остановки кровотечения присыпаютъ рану солью или толченымъ углемъ; прикладываютъ также къ ранѣ листъ „попурника“ (подорожника).

Для остановки послѣдового кровотечения, если таковое бываетъ очень сильнымъ, употребляютъ пережженые и истолченые въ порошокъ мышиные экскременты. Съ этой цѣлью пить еще настоящие въ водѣ и точно также предварительно пережженые и истолченные въ порошокъ, такъ называемые „лягушичьи ящики“ (раковины какихъ-то слизняковъ, которые во множествѣ покрываютъ берега здѣшнихъ рѣкъ по спаду воды). Это послѣднее средство пить и отъ „рѣзачки“ (перелоя).

Для заживленія ранъ (вообще) и чтобы онъ не гноились, ма- жутъ ихъ медвѣжьимъ саломъ.

При переломѣ костей у людей и у животныхъ даётся внутрь красная мѣдь. Въ дѣло идутъ предпочтительно старыя монеты,— ихъ скоблять и порошокъ разбалтываютъ въ водѣ. О цѣлебной силѣ мѣди въ данномъ случаѣ у сургутянъ существуетъ повѣрье, что мѣдь, принятая внутрь, охватываетъ изломъ кольцомъ, образуя, такимъ образомъ, какъ бы, спайку кости. Говорить, какъ выпьешь мѣди, то сразу почувствуешь, что она начинаетъ ходить по тѣлу, отыскивая болѣвое мѣсто. Ударится туда, сюда, и какъ только дойдетъ до излома, сразу остановится.

При переломѣ костей или при вывихѣ для уничтоженія жара и опухоли прикладываютъ къ болѣвому мѣсту тряпку, намоченную въ человѣческой мочѣ, въ родѣ компресса. Какъ только она высохнетъ, ее снимаютъ и замѣняютъ свѣжей¹⁾.

¹⁾ Здѣсь нестати будетъ отмѣтить и о другихъ цѣлебныхъ свойствахъ человѣческой мочи, по понятіямъ сургутянъ. Выше мы видѣли, что дѣтскую мочу сургутяне пьютъ отъ лихорадки. Кроме того, человѣческая моча считается у сургутянъ луч-

Также для вытягивания жара прикладывают къ больному юсту тертый картофель или гущу изъ-подъ кваса съ грибами.

Головные боли, явившихся въ результате ушиба головы, язр., при падении съ какого-нибудь высокаго мѣста, когда опасаются, что мозгъ сотрясень, „править мозгъ“. Правежъ этотъ включается въ слѣдующемъ. Обвязываютъ голову поясомъ и дѣлаютъ на немъ въ четырехъ мѣстахъ по значку: на лбу, на затылкѣ и на вискахъ. Потомъ повязку снимаютъ и складываютъ ее надвое такъ, чтобы значки лба и затылка пришлись ровно на концахъ повязки; затѣмъ повязка складывается еще поперекъ, такъ, чтобы височные значки приходились на концахъ сложенной повязки, т. е. повязка складывается сначала по продольной линіи головы, потомъ по поперечной. Въ первомъ случаѣ значки лба и затылка будутъ на концахъ повязки и височные значки должны совпадать; во второмъ случаѣ—наоборотъ. Если значки въ томъ и другомъ случаяхъ совпадаютъ,—сотрясенія нѣть; если же не совпадаютъ,—думаютъ, что мозгъ сотрясенъ. Тогда лекарка беретъ голову больного въ руки и сильно встряхиваетъ, отчего у больного сыплются искры изъ глазъ. Потомъ голову туго стягиваютъ платкомъ и кладутъ больного въ постель, „чтобы быть спокой“. Примѣрно черезъ полчаса платокъ развязываютъ.

Отъ ознобовъ лучшимъ средствомъ считается кошачье сало. Употребляется также и сало лисы.

Если укусить собака, то советуютъ выстричь у этой собаки клюкъ шерсти, сжечь его и пепломъ прикладывать къ больному мѣstu, предварительно обкуривъ больное мѣсто этой же шерстью. Собачий зубъ считается худымъ зубомъ: укушенное имъ мѣсто долго не заживаетъ.

Если уколоть руку ершевой костью и отъ этого образуется

шапъ средствомъ отъ опьяненія, и ее насильно выводятъ изъ ротъ безчувственно пальму для отрезанія. Наконецъ, иначе же лечатся и отъ болѣзни глазъ. Всю ночь сидѣтъ съѣга, но выраженію сургутинъ, „глаза скрадываются“, т.-е. глаза дѣлаются воспаленными, красными, мутными, все время слезятся и болятъ. Страдающій этиль не можетъ, иначѣ бы, въ туманѣ, а въ крайнемъ случаѣ даже совсѣмъ некоторое время не видѣть. Отъ этого рожаетъ глагъ, что часто скрываютъ больные глаза своей собственной кочкой.

въ руку сильный ломъ и пойдетъ кровь, то совѣтуютъ больнымъ мѣстомъ потереть объ этого же ерша „противъ шерсти“, — и оттого боль утихнетъ.

Отъ укуса змѣи (адѣсь говорять, что змѣя „ужалила“), когда образуется опухоль, чтобы прекратить ея дальнѣйшее распространеніе, перевязываютъ опухшее мѣсто чѣмъ-нибудь шелковымъ, напр., ниткой или платкомъ, или же женскими или конскими волосами. По словамъ сургутянъ, черезъ кожевинку или волосъ опухоль не переступить. Затѣмъ стараются то, что бы то ни стало вынуть изъ укушенного мѣста „жало“. Чѣмъ-либо принимаютъ за „жало“, трудно сказать, но намъ самихъ пришлось видѣть, какъ однажды вынимали у укушенного змѣи вѣка „жало“, при чемъ за таковое сошла просто какая-то щинка, оказавшаяся въ ранѣ.

Если укусить змѣя, то сургутяне думаютъ, что сей-часъ же побѣжитъ къ водѣ и ее слѣдуетъ „упредить“, т. е. раньше нея окунуть въ воду укушенное мѣсто. Если это удастся, то змѣя пропадетъ, если же иѣть, то человѣку трудно будетъ вылечиться.

Вместо воды можно пользоваться и слюной, и слѣдуетъ сей-часъ же послюнить укушенное мѣсто.

Для того же, чтобы вынуть „жало“, совѣтуютъ наскоблить „громову стрѣлу“ и посыпать рану этимъ порошкомъ, и тогда „жало“ само наверхъ выйдетъ.

Въ заключеніе этой главы расскажемъ еще о леченіи сургутянами желудочныхъ болѣзней.

Отъ поноса сургутяне употребляютъ слѣдующія средства:

1) Пьють настой звѣробоя — дѣти въ водѣ, взрослые предпочтительно въ водкѣ, первыя по чайной ложкѣ часа черезъ 2—3, взрослые по три „ашки или по три рюмки въ день.

2) ПьюТЬ настой „гросперки“ (трилистника), — способъ употребленія тотъ же, что и звѣробоя.

3) Ржаной пережженый хлѣбъ толкнуть въ порошокъ, обваривать его затѣмъ кипяченой водой изъ самовара и „хлебасть“ змѣять съ водой.

При болѣзни жигона очень распространенное средство — национальный въ водѣ или молокѣ.

Отъ икоты пьют золу въ водѣ. Это же средство употребляютъ и отъ кликушества (истерическихъ припадковъ), вообще крайне рѣдкой въ этомъ краѣ болѣзни.

Отъ изжоги (въ Сургутѣ говорятъ: „сердце горитъ“) ѿдѣять мыло или же держать во рту что-либо мѣдное, напр., крестъ, деньги и т. п.

Теперь мы скажемъ о леченіи дѣтскихъ болѣзней. Изъ дѣтскихъ болѣзней сургутяне признаютъ только „испугъ“, грыжу, „собачью старость“ и особенно такъ называемые „уроки“ и „пригоры“, т.-е. болѣзни, обусловленныя „дурнымъ глазомъ“. И хотя въ Сургутѣ каждое лѣто, по спадѣ воды (июль—августъ), умираютъ десятки дѣтей отъ дизентеріи, но этой болѣзни сургутяне не придаютъ особеннаго значенія. Еще меньшее значеніе придаютъ они дифтериту, который появился въ Сургутѣ впервые въ 1889 году и произвелъ цѣлый переполохъ среди немногочисленного здѣсь культурнаго общества и врачей (незадолго передъ этимъ въ Сургутѣ появилось два врача: одинъ для города, другой для округи). Сейчасъ же врачами были приняты всѣ доступныя здѣсь мѣры для локализаціи болѣзни.

Но сургутяне относились съ эпическимъ спокойствиемъ къ этой невѣдомой для нихъ „гортанной болѣзни“, и въ концѣ концовъ по поводу нѣкоторыхъ принятыхъ врачемъ и полиціею мѣръ у сургутянъ произошло даже столкновеніе съ подлежащими властями, иѣчто вродѣ антидифтеритныхъ безпорядковъ. Послѣ того дифтеритъ уже не переводился въ Сургутѣ (до нашего отѣзда въ 1891 г.), появляясь спорадически то тамъ, то сямъ, но не заставляя, однако, сургутянъ обращать на себя большее вниманіе, чѣмъ на всякую другую „гортанную“ болѣзнь. Впрочемъ, вообще мы вынесли впечатлѣніе, что сургутяне въ массѣ довольно равнодушно относятся къ дѣтской смертности, отъ чего бы она ни происходила. Если же и придаютъ нѣкоторое значеніе вышеперечисленнымъ болѣзнямъ, то, намъ думается, единственно потому, что всѣ эти „испуги“, грыжи и „уроки“ отражаются на послѣдующей судьбѣ ребенка и, быть можетъ, даже на всей послѣдующей жизни, что и заставляетъ относиться къ этимъ болѣзнямъ не столь индифферентно, какъ къ тѣмъ, которыхъ прямо ведутъ къ смерти.

Если ребенокъ не спать по ночамъ безъ достаточныхъ оснований, кричить, плачеть, не есть и пр., то сургутяне обыкновенно предполагаютъ здесь „испугъ“ и думаютъ, что ребенокъ чѣмъ-нибудь испуганъ, — какимъ-нибудь громкимъ крикомъ или стукомъ, страшнымъ видомъ и т. п.

„Испугъ“ считается у сургутянъ серьезной болѣзнью, и если его своевременно не лечить, то ребенокъ можетъ на всю жизнь сдѣлаться „пугливымъ“—раздражительнымъ, слабосильнымъ, нервнымъ. Поэтому сургутяне сейчасъ же стараются принять противъ испуга свои мѣры. Прежде всего, какъ бы слѣдуя стариинному медицинскому правилу: *similia similibus curantur*, въ случаѣ если ребенокъ испуганъ громкимъ крикомъ, носить его подъ колокольный звонъ. Если это не помогаетъ, лечать внезапнымъ обливаніемъ такъ называемой „молчанной“ или „колокольной“ водой. Вода эта добывается такимъ образомъ: въ 12 часовъ ночи мать больного ребенка береть воду въ заранѣе намѣченномъ мѣстѣ при сліяніи трехъ ручьевъ. Съ этой водой она, молча, отправляется на колокольню. Здѣсь она обливаетъ принесенной водой большой колоколь (по другимъ рассказамъ—три колокола), и стекающую съ колокола воду собираетъ въ особую посуду, послѣ чего эта вода пріобрѣтаетъ цѣлебную силу.

Вся эта процедура обязательно продѣлывается молча, никакие разговоры и вопросы встрѣчныхъ не должны вызывать отвѣта, иначе вода потеряетъ свои цѣлебные свойства.

Затѣмъ испуганныхъ дѣтей обкуриваютъ корнемъ чертополоха.

Умываютъ лицо дѣтей „четверѣжной“ солью, о способѣ приготовленія которой было говорено выше.

Дають пить больнымъ дѣтямъ настой черной травы. Эту траву настаиваютъ въ водкѣ трое сутокъ, въ плотно закупоренной бутылкѣ, или запариваютъ на водѣ, въ печи, тоже въ наглухо закрытомъ сосудѣ. Дають пить по двѣ ложки въ день: утромъ на тощакъ и вечеромъ передъ сномъ. Это средство считается очень сильнымъ, и думаютъ, что большая доза можетъ повредить.

Отъ грыжи, которая въ Сургутѣ является среди дѣтей довольно распространенной болѣзнью, сургутяне употребляютъ слѣдующія средства.

Дають пить ребенку „сѣру горючу“ (обыкновенно желтую сѣ

РУ), истолченную въ порошок: разведенную въ материнскомъ молокѣ, приблизительно, золотыни, съры на 5 чайныхъ ложекъ молока. Даютъ по двѣ ложки въ день, утромъ и вечеромъ.

Поять дѣтей ягодами волчика, тоже разведенными въ материнскомъ молокѣ. Одну ягоду разрѣзываютъ на 5 частей, каждая часть на одну чайную ложку молока. Это лекарство считается очень сильнымъ и ядовитымъ и его даютъ ребенку только разъ въ день.

Мажутъ дѣтей поросьячей желчью, при чемъ для мальчиковъ берется желчь отъ „мужичка“ (такъ здѣсь называютъ самцовъ всѣхъ животныхъ), а для дѣвочекъ отъ „женки“ (самки). У мальчиковъ мажутъ пупокъ и мошонку, у дѣвочекъ тоже пупокъ и около лобка.

Дають пить дѣтямъ „кучелебу“, настоящую или въ молокѣ, или въ винѣ (приблизительно, на стаканъ того или другого подлагается одна ягода), по полъ-чайной ложкѣ въ день,—считается тоже очень ядовитымъ лекарствомъ. Ягода эта различается сургутянами на мужскую и женскую: мужская—„попуречками“, женская—„ямочками“, и даютъ мужскую мальчикамъ, а женскую дѣвочкамъ.

Принимаютъ внутрь медвѣжью желчь въ водѣ, а равно и куриную. Это средство отъ грыжи употребляется и взрослыми.

Дають дѣтямъ киноварь въ материнскомъ молокѣ, въ очень небольшихъ дозахъ (говорятъ, съ нея забыть дѣти).

Дають пить брусничный сокъ, по чайной ложкѣ два раза въ день.

Настаиваютъ въ водѣ лиственничью губу и этимъ настоемъ поять дѣтей.

При грыжѣ прокалываютъ у дѣтей въ мочкахъ уха дырочки и заставляютъ носить серги какъ дѣвочекъ, такъ и мальчиковъ, думая, что это помогаетъ отъ грыжи. Наконецъ, дѣтей, у которыхъ замѣчена грыжа, никогда не пеленаютъ цѣликомъ, какъ всѣхъ прочихъ, а свиваютъ ихъ только до пояса, думая, что черезъ это проходитъ грыжа, но зато у такихъ дѣтей, по словамъ сургутянъ, бываютъ кривые ноги.

Если родится худосочный, блѣдный, старообразный ребенокъ, то говорятъ, что онъ „подверженъ“ „собачьей старости“. Чтобы „выправить“ такого ребенка, надо его три дня садить на лопатѣ

въ печь на нѣсколько минутъ. При этомъ существуетъ какой-то наговоръ. Послѣ того приготовленныи зааше хлѣбомъ обтираютъ всего ребенка, а хлѣбъ бросаютъ собакамъ. Въ этомъ и состоять все леченіе „собачьей старости“ (вѣроятно рахитизма или англійской болѣзни).

„Уроки“ и „призоры“—если человѣкъ „съ лурпымъ глазомъ“ посмотритъ на ребенка въ то время, когда тотъ єсть, и при этомъ скажетъ, что онъ много єсть, то этимъ опъ можетъ сглазить ребенка, или, какъ говорятъ сургутяне, „изурочить“, „уркнуть“, „озинуть на пинцѣ“ и у ребенка вслѣдствіе этого появляются „уроки въ животѣ“: животъ станетъ пучить, а ребенокъ много єсть и пить, но самъ будетъ все худѣть и хирѣть.

Точно также, если „урочливый“ человѣкъ посмотритъ на женщину, когда та кормитъ грудью ребенка, и при этомъ замѣтить, что у нея большія груди, или сравнить ее съ коровой, то можетъ и женщину „озинуть па молокѣ“, и у нея послѣ этого „дѣплются“ (сдѣлаются) „уроки въ груди“: груди будутъ болѣть и перестанутъ давать молоко.

По мнѣнію сургутянъ, женщины могутъ также подвергнуться „приорамъ“ и во время мѣсячныхъ очищеній (которая называется здѣсь „красками“); поэтому обыкновенно совсѣмъ скрывать „краски“ отъ постороннихъ женщинъ и даже близкихъ родныхъ и все нужное продѣлывать тайно. Но въ особенности стѣдуетъ скрывать самое первое появленіе „красокъ“, такъ что молодымъ дѣвушкамъ строго наказывается не открывать первое появленіе у себя регуль даже матерямъ. Думаютъ, что отъ посторонняго глаза могутъ быть большія изнурительныя крови.

Кстати, у сургутянъ есть странное повѣрье о „мѣсячныхъ“. Такъ называютъ они мужчинъ, которые, будто бы, мѣсяцъ бывають „мужиками“ (со всѣми атрибутами мужскаго пола), а мѣсяцъ—бабами со всѣми бабыми атрибутами, при чемъ каждый такой „мѣсячный“ послѣ того, какъ мѣсяцъ пробудетъ мужчиною, вѣряеть въ себѣ всѣ свои мужскія припадлежности, вместо коихъ затѣмъ образуются женскія. И сургутяне глубоко увѣреши, что такие люди дѣйствительно существуютъ на свѣтѣ.

„Изурочить“ на ъдѣ можно и взрослаго, у котораго „уроки въ животѣ“ выражаются тѣми же симптомами (пученіе живота и

пр.), что и у ребенка, но взрослые менѣе „подвержены“ этимъ „урокамъ“ и „призорамъ“, чѣмъ малолѣтнія, и особенно грудные дѣти, почему этихъ послѣднихъ всегда и стараются кормить грудью гдѣ-нибудь наединѣ, чтобы посторонніе не могли ихъ видѣть и „изурочить“.

Наконецъ, урочливый человѣкъ, если подивуется на „красиваго“ ребенка, то можетъ „доспѣть“ „призоры“ на лицѣ, т.-е. у ребенка появятся на лицѣ пятна, разные „попури“, лишай и пр.

Самымъ радикальнымъ средствомъ отъ „уроковъ“ и „призоровъ“ считается такъ называемая „четверѣжная соль“, о которой уже не разъ приходилось говорить выше. Отъ „уроковъ въ животѣ“ эту соль разводятъ въ водѣ и даютъ пить дѣтямъ и взрослымъ; отъ „уроковъ въ груди“ растворомъ соли женщины моютъ груди, а отъ „призоровъ“ умываютъ дѣтямъ лицо.

Кромѣ того, отъ „уроковъ“ лечатся еще такъ называемой „перенесной землей“: съ потолка трехъ домовъ, непремѣнно такихъ, которые были перенесены съ своихъ мѣстъ въ другія, берутъ землю въ опредѣленной мѣрѣ съ каждого дома и эту землю даютъ пить больному въ водѣ. Послѣ нея, по словамъ сургутянъ, у больного „уроками въ животѣ“ „доспѣется“ поносъ, желудокъ очистится и придетъ въ свое нормальное состояніе.

Отъ „уроковъ въ груди“ у женщинъ прикладываютъ къ грудь тертую картофель, которая уничтожаетъ ломъ.

„Призоры на лицѣ“ „сживаются“ еще тѣмъ, что мажутъ лицо у ребенка сметаной и затѣмъ приносятъ щенка—если „призоры“ у мальчика, то „мужичка“ (кобеля), а если у дѣвочки, то „женку“ (сучку). и даютъ щенку слизывать эту сметану.

Такъ дѣлаютъ нѣсколько разъ и призоры, будто бы, проходятъ: „изъ слизеть съ лица собака“.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, т.-е. и отъ „уроковъ“, и отъ „призоровъ“, употребляется еще такое средство: у тѣго человѣка, который „изурочилъ“, вырѣзываютъ изъ какой-нибудь его одежды (обыкновенно изъ самой лучшей и дорогой, чтобы тому было особенно ее жаль) лоскутъ на спинѣ противъ сердца и этимъ лоскутомъ обкуриваютъ изуроченного, при чемъ это дѣлается такъ, чтобы собственникъ испорченной одежды не зналъ, что у него вырезали лоскутъ, иначе это средство не помогаетъ.

Здесь нельзя не видеть аналогии, почти тождества, съ тѣмъ средствомъ, которое употребляютъ отъ укуса собаки. Тамъ тоже выстригаютъ у собаки клокъ шерсти и обкуриваютъ имъ укушенное мѣсто^{1).}

Любопытна еще одна аналогія между „урочливымъ человѣкомъ“ и собакой. Если собака (или кошка) понюхаетъ пищу, то человѣкъ, потребившій ее, заболѣвѣть, чѣмъ—сургутянъ не обѣасялъ. Но увѣрены, что заболѣвать такъ же, какъ и у глаза „урочливаго“ человѣка, и заранѣе лечатся „переносомъ“ чѣмъ.

Въ заключеніе мы считаемъ нелѣчимъ сказать еще и
съль о разныхъ примѣтахъ и обрядахъ, касающихся сургутянъ и имѣвшихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ бы, профилактическій и дѣтетический характеръ. Вообще нужно замѣтить, что эти фалактическія и дѣтетическія правила въ сургутской народной медицине крайне скучны и состоять обыкновенно изъ ряда винныхъ советовъ и примѣтъ, гдѣ, какъ и въ сфере лечения болѣзней, нѣкоторые правила разумнаго эмпиризма теряются при пережитковъ первобытныхъ воззрѣй.

Выше намъ приходилось говорить о сургутской дѣтетикѣ пищи при золотухѣ, но это, кажется, единственная болѣзнь, при которой сургутяне рекомендуютъ нѣкоторый пищевой режимъ, хотя бы въ видѣ отрицательныхъ советовъ не употреблять той или другой пищи.

Но вообще на пищу сургутяне не смотрятъ ни какъ на источникъ болѣзней, ни какъ на средство, при разумномъ употреблении которого можно побороть болѣзнь, и въ этомъ отношеніи не прозаичтъ ей особеннаго значенія, дозволая почти при всѣхъ болѣзняхъ ѿсть все, что только можетъ вынести натура.

При чѣмъ, какъ общее правило, при ѿсь болѣзняхъ рекомендуется побольше ѿсть: „будешь здоровъ“, а на тощій желудокъ и болѣзнь спѣльнѣе дѣйствуетъ.

Гораздо большее вниманіе обращается, повидимому, на сонъ. Хороший сонъ, когда, по выражению сургутянъ, „и рука спить, и

¹⁾ Слышать еще одинъ аналогичный случай обкуривания. Если заболѣвать скотину, то у хомяка этой скотины вырывываютъ изъ нѣкоторого мѣста волосы и обкуриваютъ ими скотину.

нога спить", считается первымъ условіемъ здоровья. Здоровымъ же сномъ считается такъ называемый „черный сонъ“, „черный сонъ—до полуночи“.

Людя этотъ „черный сонъ“, т.-е. сонъ по закату солнца, сургутяне удивительнымъ образомъ приспособили свою жизнь и привычки къ местнымъ географическимъ условіямъ. Какъ известно, весь этотъ край расположень съвернѣе 61-й параллели (Сургутъ лежитъ подъ $61^{\circ} 17'$ съв. шир.), и лѣтомъ здѣсь ночей почти не бываетъ. Солнце заходитъ за горизонтъ всего на какихъ-нибудь 2—3 часа, и все это время такъ светло, что можно свободно читать книгу. Зато зимой уже въ третьемъ часу дня приходится зажигать огонь. И вотъ, заѣзжій туристъ наблюдаетъ такую картину: зимой сургутяне ложатся спать необычайно рано; такъ, въ 6—7 часовъ вечера уже все туземное населеніе города спить и встаетъ приблизительно въ тѣ же часы утра, когда здѣсь еще совершенно темно, такъ что въ общей сложности сургутяне зимой спятъ чуть ли не двѣнадцать часовъ въ сутки. Но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ солнце подымается надъ горизонтомъ, время сна отодвигается все дальше и дальше, и лѣтомъ сургутяне не ложатся спать раньше 11—12 часовъ ночи, а встаютъ часа въ 3—4 утра, т.-е. спать не болѣе четырехъ часовъ въ сутки.

Правда, такое продолжительное бодрствованіе не по силамъ человѣка (нужно замѣтить, что и рабочій день въ Сургутѣ, напр., для плотниковъ, тянется лѣтомъ около 20-ти часовъ, за небольшими вычетами на завтракъ, обѣдъ и чай), и сургутяне обыкновенно ложатся еще въ полдень на часъ или два отдохнуть; но вообще, по ихъ понятіямъ, спать днемъ не слѣдуетъ: можетъ приключиться болѣзнь.

Въ особенности же не слѣдуетъ спать днемъ весной¹⁾). Также не хорошо спать и при закатѣ солнца. Вообще, если человѣка начинаетъ клонить въ сонъ не во время, или, какъ здѣсь говорять „сонъ давить“ не въ обычное время, то это предвѣщаетъ какое-нибудь несчастіе или даже близкую смерть. Что же касается

¹⁾ Всѣ весеніе промыслы (ловля сѣтии утокъ, ружейная охота и рыбная ловля) производятся здѣсь ночью, главнымъ образомъ, на ветеринѣ и утренней заряѣ, преимущественно отъ 10—11 часовъ вечера до 2—3 часовъ утра. Потомъ, вернувшись съ промысловъ, спать часовъ до 8—9 утра, что не считается дневнымъ сномъ.

безсонницы, то отъ нея сургутяне употребляютъ такое средство. По мнѣнію сургутянъ, въ головѣ у налима есть „сонъ“. Это, по ихъ объясненію, двѣ маленькия косточки, кругленькия, которые находятся по ту и по другую сторону налима яго мозга и благодаря которымъ налимъ „дремлетъ“. По этимъ разсказамъ „сонъ“ есть и у окуяя. Эти двѣ косточки изъ внутренней полости окуяя или налима яго черепа и кладутъ больному безсонницей подъ подушку. Это средство употребляется отъ безсонницы взрослые; безсонницу же у дѣтей (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда безсонница вызвана „испугомъ“, о чёмъ говорилось уже выше) сургутяне объясняютъ появлениемъ изъ головы какой-то „скалки“, въ родѣ дробинки. Это и есть „безсонница“, — ее обязательно нужно срѣзать, иначе съ ребенкомъ замаешься.

Этими предупрежденіями относительно дневного и весеннаго сна, кажется, и ограничиваются всѣ, такъ сказать, профилактическіе совѣты сургутянъ. Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что при эпидеміяхъ (вообще), въ видѣ предохранительной мѣры, дѣлаютъ на дверяхъ домовъ дегтемъ кресты и имъ же обкуриваютъ помѣщенія. Тоже дѣлаютъ и при эпизоотіяхъ съ „загородями“ (хлѣвъ, гдѣ помѣщается скотина), при чёмъ здоровый скотъ обмазываютъ дегтемъ.

Обращаясь теперь къ тѣмъ правиламъ, которыя рекомендуется соблюдать больнымъ (что можно бы назвать народной діететикой), слѣдуетъ сказать, что и эта часть правилъ такъ же скучна, какъ и разсказанные выше профилактическіе совѣты сургутянъ.

Больнымъ (чѣмъ бы то ни было) запрещается смотрѣться въ зеркало. Далѣе, запрещаютъ больнымъ причесывать волосы и стричь ногти: усилившись болѣзнь. Это запрещеніе стричь ногти, можетъ быть, стоитъ въ связи съ существующимъ у сургутянъ обычаемъ — сохранять обстригаемые ногти, такъ какъ они пригодятся „на томъ свѣтѣ“. По словамъ сургутянъ, „на томъ свѣтѣ“ губъниковъ заставятъ лѣзть на какую-то крутую и высокую гору и вить, чтобы удобнѣе было карабкаться на эту гору, слѣдуетъ кукѣ ногти.

Больнымъ, у которыхъ есть жаръ, нельзя ходить въ бани: жаръ можетъ усиливаться. Утопленниковъ никогда не слѣдуетъ листь на голую землю, а непремѣнно на доски, иначе съ нимъ

не отводиться. А отваживаются сургутяне съ утопленниками обычнымъ способомъ, какъ и веадъ въ простонародъ, т.-е. откачиваютъ ихъ, положивши на простыню или на какую-нибудь подходящую одежду.

При трудныхъ болѣзняхъ, чтобы узнать выздоровѣть ли больной, употребляютъ воду съ образа св. Пантелеймона: образъ обливаютъ водой,—если вода съ него скатится вся, то больной выздоровѣть, если же часть ее останется на образѣ, больной умреть. Эту воду даютъ потомъ больному пить. Дѣйствіе ея таково: когда, на основаніи предыдущаго испытанія, видно будетъ, что больному суждено умереть, то выпитая вода ускорить агонію, и больной скорѣе начнетъ „страдать“ (отходить). Если же больному суждено выздоровѣть, то онъ тотчасъ же почувствуетъ облегченіе. Образъ этотъ ставятъ иногда въ головахъ больного. При сильныхъ болѣзняхъ кладутъ больному подъ голову „Сонъ Пр. Богородицы“ (апокрифическую рукопись, имѣющую какую-то таинственную и цѣлебную силу). Если больной выздоровѣть, то онъ послѣ этого будетъ спать и почувствуетъ облегченіе, если же умреть, то станетъ „страдать“. Если больной передъ смертью все смотрѣть на потолокъ и изъ руки, то говорять; „скоро умреть“. Точно также, если больной все „оципывается“, т. е. щиплетъ руками одѣяло, или вдругъ пожелаетъ съ кровати лечь на полъ, это тоже служить признакомъ его скорой смерти. Если опасно больной быстро или, по сургутски, „устремно“ глядѣть,—помретъ, а у кого взоръ томный, этотъ выздоровѣть. Больныхъ сургутяне обыкновенно кладутъ поперекъ пола, а покойниковъ непремѣнно вдоль.

Въ случаѣ избавленія отъ болѣзни сургутяне даютъ „обвѣтъ“ (обѣтъ) отслужить молебенъ тому или другому святыму. При этомъ даются литые изображенія изъ металла, кому какой по средству, тѣхъ частей тѣла, которая болѣла, напримѣръ, руки, или головы, или сердца. Эти изображенія подвѣшиваются къ иконамъ и жертвуютъ въ храмы.

Х.

Погребальные обряды и суевърія о мертвыхъ.

По мнѣнію сургутянъ, за иѣкоторое время передъ смертью, иѣ человѣку, которому предстоитъ умереть является смерть. Она приходитъ и къ больнымъ наканунѣ ихъ смерти и къ совершенно здоровымъ людямъ, которые, однако, въ скорости непремѣнно должны будуть умереть. Чаще всего она при этомъ не принимаетъ никакого определенаго облика и не всегда даже входитъ въ домъ, а только подойдетъ къ дверямъ и постучитъ. Если такой, повидимому, безпричинный стукъ въ двери повторится нѣсколько разъ въ то время, какъ въ домѣ лежитъ больной, это значитъ: приходила смерть и звала его къ себѣ... Но иногда она принимаетъ видъ птицы (по большей части сороки), которая залетаетъ въ комнату черезъ трубу или окно и тоже предвѣщаетъ, что въ скорости умретъ кто нибудь изъ домашнихъ. Иногда ее видятъ и слышатъ только окружающіе больного, а самому больному она не показывается, но бываетъ и такъ, что больной видитъ и даже разговариваетъ со смертью, а присутствующіе ничего объ этомъ не знаютъ. Въ этомъ случаѣ смерть является то въ образѣ какого-нибудь незнакомаго старичка, то приходитъ въ видѣ скелета, въ бѣломъ саванѣ, становится у изголовья или у ногъ больного, и между нимъ и смертью нерѣдко завязывается неслышный для постороннихъ разговоръ... „Что ты за человѣкъ?“ спрашиваетъ больной. „Я—смерть твоя и пришла за тобой“, слышится въ отвѣтъ... После этого смерть исчезаетъ, а больной рассказываетъ окружающимъ, что за нимъ приходила смерть и звала его къ себѣ. Тогда прекращается всякое лечение и дѣлаются окончательныя приготовленія къ смерти: даютъ знать попу, приглашаютъ разныхъ „благочестивыхъ“ старушекъ въ качествѣ сидѣлокъ, сообщаютъ всѣмъ близкимъ родственникамъ и, если умираетъ женщина, начинаютъ шить такъ называемое „смертьное“ платье. Мужчинъ хоронятъ въ ихъ обычной одеждѣ, а для женщинъ непремѣнно шьютъ сарафанъ (хотя обыкновенно адѣль не носятъ сарафановъ): пожилымъ женщинамъ—изъ черной матеріи, а для молодыхъ и девушки—изъ бѣлой.

Если умирающій долго мучится въ предсмертной агоніѣ, то

въ подпольи, противъ того мѣста, гдѣ онъ лежитъ, вбиваются два основныхъ кола. Отъ этого, говорять, умирающему бываетъ легче: онъ мучится меньше и скорѣй умираетъ. Съ тою же цѣлію поднимаютъ въ это время князекъ крыши и кладутъ подъ него основное полѣно.

Когда больной совсѣмъ кончается, зажигаютъ у передней иконы свѣчу, а на столѣ у постели умирающаго ставятъ чашку съ чистой водой.

Въ это время не слѣдуетъ ничѣмъ тревожить умирающаго: ни плачомъ, ни прчитаньями, ни стуемъ; иначе, если больной замѣтитъ, что кто-нибудь плачетъ, или услышитъ прчитанья окружающихъ, онъ не можетъ спокойнѣ умереть и будетъ долго мучиться, при чемъ его мученія могутъ принимать крайне тяжелыя формы: онъ станетъ вскакивать съ постели, бросится бѣжать и не скоро успоконится.

Когда человѣкъ умираетъ, то проходяще мимо того дома, гдѣ онъ лежитъ, легко могутъ замѣтить, какъ въ переднемъ углу этого дома стоитъ кто-то въ бѣломъ и, какъ будто, кого-то караулитъ... Это—смерть поджидаетъ свою жертву. Многие изъ сургутянъ видѣли ее „своими глазами“...

Послѣ обычнаго омовенія тѣла, надѣваютъ на покойника „смертьное платье“, при чемъ у девушки распускаютъ волосы, а у замужнихъ женщинъ заплетаютъ ихъ въ две косы, на шею надѣваютъ крестъ, а женщины иногда наряжаютъ также въ серьги и кольца. Эти серьги и кольца, а равно и крестъ, непремѣнно должны быть мѣдными, такъ какъ сургутяне думаютъ, что класть съ покойникомъ вещи изъ какого-нибудь другого металла, кроме мѣди, грѣшно, и обыкновенно таковыхъ не кладутъ. Затѣмъ покойника переносятъ на лавку (рѣже на стѣль) въ передній уголъ подъ образа и кладутъ всегда вдоль пола, такъ, чтобы ноги „глазали“ на дверь, при чемъ ноги связываютъ ниткой, чтобы онъ не разходились. Эта нитка, будучи взята отъ покойника, имѣеть, по понятіямъ сургутянъ, какую-то волшебную силу и употребляется для чего-то здѣшними колодунами, но подробнѣе объ этомъ намъ не удалось узнать.

Гробъ покойнику обыкновенно дѣлаетъ кто-нибудь изъ его родныхъ и/или близкихъ знакомыхъ и всегда даромъ. Стружки и

щечки отъ гроба здѣсь имѣютъ особое значеніе: часть ихъ, вмѣстѣ съ листьями отъ сухого вѣнца, кладутъ на дно гроба, а остальная вывозятъ на „пашню“, за городъ, куда вывозятъ также и навозъ изъ загородей, но ни въ коемъ случаѣ не сжигаютъ: жечь эти стружки нельзя. Подушку набиваютъ всегда „вѣнишными“ листьями (отъ сухого вѣнца) и ничѣмъ больше.

Состоятельный нанимаютъ „псалтырщика“ для чтенія псалтыря, за что полагается извѣстная плата отъ 2 до 3 рублей за всѣ трое сутокъ, что лежитъ покойникъ въ дому. Кроме того, псалтырщика дается еще тотъ платокъ или полушалокъ, которымъ бываетъ покрыть небольшой стульчикъ или какая-нибудь пустая перевернутая коробка, стоящая на столѣ передъ образами, чтобы выше и удобнѣе было читать.

Прежде сургутяне не держали такъ долго покойниковъ въ домѣ и нерѣдко хоронили ихъ въ день смерти или въ крайнемъ случаѣ на другой день, но теперь, вслѣдствіе предписаній начальства, держать обыкновенно три дня, если только смерть не послѣдовала отъ какой-нибудь заразительной болѣзни.

Сургутяне очень боятся покойниковъ и, чтобы не испытывать этого страха, употребляютъ такой пріемъ: берутъ покойника за ноги и приговариваютъ: „не я тебя, страхъ, боюсь, а ты меня, страхъ, бойся“, и затѣмъ „взапятки“ (задомъ) отходить къ порогу. Послѣ этого покойникъ, будто-бы, уже не будетъ болѣе внушать страхъ.

Неотпѣтный мертвый, по мнѣнію сургутянъ, слышитъ все, что происходитъ или говорится около него, и лишь когда наѣхъ нимъ въ послѣдній разъ пропоютъ вѣчную память, опуская его въ могилу, онъ утрачиваетъ всякое сознаніе, но тѣмъ не менѣе душа его до сорока дней навѣщаетъ обыкновенно свой домъ.

Если сдѣланній для покойника гробъ случайно окажется слишкомъ длиннымъ, или если покрывало (холстъ, или миткаль) слишкомъ короткое гроба, это служить дурной примѣтой: умреть кто-нибудь изъ того же дома. Точно также, если у покойника, когда его поднимутъ класть въ гробъ, ноги и руки закостенѣютъ, а спинна окажется „талой“, или если онъ умочится, лежа на столѣ — это предвѣщаетъ, что умреть кто-нибудь изъ родныхъ.

Когда покойника вынесутъ изъ дома, то въ передній уголъ, гдѣ онъ лежалъ, кладутъ камень (булыжникъ).

Съ кладбища обыкновенно всѣ провожавшіе тѣло умершаго, приглашаются на особое поминальное угощеніе, при чём созываютъ также и нищихъ, которымъ подается три милостыни если хлѣбомъ, то по три коровья, по три пирога, по три шаньги каждому, а если дается деньгами, то, напр., по три копѣйки и т. д.

Характерными кушаньями на поминкахъ, кроме кутьи, которую приносятъ изъ церкви и ёдятъ сейчасъ же по возвращеніи съ кладбища, являются каша и блины, которые подаются къ чаю, а затѣмъ идетъ обычное угощеніе „по состоянію глядя“.

Покойниковъ поминаютъ въ Сургутѣ на 6-й день смерти (3-й день похоронъ), на 9-й, 20-й, 40-й (6 недѣль), иаконецъ, черезъ полгода и годъ. Точно также справляютъ и имянину умершаго. День смерти и имянину справляются потому каждый голь, но конечно, только самыхъ близкихъ и уважаемыхъ родственниковъ, каковы: отецъ, мать, мужъ, жена, крестные, но дѣтей, братьевъ, сестеръ и т. д. скоро забываютъ и имянинъ ихъ обыкновенно не празднуютъ.

Въ день этихъ поминокъ заказываютъ панихиду или обѣды, ходить на могилы и причитаютъ, а потому обычнымъ порядкомъ созываютъ гостей и нищихъ.

На святой недѣль ходить христосыться съ покойниками, катаютъ на могилахъ яйца и, обращаясь къ покойникамъ говорятъ: „Христосъ воскресе!“

Чтобы избѣжать тоски по тѣмъ или другимъ умершимъ, берутъ съ ихъ могилокъ щепотку песку и кладутъ себѣ на грудь за пазуху.

Вдовамъ не полагается носить серегъ. Какъ только умираетъ мужъ, жена сейчасъ же снимаетъ съ себя серьги и кольца. Но если вдова молодая и не долго еще жила съ мужемъ, то, спустя иѣкоторое время послѣ его смерти, ей советуютъ опять натѣть серьги. По мнѣнію сургутянъ, серьги помогаютъ вдовымъ женщинамъ отъ грыжи („чтобы ихъ не прогрызли“, „чтобы имъ не хотѣть мужика“).

Относительно повѣсившихся и вообще кончившихъ жизнь самоубійствомъ сургутяне думаютъ, что самъ по себѣ (по своей волѣ) человѣкъ никогда не давится: на него нападаютъ черти и задушиваютъ его. Это, конечно, можетъ произойти только тогда,

ногда на шеѣ у того или другого человѣка нѣтъ креста, а въ крестъ человѣкъ не задавится.

Если покойникъ долго не гніеть, то думаютъ, что это или монахъ, или проклятый матерью или Богомъ.

Въ заключеніе приведемъ, для образца, одно изъ причитаній Сургутскаго края, именно, причитаніе по отцу:

Мать сыра земля разступися,
 Гробница бѣлодубовая раскроїся,
 Родитель мой убудися,
 Раскрой свои очи ясныя,
 Распечатай свои уста сахарныя,
 Раскинь свои бѣлыя рученьки,
 Промолви со мной единое словечко...
 Куда ты, мой родитель, скрылся
 И куда ты, мой родитель, удалился
 Со монхъ, съ очей ясныхъ?
 Али ты удалился, мой родитель,
 За лѣса за темные и за горы за высокія?
 Не могу тебѧ, родитель, нигдѣ узрѣти,
 Ни на какихъ на путяхъ, на дороженькахъ,
 Ни на матушкѣ на быстрой рѣкѣ,
 Ни во темномъ лѣсѣ,
 Ни въ пирахъ и ни въ бесѣдахъ
 Не могу съ тобою, родитель,
 Нигдѣ свидѣться и нигдѣ встрѣтиться...
 На кого ты, мой родитель, такъ прогнѣвался?
 И что тебѣ на свѣтѣ бѣломъ такъ не взмилось?
 Безъ тебѧ, мой родитель, мнѣ быть невыносимо.
 Не могу такого друга и такого благодѣтеля себѣ изобрази,
 Какъ тебѧ, мой родимыи батюшка.
 Встрѣчаль ты меня за три поля, за три чистыя,
 И гостила ты меня изъ гостей госты дорогую,
 Ублажалъ ты меня своей родительской лаской
 И берегъ ты меня отъ вѣтру и отъ вихрю,
 Не давалъ ты на меня вѣтру дунути
 И частому дожду капнути...

и т. д.

Хотя все эти похоронные проповеди произносятся обыкновенно эклеромтомъ и являются, какъ бы, импровизацией, но въ действительности они хорошо извѣстны всемъ сургутянамъ и въ особенности женщинамъ, такъ что содержаніе ихъ (варьирующееся по предмету „плач“) и общий строй являются почти настолько же установленными, какъ содержаніе и строй любой пѣсни. Специальныхъ плачальщицъ въ Сургутѣ нѣтъ и обыкновенно посты смерти этого либо, какъ только станутъ мыть тѣло, въ домѣ сейчасъ же подымаются плачъ и проповѣдь всѣхъ присутствующихъ здесь женщинъ (мужчины рѣдко принимаютъ въ этомъ участіе) и „воютъ голосомъ“. Но особенной интензивности проповѣдь достигаютъ тогда, когда похоронка изъ церкви несутъ на кладбище, а также и на самомъ кладбищѣ, на могилѣ.

Въ другіе дни (погребенія усопшихъ) намъ не приходилось слышать проповѣдей, и, кажется, они бываютъ на Пасхѣ и на радиунцахъ, когда ходятъ на могилы служить панихиды или (на Пасхѣ) христосоваться съ умершими родственниками.

И. Я. Некрасовъ.